

La Renaissance Russe

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

ПАРИЖ · МОСКВА · НЬЮ-ЙОРК

1979 (III-IV) Trimestriel

PRIX: 25 F.

№ 7-8

ISSN 0222-1543

Редакция

Со-редакторы : кн. С.С. Оболенский (глав. редактор, Франция), проф. В.И. Алексеев (США), проф. А.Е. Климов (США), проф. Р.В. Плетнев (Канада).

Члены редакционного совещания : прот. А. Трубников (Франция), свящ. А. Лебедев (США), дьякон Н. Семенов (Франция), Е.А. Вагин (Италия), проф. Ю.Л. Джапаридзе (США), К.И. Киселева (США), А.И. Михайловский (ФРГ), проф. Н.П. Полторацкий (США), Г.А. Рар (ФРГ), Т.А. Родзянко (США), Н.Г. Семенова (Франция), А.Н. Федоров (Франция), Г.А. Хомяков (США).

Адрес редакции : 19, rue Claude Lorrain,
75016 Paris, France. Tél. 527-24-82.

Приемные часы от 16-и до 19-и по вторникам и пятницам. В другие дни и часы тел. 958-70-16.

Статьи, не принятые к напечатанию, не возвращаются и редакция не вступает в переписку по этому вопросу.

Издательство

Комиссия по подготовке празднования 1000-летия Крещения русского народа при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей. Председатель Прот. А. Киселев.

Адрес издательства :

« 1000 Anniversary Committee », 322 W. 108 St.,
New York, N.Y. 10025, USA. Tel. (212) 663-9093

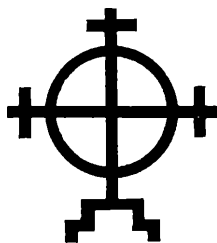
*

Обложка работы художника А.В. Русака.
Крест из церкви свв. Апостолов Петра и Павла
в Кожевниках (Новгород) 1406 года.

La Renaissance Russe

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

ПАРИЖ · МОСКВА · НЬЮ-ЙОРК

1979 (III-IV)

Trimestriel

№ 7-8

Copyright by the Preparatory Committee for the One
Thousandth Anniversary of the Baptism of Russia, 322 West
108 St., New York, N.Y. 10025, USA.

« РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Задачи Журнала

Журнал РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа в годы, предшествующие тысячелетию его крещения (988-1988).

Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их историософской неслиянности и нераздельности в нашем историческом будущем.

Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории.

Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли.

Основываясь на православном и национальном самосознании, журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводящейся на русскую нацию, на ее духовные устои, историю, культурные и государственные традиции.

Всё, что духовно созвучно вышесказанному, что отражает процессы происходящего у нас на родине возрождения, — литература, философия, история, проблемы государственной жизни или вопросы веры и Церкви, вопросы национального бытия и всё, что с ними связано и из них вытекает, входит в круг интереса журнала.

Журнал будет освещать проблемы современного Запада в свете русского исторического опыта. Он будет блюсти чистоту русского языка, как в моральном, так и в литературном смысле.

Мы — дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству.

С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию, мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять в канун тысячелетия крещения наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.

НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Редакция и издательский комитет «Русского Возрождения» просят всех наших читателей извинить запоздалый выход в свет и неполноценный объем этого нашего выпуска. Вызвано это неожиданной, серьезной и затянувшейся болезнью главного редактора, он же и выпускающий, совпавшей с расстройством работы печатающей журнал типографии в связи с кончиной ее прежнего директора.

Нами принимаются и будут приниматься все меры к тому, чтобы впредь предохранить журнал от последствий превратностей этого рода.

Свящ. Виктор Потапов

„Душа истомилась в молчании...”

К аресту о. Глеба Якунина

После относительного спокойствия в жизни Русской Православной Церкви в послевоенный период, в конце 50-х годов со стороны госатеистов было предпринято новое гонение на Православную Церковь и другие христианские вероисповедания. Во время, так называемых, «Хрущевских гонений» конца 50-х-начала 60-х годов, было закрыто более 10.000 церквей и часовен и почти все монастыри на территории СССР. К этому периоду относится начало христианского движения инакомыслия и протеста.

Один из первых ставших на путь открытого протеста был Архиепископ Калужский Гермоген Голубев. Летом 65-го года он возглавил делегацию из 8-ми епископов к Патриарху Алексию, требовавшую отмены решений Собора Епископов 61-го года, в виду их неканоничности. За эту акцию по требованию Куроедова Архиепископ Гермоген был уволен на покой и администрацией Московской Патриархии был назна-

чен поселиться в Жировицкий монастырь в Белорусии.

Вслед за протестом Архиепископа Гермогена 21-го ноября 65-го года появилось «Открытое письмо» Патриарху Алексию двух московских священников — отца Глеба Якунина и отца Николая Эшлимана. Затем, в декабре того же года, ими было послано особое «Заявление» Председателю Президиума Верховного Совета СССР Подгорному, Председателю Совета Министров СССР Косыгину и Генеральному Прокурору СССР Руденко. Копии «Открытого письма» Патриарху, а также «Заявления» властям со специальным приложением были также посланы всем епископам Русской Церкви*). Вскоре копии этих документов появились на Западе, где они получили широкое распространение в переводе на все европейские языки.

«Открытым письмом» двух московских клириков был создан прорыв в тактике молчания иерархии. Два священника взяли на себя всю тяжесть выступления, которое по их мнению давно должно было быть сделано Высшим Церковным Управлением.

*) Материалы эти были напечатаны в газете «Русская Мысль» за 1966 г., появились в отдельном издании Представительства Российских Эмигрантов в Америке, в переводе на английский язык в St. Vladimir's Seminary Quarterly, 1966, № 1-2; Religion in Communist Dominated Areas, 1966, № 9-10, и отдельным изданием Синода Русской Православной Церкви Заграницей — «A Cry of Dispair from Moscow Churchmen», New York, 1966.

В «Открытом письме» Патриарху Алексию отмечались те же нарушения «социалистической законности», что и в «Заявлении» представителям власти: массовое закрытие храмов, монастырей и церковных школ, требование регистрации крестин и получения разрешения на совершение треб на дому и прочее. Авторы письма указывали и на то, что выполнение духовенством этих требований противоречит христианской совести, каноническим правилам и пастырскому долгу. По мнению авторов «Открытого письма» вина церковного управления состоит в том,

«...что оно пошло по пути подчинения неофициальным устным распоряжениям, которые, в нарушение гласного советского законодательства, Совет по делам Русской Православной Церкви избрал средством систематического и разрушительного вмешательства в жизнь Церкви. Телефонные распоряжения, устный инструктаж, нигде не зафиксированные неофициальные соглашения, — вот та атмосфера нездоровой тайнственности, которая густым туманом окутала отношения Московской Патриархии и Совета по делам РПЦ».

Якунин и Эшлиман не ограничивались только отрицательной критикой и описанием тяжелого положения РПЦ — они также выдвинули ряд позитивных требований к епископату. Среди их рекомендаций:

«Созовите новый Церковно-Поместный Со-

бор, с самым широким представительством, дайте возможность свободно прозвучать голосу Церкви, ибо душа истомилась в молчании; подвига любви жаждет Церковь — благословите Ее, ибо Она не в силах более уклониться от выполнения Божией воли».

Получив «Открытое письмо» двух священников, Патриарх Алексей 24 декабря 1966 года положил на нем резолюцию, в которой между прочим говорилось: «указать на незаконность и порочность их действий». После этого Высшее Церковное Управление около 5-ти месяцев молчало. Затем со стороны Московской Патриархии была сделана безуспешная попытка побудить отцов Якунина и Эшлимана отказаться от их документов.

В мае 66-го года Московская Патриархия, резолюцией патриарха Алексея, запретила обоим клириков в священнолужении «впредь до их раскаяния». Они были освобождены от занимаемых должностей и предупреждены, что в случае продолжения их «порочной деятельности», к ним будут применены «более суровые меры прещения».

Своим «Открытым письмом», отцы Николай Эшлиман и Глеб Якунин дали толчок дальнейшему развитию религиозно-общественной мысли в Советском Союзе. Откликом на него явилось «Открытое письмо» верующих Кировской епархии, отправленное в июле 66-го года Патриарху Алексею, но адресованное вместе с тем и «всем верующим Русской Православной Церкви». В

этом письме говорится, что верующие Кировской епархии «целиком и полностью» поддерживают письмо Николая Эшлимана и Глеба Якунина. В 65-ом году советскому правительству было также послано обращение Организационного Комитета Церкви Евангельских Христиан-Баптистов с протестом против преследования верующих.

В 72-ом году Александр Солженицын упомянул «Открытое письмо» двух московских священников в своем знаменитом Великопостном письме» Патр. Пимену. «Свящ. Глеб Якунин и Николай Эшлиман своим жертвенным примером», писал Солженицын, «подтвердили, что не угас чистый пламень христианской веры в России».

В 74-ом году отец Глеб Якунин написал несколько писем ряду архиереев Русской Церкви, в которых содержится критика некоторых их публичных высказываний и действий. 19-го апреля 75-го года отец Глеб и два мирянина Русской Православной Церкви обратились в Политбюро КПСС с протестом против решения Политбюро сделать пасхальный день рабочим днем:

«Принуждая людей работать в день Пасхи, вы тем самым оскорбляете чувства миллионов верующих. Если бы вы объявили рабочим днем 1-ое мая или 7-ое ноября, число оскорбленных было бы значительно меньше».

Многие документы отец Глеб Якунин писал вместе со Львом Регельсоном, автором изданной на Западе книги «Трагедия Русской Церкви», и

с Виктором Капитанчуком. Самый известный из этих документов — их обращение к делегатам 5-ой ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Найроби от 16-го октября 75-го года. В этом обращении Якунин и Регельсон просили делегатов экуменического собрания не игнорировать участь миллионов верующих в Советском Союзе и реагировать на их просьбы о помощи и на нужды советских узников совести. Обращение это было широко распространено по всему миру и привело к тому, что вопрос о преследовании верующих в СССР был поднят на собрании Всемирного Совета Церквей. Без преувеличения можно сказать, что это обращение было самым значительным документом христианского самиздата за последние 10-15 лет.

Вскоре после этого, Якунин и Регельсон послали письмо Филиппу Поттеру — Генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей, в котором детально комментировалось законодательство о религии и предельно ясно показывались факты дискриминации против верующих в СССР.

В декабре 76-го года отец Глеб, совместно с другими видными представителями церковной общественности в СССР, — иеродиаконем Варсонофием Хайбулиным, Львом Регельсоном и Виктором Капитанчуком, основывает «Комитет защиты прав верующих в СССР».

«Верить в Бога и жить в соответствии со своей верой», пишут в своей декларации члены московского христианского комитета, «есть неотъемлемое естественное право каждого человека. Это право в принципе признается и основным

законом советского государства — Конституцией СССР. Однако реализация провозглашенного Конституцией принципа свободы совести наталкивается на значительные трудности в связи с отношением к религии государства, строящего безрелигиозное общество. Это выражается не только в характере действующего законодательства, но и в нарушениях со стороны государственной администрации даже тех прав, которые законом верующим предоставляются. Верующие в нашей стране составляют значительную часть населения, и нормализация их правового положения является жизненно необходимой и для самого государства, поскольку оно провозглашает себя общенародным и правовым» — говорится в декларации христианского комитета.

Цели комитета, изложенные в той же декларации, следующие: 1) собирать, изучать и распространять информацию о положении верующих в СССР; 2) оказывать консультативную помощь верующим в случае нарушения их прав; 3) обращаться в государственные инстанции по вопросам защиты прав верующих; 4) проводить посильную исследовательскую работу по выяснению правового и фактического положения религии в СССР; 5) содействовать совершенствованию советского законодательства о религии.

К настоящему времени на Западе в издательстве «Вашингтон Рисерч Сентр» в Сан-Франциско выпущено уже 11 томов документов Христианского Комитета, т. е. более 1 400 страниц документов о преследовании верующих в Советском Союзе.

И наконец, последний значительный акт о. Глеба Якунина перед его арестом 1-го ноября 1979 г. — это «доклад Христианскому Комитету защиты прав верующих в СССР о современном положении Русской Православной Церкви и о перспективах религиозного возрождения России». Доклад был сделан 15 августа 1979 года.

В докладе 12 разделов освещающих все стороны жизни Церкви в СССР: 1) Патриарх московский и всея Руси; 2) Епископат; 3) Священство; 4) Старостат — исполнительный орган Церкви, «Двадцатка»; 5) Приходы, миряне — православные верующие; 6) Монастыри; 7) Духовные школы — семинарии и академии; 8) Управление делами Патриархии; 9) Хозяйственное управление и финансово-хозяйственная деятельность Патриархии; 10) Издательский отдел и Журнал Московской Патриархии; 11) Отдел внешних церковных сношений; 12) Московская Патриархия и перспективы возрождения Православия в России.

«Доклад» отца Глеба Якунина поистине страшный документ, содержащий убийственную критику приспособленческой политики Московской патриархии. Открывается он утверждением, что в современной России происходит пробуждение и рост религиозного сознания:

«К религии тянутся, к религии приходят те, кто еще вчера был атеистом. В основном обращается к Богу интеллигенция, молодежь.

Но Московская Патриархия в ее нынешнем состоянии оказалась неспособной живо реагиро-

вать на этот процесс, усиливать его и направлять в свое церковное русло.

Этот процесс религиозного возрождения происходит помимо Московской Патриархии, и более того, трагизм положения в том, что Московская Патриархия, вопреки ее воле, объективно оказывается препятствием на его пути, его тормозом».

По мнению отца Глеба Московская Патриархия не только тормозит процесс религиозного возрождения Православия, не только не исполняет заповедь Христову о вселенском миссионерстве, но даже превратилась в «религиозный филиал комбината бытового обслуживания», а для правительства «все более удобным инструментом для его целей».

Что же должна сделать Московская Патриархия, чтобы стать подлинной духовной, преобразующей силой в жизни верующих в СССР? Ответ о. Глеб находит в опыте незарегистрированных религиозных общин в Советском Союзе: перейти на полулегальное существование. Это еще не катакомбное существование:

«Полулегальное существование принципиально отличается от катакомбного, т. к. общины верующих при этом не скрываются от государства, но отказываются от регистрации и других форм государственного контроля. Власть избегает тотальных репрессий против таких общин, не желая чрезмерно обострять конфликт с массой верующих и вынуждать их переходить к полностью скрытым, катакомбным формам существования...

«...Такая динамическая структура позволяет Церкви выдержать самое тяжелое давление со стороны государства, т. к. давление на официальную часть Церкви лишь усилит и укрепит Церковь незарегистрированную, поднимет в ней уровень религиозной жизни.

«В Русской Церкви опыт создания такой параллельной иерархии восходит ко временам Патриарха ТИХОНа, когда многие епископы получили тайную хиротонию, в том числе и от него лично.

«Потенции создания тайной иерархии уже были заложены Поместным Собором 1917-18 гг. и Патриархом ТИХОНОМ в канонически творческом акте — утверждении 3 кандидатов Местоблюстителя, имена которых держались в т а й н е, в то время как ставший впоследствии местоблюстителем митрополит ПЕТР (ПОЛЯНСКИЙ) в момент утверждения кандидатов еще вовсе не имел священного сана».

Чтобы создалась, так сказать «симфония»: «официальная» Церковь и «полулегальная», первый шаг должен быть сделан епископатом Московской Патриархии, что вряд ли произойдет», считает о. Глеб, ибо епископат находится в слишком полном подчинении госатеизму.

К кому же в создавшемся положении обратиться за духовным окормлением сотням тысяч православных христиан, живущих вдали от храмов, в отдаленных землях Восточной Сибири, Дальнего Востока, Камчатки, Чукотки, Магадана, где вовсе нет храмов, и где искать иерархию,

которая бы их окормляла? Ответ отца Глеба Якунина: «следует искать получения церковной иерархии из рук любой Православной братской церкви».

Правда, автор «Доклада» сознает, что «камень преткновения» на пути к созданию такой независимой от Московской Патриархии иерархии это — канон запрещающий одной поместной церкви действовать на территории другой. Но отец Глеб считает, что ввиду создавшегося «катастрофического» положения церкви в СССР, в этом церковном правиле могут быть исключения (сама Московская Патриархия имеет свои приходы на территории Американской автокефальной Церкви).

Будущее церковного возрождения и религиозного обращения России отец Глеб видит в той русской молодежи, которая вопреки Московской Патриархии сама берет на себя подвиг апостольского служения и против которой ведется ожесточенное преследование со стороны безбожников. Отец Глеб пишет:

«Не желая создавать впечатление о наличии в нашей стране прямых религиозных преследований, власти пытаются всеми средствами пресечь деятельность молодежных православных общин, семинаров и кружков, в которых осуществляется неконтролируемое ими христианское общение и религиозное самообразование.

«В этих гонениях свидетельство того, что именно здесь происходит подлинная встреча

России со Христом, встреча, вызывающая страх у Его врагов».

Что эта духовная встреча, это возрождение вызывает страх «там», у госатеистов, вполне понятно, но она также вызывает настороженность тут на Западе в некоторых кругах. Казалось бы, чего бояться от возрожденной христианской России? Некого «русского фашизма»? Но можно ли страну, явившую миру столь огромное число христианских мучеников за шесть десятков лет — больше чем за все время гонений на перво-христианскую Церковь — обвинить в фашизме?

Есть на Западе голоса, которые вторят коммунистам, утверждая, что православное возрождение в России — «миф» («это мол выдумка Солженицына и его опасной националистической идеологии»), хотя, правда, они сами признаются, что в этой области они не специалисты.

Создается впечатление, что эти люди всячески опасаются церковного возрождения, его не хотят. Напрасны их опасения, ибо что плохого может дать человечеству Церковь, которая проповедует Христовы заповеди любви, всепрощения и которая явила миру несказанный сонм мучеников?

Нет, возрождение православия и религии вообще не «выдумка» Александра Солженицына, а подлинное свидетельство «оттуда», таких людей как священники Глеб Якунин, Димитрий Дудко, миряне Александр Огородников, Володя Пореш, Игорь Огурцов, Владимир Осипов, а также Христианского Комитета защиты прав ве-

рующих в СССР, Семинара молодежи по проблемам религиозного возрождения и многочисленных баптистов, с радостью идущих в лагерь ради веры в Бога, и десятков тысяч пятидесятников и многих еще неведомых исповедников «там». А «тут» Александр Исаевич Солженицын и другие лучшие сыны России свидетельствуют об этом возрождении и служат ему.

Воинствующий безбожный коммунизм осудил тело Русской Церкви на распятие, бьет и истязает ее, ища такого места, по которому можно было бы нанести самый чувствительный и смертельный удар. Безбожники были уверены, что Церковь не выдержит ударов по ее земному телу, не зная или не веря словам Спасителя: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить». И хотя безбожникам удалось создать внутри Церкви вполне послушный себе аппарат и тем самым, с человеческой точки зрения, сделать борьбу почти невозможной, справедливо будет спросить: каким образом, после 60-ти лет атак на Православную веру в России, после непрекращающегося гонения на духовенство и его физического истребления, после 60-ти лет систематической пропаганды безбожия всеми видами и способами — каким образом после всего этого вера в России жива?

Материальное опустошение Церкви не дает безбожникам радостного сознания желанной победы над религией. Железный лом дробит церковный камень, разбивает купол... Но и только. А дальше что?

Дальше начинается та область, где ни лом,

ни динамит, ни пулеметы, ни револьверы уже не действуют. Можно убить человека, убить много людей (из числа русского духовенства загублена не одна тысяча), но лом, револьвер и динамит не могут убить живую веру в живого Христа и нельзя угасить пламенеющий дух веры!

Мы свидетели пусть медленного, но верного движения русского религиозного возрождения, которое в самых тяжелых условиях набирает силы во всех углах России. Один верующий отсюда пишет:

...Русское религиозное возрождение, заметное прежде всего на настроении молодой интеллигенции, есть движение стихийное. У нас нет ни органа печати, ни свободы собраний, ни свободной религиозной проповеди, нет пастырского руководства, нет, наконец, книг, вплоть до Священного Писания и молитвенников. Но у нас есть иное — все растущий приток новых, кипучих сил в Православие.

Имея уши слышать, да слышат!
Вашингтон, Д.К.

Свящ. Виктор Потапов

К РУССКИМ ПРАВОСЛАВНЫМ ХРИСТИАНАМ В ОТЕЧЕСТВЕ И В РАССЕЯНИИ СУЩИМ

О Б Р А Щ Е Н И Е

С чувством глубокого волнения, мы восприняли известие, что в прошлом году Зарубежная Синодальная Церковь приняла решение о предстоящей канонизации русских мучеников и исповедников, пострадавших во время великого гонения XX века. Радостно сознавать, что предпринимаются, наконец, конкретные действия по прославлению великого духовного подвига сонма новых русских святых.

Подготовка их канонизации есть дело величайшей важности и совершенно оно должно быть с предельной духовной ответственностью. Прославить подвиг мучеников — это значит приобщиться к нему, увидеть его в истине, просветиться им. Мы знаем, что истина открывается церковной соборностью. Всякое отклонение от подлинной церковной соборности, вольное или невольное, ведет к односторонности, к искажению истины, и даже к ереси. Именно поэтому так важно, чтобы это великое дело — подготовка канонизации — совершилось в духе церковной соборности, чтобы вся плирорма русского православия была духовно едина в великом церковном делании. Это будет залогом того, что канонизация подлинно совершится согласно воле Божией, в истине и никакие человеческие страсти

не исказят, не замутят видения Божьей правды о новых мучениках и исповедниках.

Всем сердцем желая этого, мы не можем одновременно с чувством радости не испытывать и чувства тревоги. Оно вызвано тем, что в великом общецерковном и общенациональном деле канонизации новых русских мученков, Синодальная Церковь, по-прежнему, остается в одиночестве.

Призывы к единению в совместной работе всех православных христиан, кому дороги судьбы России и Русской Церкви, по подготовке канонизации раздавались уже давно. Но они не встретили должного отклика.

Неужели стремление исполнить свой религиозный долг по отношению к мученикам, духовно приобщиться их подвигу, принять участие в Пасхальной радости их прославления, не окажется глубже разномыслий и конфликтов, трагически разделяющих в наши дни русских православных христиан?

В связи с конкретными сроками канонизации, установленными Синодальной Церковью и ее твердой решимостью довести это дело до конца, перед каждым русским православным христианином, где бы он ни жил и какую бы церковную позицию ни занимал, встает необходимость выбора:

либо принять посильное участие в подготовке канонизации помощью в сборе материалов, обсуждением принципов канонизации или, во всяком случае, горячей молитвой об успехе этого великого начинания;

либо своей пассивностью, безразличием или

даже негативизмом препятствовать превращению дела канонизации в поистине общенародный акт.

Для нас, живущих в России, несомненно, что прославление святых не может остаться частным делом одной из юрисдикций Русской Церкви. Мы свидетельствуем, что молитвенное почитание мучеников и исповедников все шире распространяется в Русской Земле и выражаем глубокую уверенность, что акт канонизации, даже, если он будет совершен одной лишь Синодальной Церковью, будет с подлинно религиозным энтузиазмом воспринят русским духовенством и церковным народом.

Мы испытываем чувство глубокой благодарности к Синодальной Церкви за ее инициативу и в то же время надеемся, что будет преодолен соблазн юрисдикционного изоляционизма и Синодальная Церковь не останется в одиночестве в великом и святом деле — подготовке канонизации новых русских святых. Мы надеемся, что так или иначе православные и других юрисдикций примут в нем участие, а Синодальная Церковь проявит готовность принять их помощь, прислушаться к их критическому мнению и позитивным предложениям, проявит необходимую широту в разработке принципов канонизации.

В частности, нам представляется необходимой регулярная публикация Комиссией по подготовке канонизации результатов проводимой ею подготовительной работы с тем, чтобы обеспечить возможность участия в этой работе для всех русских православных христиан. Возможно, это вызовет трудности из-за столкновений различных

взглядов и мнений. Но важнее другое. В этом случае с помощью благодати Божией, восполняющей человеческие немощи, канонизация, безусловно, будет совершена в соответствии с замыслом Божиим так, что вся плирорма православия с чувством великой радости сможет принять это событие и «едиными усты и единым сердцем» прославить сонм новых русских святых, обратившись к нему с общецерковной молитвой.

Потребность прославить подвиги русских мучеников и исповедников порождает ряд самых серьезных духовных вопросов, ждущих своего обсуждения. Убежденные в том, что братская дискуссия по поводу канонизации полезна и своевременна, мы предлагаем некоторые наши соображения, в которых попытаемся выразить мысли и чувства многих верующих, обсуждавших с нами эти вопросы.

Две проблемы представляются нам наиболее актуальными:

I — являются ли достаточным основанием для канонизации мучеников те свидетельства, которыми располагает Церковь в настоящее время?

II — надлежит ли канонизировать последнего русского Царя Николая II?

I.

Известно, что неперменным общим основанием для канонизации праведника в Русской Церкви было особое Божие свидетельство его

святости, явленное даром чудотворения, прижизненным или посмертным.

То же было и в Православной Византии.

Поэтому первейшим нашим долгом является сбор свидетельств о даре чудотворения, которым удостоены русские мученики и исповедники XX века.

Небрежение к таким свидетельствам было бы небрежением к прямому указанию Божию на дарованных нам заступников, к которым мы можем молитвенно обращаться и подвиг которых должен нас духовно наставлять.

Однако, Божественное свидетельство может проявляться не только в чудотворении или нетленности мощей (известно, что последнее не было непременно условием причтения к лику святых).

Во времена гонений в ранне-христианской Церкви принятие мученической кончины за исповедание христианства считалось достаточным свидетельством о святости, причем мученическая кровь омывала предшествующую жизнь мученика, так что даже явные грешники очищались в подвиге мученичества и удостоивались венцов святости. Таким образом праведность предшествующей жизни не была обязательным условием прославления мученика.

Гонения на верующих в России в XX веке существенно отличаются от гонений в первые века христианства. Гонению подвергалось не само христианство, как это было в первые века его существования, а Церковь. Церковь воспринималась гонителями как социальная организация,

неразрывно сопряженная с тем «старым миром», который предполагалось разрушить.

Служение Церкви, защита церковных интересов, наконец, просто активная церковная жизнь воспринимались как политическое сопротивление, требовавшее, по мнению властей, применения репрессий.

Несомненно, в то же время, что вдохновляющим в гонениях был богоборческий пафос, темное прельщение, равного которому не знала человеческая история.

Ярость гонителей была направлена против Боговоплощения, против Царства Божьего, являющегося на земле.

Этим объяснима относительная терпимость гонителей к «обновленцам», а затем и «сергиянам», и крайняя нетерпимость к Церкви отстаивающей свою свободу по отношению к государству.

Известно, что после 1927 года, когда митр. Сергей, войдя в соглашение с властями, выпустил печально-известную декларацию «Ваши радости — наши радости», одно лишь несогласие с «сергианским», курсом, или непризнание власти митр. Сергия, как Патриаршего Местоблюстителя, было достаточным основанием для ареста.

Эта война с Церковью в России была выиграна антицерковными силами. Они получили послушную иерархию. Но внешняя победа не может сломить оставшуюся внутреннюю, духовную основу церковной жизни, выражавшуюся в подвиге мучеников и исповедников, а не в предательских компромиссах.

Могут ли мученики за Церковь Христову быть сопричтены к мученикам за веру?

Непосредственному чувству верующего отрицательный ответ кажется кощунственным. Однако, прямых прецедентов, на которые могла бы сослаться Церковь в вопросе канонизации новых Российских мучеников, история не знает.

Таким образом, вопрос канонизации может быть решен только новым творческим актом Церкви.

Именно поэтому так важно, чтобы в подготовке канонизации участвовала вся полнота русского православия, и чтобы никакие человеческие, политические страсти не смогли замутить это великое духовное дело.

Основание этому творческому церковному акту положено решением Всероссийского Церковно-Поместного Собора 1917-18 гг. от 5/18 апреля 1918 г., в котором повелевается «Установить возношение в храмах за Богослужением особых прошений о гонимых ныне за *Православную веру и Церковь* и о скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках»;

совершать «торжественные панихиды с прославлением в слове их священной памяти ;

«собирать сведения и оповещать православное население посредством печатных изданий и живого слова о всех случаях гонения на Церковь и насилия над исповедниками Православной Веры».

II.

Совершенно особое место среди мучеников XX века занимает императорская семья. Вопрос ее канонизации давно стоит перед сознанием русских православных людей.

Но отношение к этому вопросу резко противоположное. Многих возмущает самая постановка вопроса. Причиной тому выдвигается недостаточная праведность жизни императора Николая II или его ошибки как главы государства.

Прежде всего следует различать вопросы о канонизации самого Царя и его семьи.

В наши дни, даже среди атеистов нам не приходилось встречать людей, которые оправдывали бы казнь невинных царских детей. Чистота их жизни и кончина светлым ореолом покрывают и кончину их родителей.

То, что император с супругой были удостоены той же мученической кончины, что и их дети, воспринимается как свидетельство Божие об их избранничестве.

Николай II мог быть плохим государем и грешным христианином. Многие православные упрекают его за поступки и за черты характера, имевшие, по их мнению, вредные, даже бедственные последствия для России и Русской Церкви, в частности: промедление с созывом Поместного Собора, доверие к недостойным советникам, особенно к Распутину, нерешительность и непоследовательность в политике и государственных делах, несвоевременное отречение от власти, ради ложно понятых интересов России.

Можно признавать или не признавать справедливость этих обвинений, но согласно общепризнанному церковному учению и практике канонизаций даже тягчайшие грехи и ошибочные действия, совершенные членами Церкви на протяжении их жизни сами по себе не могут препятствовать их последующему церковному прославлению.

Решая вопрос о канонизации Николая II и его супруги, уместно помнить слова Ап. Павла: «Взирая на кончину их жизни подражайте вере их» (Евр. 13, 7).

Кротость и смиренное принятие уготованной им участи возводят императорскую чету на высочайшую ступень христианского подвига. Добровольность их жертвы вызывает чувство глубокого благоговения. Их кончина, как страсто-терпцев, невольно вызывает в памяти образ первых прославленных святых земли Русской, ее небесных покровителей братьев — князей Бориса и Глеба.

Возникает еще один вопрос — почему имя Николая II занимает особое место в сонме христиан, постадавших в лютую годину гонений за веру и Православную Церковь?

Православная Церковь всегда рассматривала Царя не только как светского главу государства, но как священное лицо, носителя особой Божественной харизмы. Это выражалось в праве Царя входить в церковный Алтарь Царскими Вратами, в церковном чине венчания Царя на царство, в особом поминании Царя во время Божественной Литургии, в определениях Царя как

«хранителя веры», «защитника Церкви» или «внешнего епископа», в общенародном переживании Православного Царя как иконы или образа Христа Царствующего, как центр христианизированного космоса. Это общеправославное сознание не было выражено в четких догматических определениях, но это не умаляет значимости и несомненности религиозного переживания священной роли Царя. Может быть, именно теперь, в связи с предстоящей канонизацией, когда вопрос о конкретном содержании царской харизмы потерял политическую актуальность, когда Церковь может подойти к его решению с учетом всего своего исторического опыта — будет сформулировано догматическое определение, адекватное этому переживанию. Но каким бы ни было это определение, православный верующий видит в Николае II не только мученика-христианина, но именно Царя-мученика, пострадавшего не только за свою верность до смерти в подражании Христу, но именно за свое имя Царя — Помазанника. Промыслом Божиим он был удостоен пострадать в тот момент, когда уже не имел никакой политической власти и отказался от каких-либо попыток эту власть вернуть. Николай II пострадал как символ Православного Царства, как носитель многовековой Церковной идеи — власти Божией над землей.

И в том, что он сподобился пострадать именно таким образом, мы видим еще одно из Божественных свидетельств его святости.

Всемирно-исторический смысл мученической кончины императорской семьи, уподобляющий

ее значительнейшим библейским событиям, состоит в том, что здесь оканчивается Константиновский период бытия Церкви Христовой, и открывается новый, мученический, апокалиптический. Начинает его добровольная жертва последнего христианского императора помазанника и его семьи.

Трагедия царской семьи как бы закланием легла на русскую землю, став символом-прологом длинного крестного пути России, гибели десятков миллионов ее сынов и дочерей.

Канонизация Царственных мучеников явится для России снятием с нее греха цареубийства, окончательно освободит ее от злых чар.

Вновь приходится говорить, что ничего подобного этому событию не знала история христианства.

Церковь оказывается перед необходимостью великого творческого решения.

Канонизация Российских мучеников и исповедников оказывается не только лишь формальным признанием зримо явленной святости праведников (каковым по сути была, например, канонизация многих преподобных, в сознании церковного народа уже признанных святыми).

Это творческое действие, предстоящее Церкви, поистине можно назвать подвигом, ибо невозможно совершить канонизацию согласно воле Божьей, духовно не приобщившись к подвигу мучеников и исповедников. Ибо сказано: «Кто принимает пророка во имя пророка получит награду пророка и кто принимает праведника во

имя праведника получит награду праведника»
(Мф. 10, 41).

12 сентября 1979 г.

г. Москва.

*Священник Глеб Якунин
Священник Василий Фонченков
Виктор Капитанчук
Лев Регельсон*

Свящ. Д. Дудко

ЧТО ЗНАЧИТ ПРОСЛАВЛЕНИЕ РУССКИХ МУЧЕНИКОВ

Прославление Русских мучеников — это не то прославление, которое было всегда в Церкви. Прославление Русских мучеников — это: они хотят заговорить, сказать свое слово — новое слово миру, по выражению Достоевского. Быть замученными от безбожников, тем более такими страшными муками, которые были, стать святыми. Не нужно даже собирать сведения о том, что совершилось на их могилах — были ли чудеса, были ли исцеления, нужно только знать: не отказались ли они от Христа в муках, оставались ли Ему верными? И все остальное безразлично. Безразлично даже, если они до этого были не совсем порядочными. Страдания, как вода в огненной купели, не только все смывает, а даже выжигает все несовершенное и человек выходит чистым, очищенным золотом становится.

Прославить нужно всех, не делая выбора, тем более не становясь на политическую точку зрения, как это делают в отношении Русского Царя. Ему всё что-то пытаются поставить в вину, даже не представляя себе, что обвиняя мученика-Царя они становятся в ряд палачей. К чему говорить о чем-то другом, когда Он умер, не изменив своей

вере, не изменив и Мученице России. Прославление Русских мучеников — это и прославление России, как места Голгофы. Россия, испытав Голгофу, поистине становится святым местом, Святой Русью. Вот когда она оправдывает чаяние лучших русских людей.

О прославлении заговорила маленькая часть Православной Церкви — Зарубежная — и это делает ей честь. Думаю, что поддержат и все остальные части Православной Церкви. Но кто-то наверно смотрит недоверчиво и по своим суеверным чувствам — боязливо: а вдруг — это фашизм русский, фашизм из русского православия? Боже, неужели может быть фашизм в той Церкви, где столько мучеников?

Готовится праздник для всего мира — торжество веры в самых трудных, в самых безбожных условиях. Как бы было хорошо и благоразумно, если б весь мир участвовал в прославлении Русских мучеников — это было бы единение всего мира перед Престолом Божиим.

Сие да и будет!

Священник Дмитрий ДУДКО

10 мая 1979 г., Москва.

П.С. Очень желательно, чтоб ко времени прославления Русских мучеников составлено было их хорошее жизнеописание, особенно момента мук. Какая это будет величайшая проповедь — самая убедительная! — которая перевернет сознание самых ожесточившихся.

О. Глеб Якунин с сыном

И. В. Огурцов

**В ИЮЛЕ 79-ГО ГОДА В ГОРОДЕ МЮНХЕНЕ,
ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ, СОЗДАН
КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ ИГОРЯ ОГУРЦОВА**

Почетные возглавители Комитета:

архиепископ Женевский и Западно-
европейский АНТОНИЙ
епископ Штутгартский и Южногер-
манский ПАВЕЛ

Председатель и члены Комитета:

Виктория СЕМЕНОВА
Сергей ГАМБУРЦЕВ
Юлия КОЛЮЖНАЯ

ЦЕЛЬ КОМИТЕТА — НАСТОЙЧИВЫЙ ПРИ-
ЗЫВ К СОВЕСТИ МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-
СТИ ДЛЯ МОБИЛИЗАЦИИ ВСЕХ СИЛ НА СПА-
СЕНИЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО РУССКОГО ЧЕЛО-
ВЕКА, БОРЦА ЗА СВОБОДУ СВОЕЙ РОДИНЫ,
ХРИСТИАНСКОГО ДЕМОКРАТА, ГИБНУЩЕГО
В СОВЕТСКОМ КОНЦЛАГЕРЕ, ИГОРЯ ОГУР-
ЦОВА.

Призыв о спасении направлен:

**В Международный Красный Крест, Женева,
Швейцария, Организациям Красного Креста ФРГ,
Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерлан-
дов, Люксембурга, Швеции, Норвегии, Дании,
Финляндии, Испании, Италии, Португалии, Гре-
ции, Канады, США и СССР.**

Комитет обращается ко всем людям в индиви-

дуальном порядке, людям доброй воли, любой национальности, ко всем церквам, политическим, общественным, научным организациям и объединениям с призывом **возвысить свой голос**, приложить максимум усилий к спасению умирающего в пытках человека!

Обращайтесь к вашему правительству, к вашему сенатору, в вашу прессу — требуйте освобождения ИГОРЯ ОГУРЦОВА!

КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ ИГОРЯ ОГУРЦОВА
 8000 MUNCHEN 81, Gumbinnenstrasse 8, BRD.
 Tel. (089) 934 229 - (089) 763 854.

ИГОРЬ ОГУРЦОВ

Игорь Вячеславович ОГУРЦОВ был основателем и главным деятелем Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН), подпольно существовавшего в Ленинграде в 1964-67 гг. Это была группа образованных молодых людей, искавших христианского пути развития России. Группа занималась подбором новых членов, собиранием трудно доступных книг русских философов, составлением устава и программы — подготовкой перехода от коммунистического к социал-христианскому строю в стране. Никаких открытых акций против советского режима не производилось.

Игорь ОГУРЦОВ родился в 1937 г. в Ленинграде. Окончил Ленинградский университет. Он — востоковед, специалист по японскому языку. По своему складу Игорь — религиозный мыслитель. Ориентирован на плеяду русских филосо-

фов рубежа XIX-XX вв. (Вл. Соловьев, Павел Флоренский, С. Булгаков, Н. Бердяев и др.). Вообще говоря, это — Великие Учители всех подпольных религиозных групп в Советском Союзе.

В начале 1967 г. КГБ обнаружил и разгромил организацию ВСХСОН, насчитывавшую несколько десятков членов. Их всех судили и сроки наказания даны в пропорциях к их личной активности в составе организации.

Игорь ОГУРЦОВ был арестован 15.2.1967 г. Обвинение: «измена родине». Применены статьи 64 а, 72 и 70 УК РСФСР. В ноябре 1967 г. на закрытом заседании Ленинградского городского суда он был приговорен к 5 годам тюрьмы плюс 10 лет лагерей строгого режима плюс 5 лет ссылки. Итого: **20 лет лишения свободы!**

Карательные органы СССР в дальнейшем отнесли к Игорю ОГУРЦОВУ, как к самому тяжкому преступнику. Были применены холодные карцеры, личные оскорбления, принудительные лечения в психо-тюрьмах, тяжелые работы при многолетнем неудовлетворительном питании, лишение всяких связей с родными и пр. и пр. Тем хотели сломить дух и волю этого замечательного русского человека. Игорь ОГУРЦОВ все перенес, все вытерпел, но духом не сломился, не сдался, устоял. Советским властям удалось лишь только разрушить его здоровье.

Так прошло 12 лет. Теперь Игорь ОГУРЦОВ, 42-летний мужчина, содержится в Пермском лагере № 35 (адрес: П/Я ВС-389/35), где его ежедневно заставляют работать — топить лагерные печи. Его тело поражено дистрофией. Иными сло-

вами, он выглядит, как «живой скелет». От хронического авитаминоза у него выпали зубы и волосы. Произошло опущение печени. Его настоятельные просьбы о врачебной помощи оставляются без внимания. Впереди же его ожидают оставшиеся 3 года заключения в лагере и 5 лет ссылки. А жизни ему осталось, вероятно, всего несколько месяцев.

В Ленинграде живет его мать Евгения Михайловна Деревенскова. Ее адрес: 198035 Ленинград, улица Двинская, дом № 11, кв. 28. Ее многолетние усилия облегчить участь сына путем обращений к властям остались безрезультатными. В марте 1979 г. она обратилась ко всем врачам Запада с отчаянной мольбой о содействии спасению своего медленно умирающего сына.

—х—

Состоянием здоровья Игоря ОГУРЦОВА глубоко встревожены акад. А. Д. САХАРОВ, А. И. СОЛЖЕНИЦЫН и многие русские и западные деятели. Подробности о его положении в Пермских лагерях смерти проникли на Запад.

Во имя спасения Игоря Огурцова стали бить тревогу многие известные лица и организации в Европе и Америке. Игоря Огурцова, может быть, можно еще спасти, если общественное мнение Запада сможет в краткие сроки подняться на его защиту. Если этого не произойдет, то в суровых концлагерях Советского Союза скоро перестанет жить замечательный человек, мыслитель и христианин, не причинивший никому никакого зла.

Июль 1979 г.

Мюнхен

Епископ ГРИГОРИЙ

Русская Церковь в пустыне и в мире сем

Те, кто уже участвовали в церковной жизни пятьдесят лет тому назад, — помнят конечно как много было у нас толков и споров в связи с посланием Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, Нижегородского Митрополита Сергия, датированным 16/29 июня 1927 г. С первых же слов этого послания начиналась речь о том, что преследование веры в России якобы вызваны были «главным образом выступлениями зарубежных врагов Советского государства». Митрополит Сергей заявлял, что признает обязательным «для нас теперь показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и нашим правительством». Он возвещал, что это правительство уважило ходатайство о разрешении сформированному им Синоду «начать деятельность по управлению Православной Российской Церковью». Он писал, что теперь «наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое но и по

гражданским законам вполне легальное церковное управление».

Платой за эти эфемерные блага должно было быть «разоружение» Заграничной Церкви, беспокоившей Советы своими воплями о преследовании Веры в России. Митрополит Сергей исходил из представления о Советской власти не как сатанинской силе, а как о всякой другой гражданской власти. Для него как администратора, а не духовного вождя, вопрос стоял только в плоскости материалистической целесообразности. «Только кабинетные мечтатели, писал он, могут думать, что такое огромное общество как наша Православная Церковь со всею ее организацией, может существовать вне государства спокойно, закрывшись от власти». Митрополит Сергей в своем желании сотрудничать с этим государством в том же послании требует даже от заграничного духовенства «дать письменное обязательство в полной лояльности к Советскому правительству во всей своей общественной деятельности».

Не будучи останавливаться на том как усилилась от этого требования смута за границей. К уже существовавшему каноническому разделению там присоединился спор о приемлемости «лояльности». Митрополит Антоний и все его епископы за исключением Епископа Вениамина решительно отказались дать подписку о лояльности Советской власти. Митрополит Евлогий такое обязательство дал, но довольно скоро от него отказался.

Напротив, оппозиция Митроп. Сергию в Кар-

ловцах и в России не сговариваясь, шла по двум линиям: канонически оспаривалась правомочность Заместителя Местоблюстителя коренным образом менять направление церковного корабля без согласия заменяемого им Главы Церкви. Затем шли еще более важные аргументы, указывающие на элементы измены принципу исповедничества и подчинение Церкви враждебной ей сатанинской власти. Именно в этом смысле сразу же отозвался на декларацию Блаженнейший Митрополит Антоний, когда Митрополит Сергей попробовал добиться его согласия через Сербского Патриарха Варнаву.

Лицо, составившее сборник документов относящихся к Декларации Митрополита Сергея в 1927-28 годах разделяет их на: приявших ее, колеблющихся и неприявших. Колеблющиеся уже критиковали декларацию и иногда довольно серьезно, но преимущественно как документ более политический чем церковный и не слишком углубляясь в принципиальную, еkkлeзиологическую сторону его измены Православию. По большей части они позднее присоединились к числу прямых противников этого документа. Последние во многих случаях закончили свою жизнь как мученики и исповедники, в тюрьмах или лагерях.

Повидимому Митрополит Иосиф первый сделал практический вывод относительно того, что никакого легального существования для иерархии, желающей сохранить свою духовную свободу при Советской системе, — не может быть. Он сразу же стал готовиться к существо-

ванию Церкви в скрытом состоянии. Нелегализованные христиане поэтому часто назывались иосифлянами. Они подвергались гонению с двух сторон: Митрополит Сергей обрушивался на них церковными карами, силы которых они конечно не признавали. С другой стороны, отделившись от Митрополита Сергея по несогласию подписать его обязательство «лояльности», они получали в глазах гонителей веры клеймо нелояльных граждан и этим самым осуждались на преследования.

В беседе с советским журналистом Митрополит Сергей при напечатании в «Известиях ЦИК и ВЦИК» сказал: «Советскую власть мы признаем властью нормальной и законной. И мы подчиняемся всем ее постановлениям вполне искренно». Отсюда ясно, что несогласные с его декларацией — бунтовщики.

Об этих последствиях очень ярко говорилось в одном документе тогдашнего «Самиздата» под заглавием «Документ из Киева — разбор послания Митроп. Сергея», относящийся к сентябрю 1927 г. Прочитывая слова декларации о том, что спокойное существование Церкви подрывалось нелояльностью церковников к гражданской власти, автор статьи отмечает, что «всюду декларация противопоставляет это нелояльное прошлое лояльному будущему, которое будет выражено в делах».

«Так вот истинная причина наших неопикуемых церковных бедствий, восклицает автор. Она в нас самих, — в нашей нелояльности. Это

причина единственная, которую подчеркивает Митрополит Сергей.

«Но указание М. Сергия не ново. Мы не раз слышали его и от представителей власти и от наших церковных врагов — обновленцев всех видов, которые обвиняли нас в нелояльности и преступности.

«Но мы называли это обвинение клеветой. Мы говорили, что оно не может быть подтверждено фактами...

«Но что скажем мы, когда управляющий нами святитель сам произносит нам страшный приговор, сам говорит о «словах и делах». Не ставят ли эти слова черный крест над всеми невыразимыми страданиями, пережитыми Церковью за последние годы, над всею ее героической борьбой за самосохранение? Не объявляют ли они весь подвиг Церкви — преступлением?»

Когда теперь мы сетуем на то, что Московская Патриархия стала орудием Советской политики, вспоминаются дальнейшие слова из того же документа: «Не становится ли таким образом «страх Русской Церкви» сторожем советского аппарата и не превращается ли сонм служителей Церкви в послушную и безответную армию «явных и тайных» сотрудников власти? И как тогда должны будут реагировать церковные люди на такие факты внутренней советской политики как поругание святынь, отобравание храмов, разрушение обителей?»

Указывая на то, что М. Сергий и иже с ним пленены «страшной мечтой, что можно строить Церковь на человекоугодничестве и неправ-

де», автор со своей стороны говорит: «Мы же утверждаем, что ложь рождает только ложь и не может она быть фундаментом Церкви». Он заранее предвидит то, что происходило и происходит на наших глазах. «У нас, пишет он, перед глазами позорный путь «церкви лукавствующих», обновленчества; и этот же позор постепенного погружения в засасывающее болото все более и более страшных компромиссов и отступничества, этот ужас полного нравственного растления, — неизбежно ждет церковное общество, если оно пойдет по пути, намеченному деяниями Синода».

Особенно глубоко обсуждается вопрос о новом направлении Русской Церкви, усвоенном Митрополитом Сергием, в замечательном «Письме к другу» 22 октября 1927 г. Автор его не указан в сборнике, но по глубине и четкости его бескомпромиссной догматической мысли я догадываюсь, что оно написано Епископом Феодором, бывшим ректором Московской Духовной Академии.

Трактат начинается с записи повидимому в дневнике под 3 марта 1924 г.: «Может быть скоро мы окажемся среди океана нечестия малым островком»...

Далее мысль автора из современности переносится в Апокалипсис. Он, впрочем, оговаривается, что свои апокалиптически-эсхатологические экскурсы он не предлагает в качестве непреложно-догматического истолкования данных мест Откровения. Он только проводить «линию между образами Апокалипсиса и современными

церковными событиями, которые невольно обращают мысль к этим пророчесственным образам, со своей стороны бросающим яркий луч света на данные события. Можно неоднократно усматривать еще в Ветхом Завете, что одни и те же пророчества сперва исполняются в малом виде, а потом имеют еще другое высшее и окончательное исполнение».

Наш автор вспоминает из XVII и XVIII главы Апокалипсиса образ жены, сидящей на звере. Обращая их к современности он пишет: «Не проходят ли пред нами события, невольно приводящие на память духовные созерцания новозаветного Тайновидца? Сопоставьте, говорит он, приведенные выше слова Апокалипсиса с делом и деяниями наших живоцерковников и обновленцев. Не приложимы ли они к ним до мелочей? Гораздо значительнее в указанном апокалиптическом образе представляются события последних дней (т. е. 1927 г.), связанные с именем Митроп. Сергия. Значительнее хотя бы по одному тому, что уселась на зверя багряного с именами богохульными не самочинная раскольница, а верная жена, имущая образ подлинного благочестия, видимо не оскверненного предварительным отступничеством. В этом главная жуткая сторона того, что совершается сейчас на наших глазах, что затрагивает глубочайшие духовные интересы чад Церкви Божией, что неизмеримо по своим последствиям, не поддающимся даже приблизительному учету, но по существу имеющему мировое значение»...

Автор затем ставит вопрос, как быть теперь,

в страшные минуты новой опасности, надвинувшейся на Православную Церковь? Он увидел указание в дальнейших образах Апокалипсиса, в словах иного Ангела, сходящего с неба и имеющего власть великую. «И воскликнул он сильно громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая блудница сделалась жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистоте и отвратительной птице» (18,1-2).

«И услышал я иной голос с неба говорящий: выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать нам во грехах ее и не подвергнуться язвам ее» (18,4).

Автор приходит к выводу, что в данных условиях легальное существование Церкви невозможно и она должна из мира удаляться в пустыню.

Те же мысли и столь же богословски убедительно развиваются в другом документе того же времени, «Письме Епископа отошедшего (от М. Сергия) к Епископу неотошедшему», которое было напечатано в № 7 «Церковной Жизни» за 1933 г.

Мысль автора этого замечательного трактата, может быть, как я догадываюсь, того же Епископа Феодора, идет по тому же пути. Он следующим образом определяет условия, в которых живет Церковь в Советском Союзе:

«Православная Российская Церковь Промыслом Божиим поставлена в необходимость жить в государстве совершенно необычного типа (Апок. 11,1), которое строит новую культуру и цивилизацию, создает новый политический и

социально-экономический строй, новый быт, семью, новую необычайную личность на безбожно-материалистическом фундаменте... Загадочные до времени прикровенные слова ветхозаветной и новозаветной апокалиптики удивительно ясно на наших глазах конкретизируются и я, грешный, беру на себя смелость на основании святоотеческих истолкований соответствующих мест из Слова Божия категорически утверждать, что Православная Церковь на территории СССР вступила в эпоху «отступления» — апостасии (2 Сол. 11,3), в сферу влияния пробуждающейся к всемирной деятельности к концу железноглиняного периода последнего человеческого царства (Дан. 11,40-43), апокалиптической блудницы (Апок. XVII гл.). «Апостасия» у Ап. Павла соответствует апокалиптической блуднице у Св. Апостола Иоанна Богослова (XVII глава)».

Автор письма напоминает, что в подобные периоды Церковь сходит с исторического горизонта и затягивается песками пустыни, чтобы потом, если угодно Богу, из пустыни выйти.

Автор нашего трактата задает вопрос: какой же внешний путь должна избрать для осуществления своих задач Православная Церковь в переживаемый период апостасии. Он прежде всего указывает на необходимость отказаться от всяких попыток легализации. «Ближайшее время, пишет он, подтвердит наше убеждение и покажет, что даже теперь уже наступает время, когда для блага Церкви придется отказаться от легализации даже общинных церковных органи-

заций и обратиться к до-никейским образцам церковной жизни, когда христианские общины организовывались и объединялись не административными учреждениями тогдашнего государства, а Духом Святых». Он указывает поучительный пример периода иконоборчества. «Православная Церковь в это время находилась в пустынях, в пещерах, гробах (Св. Мефодий), в темницах, ссылках и тяжких работах. И такие бедствия для православных продолжались не 10 лет, как сейчас, а 120 лет с небольшими перерывами, благоприятными для Православия, а рядом с бедствующей Православной Церковью наслаждалась легальным положением и благоденствием Церковь-блудница, которая через незаконное повиновение законной власти стяжала себе тихое и безмятежное житие».

Епископы такого исповеднического образа мыслей недолго просуществовали на земле. Митрополит Петр, Митрополит Кирилл и многие другие епископы и клирики несогласные с Митрополитом Сергием вскоре были арестованы, закончили свою жизнь в ссылках и тюрьмах. Митрополит Петроградский Иосиф, однако, не ограничился словами. Он рано начал совершать тайные рукоположения, создавая т. н. тайную или катакомбную Церковь. В советских справочниках его последователей называют «иосифлянами».

Существует-ли еще теперь организованная тайная Церковь? Краснов-Левитин после прибытия за границу утверждал, что существует. Он даже указывал число епископов. С другой

стороны недавно было напечатано в Вестнике Христианского Движения сообщение о том, что последний тайный епископ подчинился Московской Патриархии вскоре после избрания Митропол. Сергия Патриархом и что теперь этого движения не существует. Но у нас, в Синоде были получены обращения от целой группы духовенства, гораздо позднее похоронившей своего епископа, которая просила разрешения помянуть в качестве Главы своей нашего Владыку Митрополита Филарета. Временами доходят до нас сведения о тайных монастырях или о совершении тайных богослужений клириками, формально принадлежащими к Московской Патриархии, но ведущими пастырско миссионерскую работу вне ее официальных приходов. Одно известное нам духовное лицо из Московской Патриархии, служившее на Западе, сообщало о своей секретной поездке из Москвы на тайное богослужение.

Если, как можно судить по многим данным, в России продолжает существовать тайная церковная жизнь, то это есть именно церковная жизнь в пустыни, скрытая от глаз внешних. Участники ее не могут быть очень многочисленными.

Но к этой жизни могут быть иногда причастны и люди, формально принадлежащие к Московской Патриархии, но не разделяющие тех печальных сторон ее жизни, которые неоднократно обличались.

Мы недостаточно знаем все подробности этой жизни, чтобы дать определение ее с той точностью, которая была возможна в тридцатых го-

дах нашего столетия. Кроме того, мы знаем, что подобно старообрядцам образовались и некоторые группы беспоповского характера или вообще без духовного епископского руководства уклонившиеся в разного рода сектантство. Но мы можем только высказать веру и надежду, что и в этих отклонившихся в сторону людях Господь милостиво учтет их ревность, их стремление к тому, чтобы ни в чем не отойти от верности Ему даже до смерти.

Нам неизвестно, чтобы сами христиане, тайно ведущие в России свою церковную жизнь, называли себя катакомбной Церковью. Это название, появившееся за границей. Оно не является собственным именем какой-либо организации, а есть, так сказать обывательское прозвище для тех церковников, которые из жизни, подконтрольной антихристовым чиновникам, удаляются в пустыню тайного религиозного существования. Самое это существование обусловлено тайной от органов гражданской власти, свирепо преследующей все то, что ей не подконтрольно. Она настолько организована, что христиане должны быть чрезвычайно осторожны в ограждении себя от проникновения врагов. Вот почему они не могут довериться никому лишнему и прежде всего нам, не имеющим их опыта конспирации.

Теперь обратимся к положению, создавшемуся после декларации Митрополита Сергия и к ее последствиям.

По началу он оказался в несколько более выгодном положении чем обновленцы, но едва-

ли была спокойна его совесть, когда один за другим, несогласные с его политикой заслуженные архиереи, клирики и миряне стали наполнять лагеря. Непринятие ими декларации принималось как свидетельство нелояльности. Но затем гонения обрушились и на сергианцев и на обновленцев одинаково. Это была попытка физического искоренения религии.

Ко времени начала Второй Великой Войны, свободных, управляющих епархиями архиереев едва было 4 на всю Россию, если не считать кратковременного, до немецкой оккупации существования епископов из Польши. Некоторые из них были только что рукоположены в Москве, но Советской властью были заранее приговорены к скорому уничтожению. Когда Сталин решил сделать выборы Патриарха, то со всей России едва набрали 18 епископов. К такому же жалкому положению свелось и состояние обновленцев. Обе иерархии фактически были на границе полного уничтожения.

Их спасла война. В связи с нею Сталину надо было показать якобы доброжелательное отношение к Церкви.

Можно себе представить прилив оптимизма и радости у Митрополита Сергия, когда его вызвали к самому Сталину и сам Сталин предложил ему провести его выборы в Патриархи с возвращением епископов из ссылки. Видя, что свобода религии в немецкой оккупации оказывается опасным орудием пропаганды против Советов, Сталин понял, что он мог бы обратить эту силу в свою пользу. Он вместе с тем уви-

дел, что Церковь можно и после войны использовать в заграничной пропаганде. Но для этого надо было переменить заметным для всех образом положение Церкви внутри страны. Так наступили годы оттепели для Московской Патриархии. Открывается много церквей, ставится много священников и епископов. Повидимому, КГБ не так строго разбирается в кандидатах и наравне с оппортунистами, проходят на церковные должности и люди, искренне желающие прежде всего служить Церкви. В то время, несколько независимых людей начиная с Гермогена Голубева могли быть поставлены епископами.

Патриарх Алексей и Митрополит Николай подумали, что произошла действительно серьезная перемена в церковной политике Советской власти. Патриарх Алексей произносит речь в торжественной обстановке, говоря о непобедимости Церкви.

Реакция гражданской власти не долго заставила себя ждать: несмотря на всю свою известность в Западном мире, Митрополит Крутицкий Николай вынуждается покинуть свое место, скоро заболевает и умирает в больнице в полном одиночестве. Мировая известность не смогла его спасти.

Вслед за этим идет массовое закрытие и уничтожение церквей, которое продолжается и доныне.

Порабощение Патриархии особенно ярко проявилось в Соборе 1961 г., красочно описанном Красновым-Левитиным.

Прибывшие в Св. Троицкую Лавру епископы в большинстве случаев не знали для чего их вызвали. Они думали, что прибыли на праздник, но к своему удивлению увидели, что вызваны не они одни, а все архиереи. Только после литургии и трапезы, совершенно неожиданно и без всякого предупреждения они узнали, что состоится заседание Собора, к которому они не могли никак подготовиться. А между тем стало известно, что целью Собора было изменение всего строя церковного управления, установленного в 1945 г.

На том Соборе была утверждена структура, отвечающая священным канонам. Теперь же решили ее изменить, лишая епископов всякой власти в епархии и передавая ее двадцаткам, а через них под полный контроль уполномоченным Советской власти.

Именно чтобы обеспечить принятие реформы, от епископов до последней минуты скрывали причину их вызова в Лавру. По описанию Левитина, когда после окончания Литургии и трапезы им была роздана повестка с указанием имен докладчиков, архиереи были в большом смущении. «Поговорить друг с другом, хотя бы коротко, о повестке было уже некогда.» Едва они успели посмотреть повестку, как их стали созывать в патриаршие покои фотографироваться.

После этого Патриарх пригласил епископов в зал заседаний. Были одни епископы и незаметно вошедшие три светских лица, которые сели за их спинами за отдельным столиком.

Как пишет Левитин «они пришли сюда, чтобы одним своим видом понудить архиереев сдать церковные позиции и совершить акт, губительный для Церкви. Все это хорошо понимали. И каждый к тому же знал, что если он даже наберется храбрости и выступит против, то общей поддержки не найдет и только свою шею свернет и Патриарха подведет» (стр. 3-4).

Повестка Собора состояла из четырех пунктов: 1) Увеличение числа членов Синода, 2) Об изменении в управлении приходами, 3) О вхождении Русской Церкви во Всемирный Совет Церквей и 4) об участии Русской Церкви в пражском движении за мир. Все на Соборе было одобрено. Конечно, вопросов о закрытии церквей, монастырей и семинарий не поднималось. Все решения принимались без спора.

Первый пункт не вызвал затруднений. Самым опасным был второй. Докладчиком был нынешний Патриарх Пимен, а составителем его доклада — доцент Ленинградской Духовной Академии, А. Ф. Шишкин, в прошлом известный обновленческий деятель и ближайший сотрудник обновленческого Митрополита Николая Платонова. Он же был составителем резолюции Собора, предварительно одобренной Уполномоченными. Шишкин, как автор доклада сидел в зале немного поодаль от епископов в то время как представители КГБ сидели за спиной епископов за отдельным столом.

Доклад Архиепископа Пимена сводился к тому, что в церковной жизни много трудностей и жалоб и для устранения этого надо архиереям

отказаться от всякой канонической власти, а духовенство устранить от управления приходами, все передав в руки двадцаток.

Несколько архиереев высказались в пользу проекта и решение, прямо направленное против самой структуры Православной Церкви, было принято единогласно в угоду безбожникам. Определение было тут же подписано всеми архиереями. Кто-то пробормотал: «узаконили беззаконие».

Постановление Собора освободило архиереев от ответственности перед гражданской властью за приходские дела, а духовенство отдало в руки старост, очень часто и всё в большей мере действующих в угоду советских уполномоченных.

Был сделан т. о. еще один большой взнос по векселю, которым явилась декларация Митрополита Сергия в 1927 году. Усилилось закрытие храмов и контроль над хиротониями.

Если теперь мы видим какие-то признаки религиозного возрождения, то с другой стороны сказывается и влияние влившихся в Церковь мутных вод бывших обновленцев, а иерархия, освободившись от приходских проблем путем передачи их в руки старост и уполномоченных гражданской власти, все больше используется для политической акции за границей.

Такие герои, как о. Димитрий Дудко должны вести свою исповедническую работу без поддержки своих же епископов, которые напротив, часто оказываются их гонителями.

Удивительно ли, что они ищут прежде всего моральной поддержки и в этом не всегда разборчивы?

Больше всех мы слышим самоотверженный голос о. Димитрия Дудко. Он ищет сочувствия, хочет поддержки, но тут какие-то услужливые «друзья» пугают его нашим непониманием.

Вероятно, почти все присутствующие читали широко опубликованное письмо о. Димитрия к нашему Митрополиту, написанное после того, как некая дама сказала ему будто мы чуждаемся и его и всех верующих в СССР. Ему коротко ответил и удовлетворил его своим ответом Владыка Антоний Женевский. Их переписка еще не опубликована.

Но, все-таки, письмо о. Димитрия возбуждает вопросы, которые нам полезно выяснить прежде всего для самих себя. Ответ Владыки Антония слишком для этого короток. Это выяснение невозможно без того, чтобы принять во внимание все то, что говорилось мною об общем направлении официальной церковной жизни в России за истекшие годы.

Суть скорбного недоумения о. Димитрия в том, что из слов своей собеседницы он понял, что мы якобы отмежевались от таких пастырей как он и едущим в Россию своим духовным чадам не позволяем принимать причастия на родной земле.

Мне представляется, что мы на это можем ответить следующее:

Все православные русские люди, как живущие в России, так и мы за границей, принадле-

жат к Русской Церкви. В том и разница между нами, Американской Церковью и Парижской, что они отказались от принадлежности к Русской Церкви, в то время как мы дорожили и дорожим ею. Все болезни Церкви на Родине мы всегда переживали как болезни организма, к которому и сами мы принадлежим.

Правда, части той же Русской Церкви и в России и за рубежом живут в разных условиях и поэтому часто у них различны и искушения.

Тем не менее, декларация Митрополита Сергия в 1927 г., вызвавшая разделение в России, в большой мере делила и нас. Те же вопросы трактовались в имеющихся у нас образцах рукописной литературы того времени в России и в наших статьях за границей. В очень большой мере в зависимости от этого определялась разница между нами и другими церковными образованиями, составлявшимися из русских людей в Западной Европе и Америке. Первые, ненадолго объединившись против нас с Митрополитом Сергием, затем ушли от наших проблем к Константинопольскому Патриарху, став частью его Церкви, а вторые удалились в автокефалию и американизацию. Мы же продолжаем жить как часть Русской Церкви и тщимся быть Ее голосом для Запада. Голосом свободным, вне всякого влияния посторонних для Церкви политических сил, старающихся использовать и Ее для создания в мире царства Антихриста.

Те, кто в России блюдут Православие и проповедуют истину, не поддаваясь воздействию посторонних сил, являются для нас не

просто союзниками, а братьями одной и той же Церкви. Но можем ли мы видеть братьев в официальных представителях Московской Патриархии, твердящих иностранцам о якобы свободе религии в странах коммунизма и проповедующих ложь современного «богословия мира» и т. п.?

В разделении между последователями Митрополитов Петра, Кирилла, Иосифа и др. с Митрополитом Сергием в 1927-28 годах, мы примкнули к этим исповедникам и для нас, после декларации 1927 г., Главою Русской Церкви по кончине Митрополита Петра оставался Митрополит Кирилл, а не Сергей, избрание которого Патриархом, как и его преемников мы не признали законным.

Пусть исповедники замучены и вымерли в лагерях и нам говорят, что Катакомбной Церкви больше нет. Но убита ли этим сама идея, ради которой умерли наши исповедники? Мученическая смерть их оправдала ли идею компромисса, которого они не принимали и в борьбе с которым отдали свою жизнь?

Эта идея не ограничивается пределами России, она всемирная и мы сталкиваемся с нею и на Западе. Пусть в борьбе с нею мы одиноки, но ведь не множеством голосов определяется истина и не тем ли более мы вынуждены быть осторожными в указаниях, даваемых своим духовным чадам?

Ревнители истинной веры в России воспитали в себе известного рода чутье, подсказывающее им, в ком из духовенства они могут

найти истинного пастыря, а в ком нечто другое. Люди приезжающие отсюда на короткое время не имеют этого опыта и поэтому могут легко ошибиться, обращаясь за таинствами не к тому лицу. Сам о. Димитрий писал о том как несвободно составляется иерархия Московской Патриархии, а мы здесь читаем достаточное количество заявлений ее представителей, подтверждающих это и вызывающих необходимость разборчивости в отношении к ним.

Но этим далеко не исчерпывающе определяется решение вопроса об отношении к тем или иным священнодействиям вообще. Надо иметь в виду, что не всегда отсутствие общения связано с отрицанием благодатности таинств. Так это долгое время было в период Болгарской схизмы. Тогда бывало, что народ был в общении со всеми Церквями, а болгарские епископы не могли сослужить с другими. В 1920 г. болгарский Митрополит Стефан приехал к нашим епископам в Сремские Карловцы, но по требованию сербов должен был уехать, ни с кем не послужив. Однако, сербы не отвергали ни крещений ни браков болгар.

Легко понять в текущей жизни ход мысли о. Димитрия, когда он хочет от нас общего решения таких вопросов по чувству сострадания. Конечно, это чувство в нас живо и этому нас учат свв. Отцы Вселенских Соборов. С одной стороны они были строги в своем утверждении и ограждении истины, но с другой и склонны к снисхождению, ибо как писали отцы VI Вселенского Собора в 102 правиле «у Бога и прияв-

шего пастырское водительство все попечение о том, дабы овцу заблудшую возвратити и уязвленную змием уврачевати. Не должно ниже гнати по стремнинам отчаяния, ниже спускати бразды к расслаблению жизни и к небрежению»...

Поскольку на нас, как на свободных, лежит особый долг исповедывать истину с обличением лукавых ухищрений врагов, что часто так трудно в советских условиях, — мы должны иногда в своих решениях ограничивать широту своего сердца, чтобы не повредить принципу. В этом тоже есть проявление любви.

Легче всего закрывать глаза на ложь и ужаснее всего, когда эта ложь, как это бывало при распространении арианства и монофизитства, ширится по всему миру. Часто нам, как некогда Максиму Исповеднику, говорят, что с нею уже примирилась вся вселенная и укоряют нас за то, что только мы одни не принимаем компромисса ни с коммунизмом, ни с экуменизмом, ни вообще с любой формой обновленчества.

Надо ли нам сдаваться? — Никак.

О. Димитрий напоминает сказанное в одном случае, кажется, Митрополитом Филаретом Московским, что если священник недостоин, то за него танство совершит Ангел. Но ведь это относится к личным грехам священника и св. Иоанн Златоуст в одном месте пишет, что верующий не потерпит ущерба в таинствах даже если крайне порочен будет совершающий их священник. Однако, личные грехи совсем не то, что ересь или раскол. В первом случае грех может лишить священника спасения, но служе-

ние его совершается в Церкви и от лица Церкви, а во втором — служение проходит вне Церкви и вне тока церковной благодати, хотя бы личная жизнь его и была добродетельной.

Спрашивается, если мы не хотим причащаться из одной чаши с епископом-агентом, т. е. служащим Велиару, то кто из нас двух оторван от «Вселенского Православия», как пишет о. Димитрий: этот ли епископ, или мы? Тот-ли, кто продает Церковь «яко Иуда» в руки Ее врагов, или тот, кто не хочет вследствие этого быть в единении с ним? Если Церковь не разрешает не только причастия, но и молитвенного общения с еретиками и раскольниками, то не в большей ли это степени должно относиться к подражателям Иуды?

Однако, тут возникает вопрос: а можем ли мы безошибочно указать пальцем, кто предатель, а кто только ошибается и лишь по ошибке или неведению старается подслужиться к Велиару, надеясь, что этим откроется возможность послужить и Христу?

Можно по разному судить о людях и хочется не осудить никого, но, отбрасывая суждения об отдельных лицах, мы не можем сказать, что Апостол ошибся, когда говорил, что нельзя одновременно служить Христу и Велиару. В жизни добро и зло часто переплетаются по нашей слабости, но Митрополит Сергей пугал нас тем, что понимал это смешение если не как норму благочестия, то как явление безразличное и допустимое в деле спасения. По св. Григорию Нисскому напротив, грех в этой области есть грех,

касающийся мысленной области души и «признан от Отцов тягчайшим и требующим большого и продолжительнейшего и строжайшего покаяния» (прав. 2). Вот почему мы должны быть очень осторожны в наших суждениях о том, у кого можно, а у кого нельзя причащаться. Приезжающим от нас в Россию мы, по своей неосведомленности, не можем этого точно указывать. Мы с уверенностью можем указывать только одно бесспорное мерило: если сомневаешься, — воздержись, ибо нельзя причащаться с сомнением. Если за короткое время пребывания в России человек вследствие этого не причастится, — душа его не потерпит большого ущерба. Он причастится, вернувшись домой.

Трудно из положения свободы судить о разнообразных проблемах, создаваемых преследованиями, работой агентуры и компромиссами, делаемыми может быть иногда с добрым намерением, чтобы выжить и иметь возможность помогать вере других. В какой степени Господь покрывает их Своею любовью, а также может ли и в какой мере, даже при каком-то компромиссе оставаться элемент исповедничества — нам отсюда невозможно судить. Как нам здесь судить, кто в компромиссах дошел до отпадения от Христа (более служа Велиару, чем Ему), а кого можно, по выражению Св. Афанасия Великого, признавать «не самовластным делателем нечестия, но увлеченным нуждою и насилием»? Он писал о епископах, официально бывших арианами, которые утверждали, «что они не соворачивались в нечестие: но дабы некоторые, соде-

лавшись нечестивейшими, не расстроили церквей, почли за лучшее уступить насилию, и понести бремя, нежели погубить народ» (прав. 3) Св. Афанасий судил о них по окончании гонения, когда картина была яснее. Но тот факт, что оказывалось снисхождение, уже был признанием того, что путь этого компромисса сам по себе не лишен греха, который искупался сохранением истинной веры и благочестия среди паствы.

Святые отцы не оставили нам достаточно практического руководства для настоящего времени. За исключением упомянутого выше правила Св. Афанасия, каноны исключают допустимость всякого компромисса, по разному оценивая только те или иные формы его по степени греха. Это объясняется тем, что они указывают нам не столько детали на разные случаи, сколько принципы поведения, из которых следует, что тот или иной образ действий греховен. Поэтому каноны в большинстве случаев максималистичны. Однако, поскольку они касаются отдельных поступков, правила Анкирского Собора, Петра Александрийского, св. Григория Нисского и др. дают и примеры покрытого милостью уклонения от прямого исповедничества при непременно условии принципиального сохранения верности Христу. Они дают реакцию Церкви на гонения против веры в условиях первых веков христианства. Теперь, очевидно, существуют и разные другие казусы, невиданные 1700 лет тому назад и о которых мы, находясь вне СССР, судить не можем. Уже по

одной этой причине мы вынуждены воздерживаться от очень решительных суждений о личностях и некоторых явлениях религиозной жизни в СССР, как в осуждении, так и в одобрении их, за исключением отдельных, достаточно явных случаев.

Однако то, что о. Димитрий предлагает Владыке Митрополиту Филарету в своем открытом письме, т. е. посещение нами СССР для влияния на церковную жизнь и некоторые отношения с Патриархией, практически было бы невыполнимо и принципиально было бы неправильно.

У нас нет сознания своей «праведности», но есть сознание, что Господь поставил нас в условия свободы для того, чтобы мы могли открыто выступать в защиту истины, ничем не будучи стесняемы. Если бы теперь мы выступили на путь объединения с Московской Патриархией, то это было бы добровольным принятием на себя ее компромиссов, в которые она вступила под давлением гонений и угроз. Это было бы признанием ее законности, а для внешнего мира показателем, что де, вопреки действительности, она и вправду так свободна, как говорят пропагандисты. Это было бы отказом от возложенного на нас долга свидетельствовать перед лицом всего мира об антихристовом характере самой безбожной власти. Не для этого Господь нам дал свободу. Кроме молитвы, только нашими протестами и обличением преследования веры мы и можем помочь нашим братьям на Родине.

Что касается присылки нами в Россию епис-

копов или священников, то об этом и говорить не приходится. Наш «контакт» с исповедниками — это молитва друг о друге и пересылка им литературы по мере возможности. А поскольку молитва есть реальная сила — эта помощь, при всей слабости нашего духа, все-таки может иметь значение.

Что же касается исповедников в России, подобных о. Димитрию, то они оказывают нам помощь доходящими до нас их сочинениями.

Церковная история еще не знала такого смутного времени, как теперь. Дело усложняется тем, что в течение всех истекших лет, ни одна Православная иерархия не могла полностью понять всю глубину русских церковных проблем. Они относятся к ним, как к делу, их не касающемуся. Это, конечно, ошибка. Мы не в силах им это разъяснить и можем только желать, чтобы Господь не вменил им этого в грех.

Сами же мы, русские, по какую бы сторону границы мы ни находились, не можем уйти от всей сложности проблем нашей Церкви. Но ответы мы должны искать не с позиции духовной слабости и компромисса, а с позиции долга исповедывать истину независимо от большинства или меньшинства и в готовности быть верными Церкви даже до смерти.

Епископ Григорий

Алексей РОСТОВ

Встречи с будущими мучениками и исповедниками

На 82-м году жизни считаю своим долгом поведать о тех мучениках и исповедниках, которых Бог привел меня встретить на моем долгом жизненном пути. Сведения о них я поместил во втором томе замечательного труда покойного протопресвитера Мих. Польского «Новомученики Российские», но сейчас должен поделиться личными воспоминаниями.

В 1918-20 г. г., проходя аспирантуру при Казанском университете, бывал я у викария епархии епископа **Чистопольского Анатолия (Грисюка)**. Он не был проповедником из-за дефекта речи, но в беседах укреплял в вере и делился грустными впечатлениями от трудностей получать от ОГПУ разрешения для поездок по епархии. В 1920 г. прибыл наконец вновь назначенный **митрополит Кирилл**, впоследствии один из заместителей почившего Патриарха Тихона и его сосланного местоблюстителя митрополита

Петра (Полянского), но я вскоре покинул Казань и лишь раз был принят перед отъездом величественным митрополитом, благословившим меня не порывать связи с иерархами на моем дальнейшем доцентском, потом профессорском пути.

В тогдашнем Петрограде мне не пришлось лично побывать у митрополита Вениамина, но я близко подружился в Доме Ученых с профессором уголовного права **Юрием Петровичем Новицким**, слушал его доклад и он бывал на моих докладах. Вскоре его арестовали совместно с Владыкой Митрополитом Вениамином. Провели гнусную комедию показательного суда над ними. Он держался стойко и юридически блестяще опровергал нелепые обвинения наряду с архимандритом **Сергием**, б. правоведом и профессором гражданского права в родном училище, а после революции настоятелем Троицкого подворья на углу Невского и Фонтанки.

Во время процесса Юрия Петровича постиг еще один удар: кончина любимой супруги. Осиротелую дочь лет восьми взяла к себе его сестра. Суд вынес 12 смертных приговоров, из них 8 заменили тюремным заключением на разные сроки, но мучениками за Святую Церковь стали: **Митрополит Вениамин, архимандрит Сергей, Юрий Петрович Новицкий** и юрисконсульт епархиального управления **И. П. Ковшаров**.

В Доме Ученых я познакомился с молодым доцентом-философом **Федором Константиновичем Андреевым** и слушал его интересный доклад «Происхождение зла на земле». Вскоре он стал священником при наличии начавшегося ле-

точного туберкулеза. Он был младшим священником Сергиевского Собора, но после декларации 1927 года митрополита Сергия, в отличие от старших собратьев, настоятеля о. Иоанна Морева и прот. Василия Запольского, не признал декларации и потому перешел в храм Воскресения «на крови» (убитого императора Александра II), где собирались непризнавшие декларацию vicарные епископы **Сергий Нарвский** и **Димитрий Гдовский** и ряд священников. Первым там арестовали о. Федора и держали в тюрьме, пока тюремный врач не признал, что ему остается месяц жизни. Тогда ОГПУ сделало красивый жест: выпустило его умирать дома. Он поведал близким, как его соблазнял следователь, говоря, что церковь митрополита Сергия не будет преследоваться, получит все «советские права», на что о. Федор ответил: «Не надо нам советских прав, оставьте нам наше святое бесправие». Эти слова почившего в январе 1929 года о. Федора стали девизом непризнавших декларации архипастырей и пастырей.

4 февраля 1930 г. меня арестовали по «делу Академии Наук» и я встретил в камере № 9 третьего корпуса ДПЗ (Дом Предварительного Заключения) на Шпалерной ул. моего сверстника о. **Петра Белавского**, о котором мне сообщили два года тому назад, что он жив и, будучи на покое, служит в церкви села Елизаветино под Гатной. 10 апреля нас с ним перевели в большую 21-ую камеру, где встретили его однодельцев: б. законоучителя дореволюционной второй гимназии Петербурга о. **Иоанна Никитина** и настоя-

теля крошечной церкви преп. Александра Ошевенского у разъезда Пискаревка Ириновской жел. дороги о. **Николая Прозорова**. Последнего судьба наиболее замечательна. Молодым семинаристом он пошел добровольцем на первую мировую войну, после революции поселился в Воронеже, где в 1918 г. был арестован по обвинению в участии в офицерском заговоре. Их всех приговорили к расстрелу и послали приговор в Москву на утверждение. У него была иконка Св. Николая Чудотворца и он с некоторыми однодельцами перед ней усердно молился. Пришел ответ из Москвы: те, кто молился, получили замену расстрела заключением на разные сроки, прочих расстреляли. Через несколько лет он вышел на свободу, стал священником и переехал в Ленинград, где получил приход на Пискаревке. Раз приехал к нему один крупный коммунист — член ЦК с красавицей, с которой просил тайно его обвенчать. О. Николай ответил, что перед венчанием надо исповедаться и причаститься. Раздраженный коммунист отказался, сказав, что батюшка теряет важную протекцию, а он с заплакавшей девушкой поедет искать более покладистого «попа». Узнав его прошлое, следовательно Макаров заметил, что первое спасение его от расстрела было «чудом», но Бог двух чудес не делает. Принесли подсудимым приговор: о. Никитину — 10 лет концлагеря, о. Белавскому — 5 лет, а о. Прозорову ничего не объявили. Двух батюшек сразу взяли на этап. Он остался один и вечером, встав со мной у окна, наизусть прочел вечерню — это был канул Преображения

1930 г. Затем показал мне спрятанную им карточку своих трех дочурок, 6-и, 4-х и 2-х лет, и сказал: «Верю, что Господь не оставит этих сирот в страшном советском мире». Когда камера укладывалась, явился у решетки дежурный комендант: «Прозоров — есть такой? — Это я! — Имя, отчество! — Николай Кириакович! — Выходи с вещами!» Он живо собрал вещи и с просиявшим лицом пошел к открытой ему двери. «Господь зовет меня и сейчас буду с Ним», крикнул нам, выходя, будущий преподобномученик Николай.

Получив 10-го февраля 5 лет концлагеря, я был отправлен этапом на Май-Губу, где по лагерным связям и благодаря знанию латинского языка стал работать лекпомом (фельдшером) в амбулатории, выполняя по предписанию врача медицинские процедуры. Летом пришел с Соловков этап, который остался на Май-Губе: в нем, помимо моего тюремного духовника о. Петра Белавского, был **архиепископ Угличский Серафим** (Самойлович), одно время заменявший арестованного перед своей декларацией митрополита Сергия. Арестовывая подряд всех возглавлявших патриархию, следовательно Тучков спросил архиепископа Серафима: «Кто возглавит церковь, если вас арестуем?» — «Сам Господь Иисус Христос! Его вам уже не арестовать!» Его арестовали и дали пять лет концлагеря, выпустили Сергия и тот подписал в июле 1927 г. знаменитую декларацию. Владыку Серафима заставили носить кирпичи на постройку. Он упал, сломал два ребра и стал инвалидом. Раз я про-

ходил около пяти часов вечера мимо дезинфекционной камеры, где сторожил один из инвалидов. Меня подозвал архиепископ Серафим. «Нас ставят на два часа. Я стою с двух часов и меня не сменяют». — «Сейчас вас, Владыко, сменят!» — Пошел и пригрозил нарядчику, что подам на него рапорт нач. Сан. Части, что не сменил заключенного Самойловича у Дезокамеры. Он стал извиняться, что забыл, растолкал старого полковника и послал его бегом сменить Владыку. Через пять минут зашел я в барак и увидел, как Владыка с наслаждением пьет кипяток, чтоб согреться от осеннего ненастья с пронизывающей сыростью.

С ним прибыл викарий Смоленский «маленький» **Илларион (Бельский)**, которого назначили открывать ворага перед въезжающими в лагерь возами. Он был самым непримиримым врагом Патриархии и в отличие от других архипастырей и пастырей совершал крещение над младенцами, крещенными пастырями Патриархии, не признавая благодати крещения, ими совершаемого, как и миропомазания.

Но не только духовных лиц мог я повидать в концлагерях Карелии: в 1928 г. был арестован в Ленинграде ряд участников религиозно-философского подпольного кружка «Воскресенье», собиравшегося несколько лет по воскресеньям. Во главе его стоял философ **Александр Александрович Мейер**, среди участников были архитектор **Ксения Анатольевна Половцева** и молодой историк **Всеволод Николаевич Бахтин**, сын известного врача-окулиста. Все трое были во время

следствия по делу 4-х академиков привезены из Карельских лагерей в ленинградский Дом Предварительного Заключения и допрошены о связях с нами. Таковых не оказалось и они этапом поехали с нами досиживать сроки. Впоследствии при постройке Беломорско-Балтийского канала Ксения Анатольевна была назначена в Управление в качестве архитектора и сумела пристроить туда Мейера и Бахтина. Все они часто встречались с нами — «академиками», как нас всех прозвали, и стойко несли выпавшие на их долю испытания.

Не упоминаю менее значительные фигуры, как пожилую уборщицу амбулатории концлагеря на Май-Губе, которая с гордостью говорила: «Я получила три года лагеря за то, что отстаивала нашу церковь, когда ее разрушали, — значит, сижу за религию». Теперь, верно, их всех Господь призвал к Себе, «идеже праведные упокоются»...

Алексей Ростов

Свящ. В. ПОТАПОВ

Православное инакомыслие в СССР

(Доклад прочитанный на съезде православной русской общественности в 1979 г. в США).

«Плачь моя Россия, плачь, так приходят дни испытаний». Так стенает в «Борисе Годунове» невинный. А современное русское стенание принесено богоборцами-большевиками. В их лице взбаламутилась русская темная стихия, поднялась Русь богохульная, окаянная. А стенания «невинного» в лице русского народа пронеслись сквозь годы, и Россия плачет и страдает так, как она никогда не страдала даже под татарами. По слову русского философа — «Злые духи, которых видел Гоголь в их статике, вырвались на свободу и учиняют оргию. Их гримасы приводят в содрогание тело несчастной России».

За 60 лет своей темной истории злые духи Советской власти учиняя свою оргию прямо или косвенно принесли в жертву около 67-ми миллионов человеческих жизней.

С прискорбием нужно констатировать факт, что Россия к началу нашего столетия уже не была в состоянии дать должный отпор воинственному безбожию. Два с лишним столетия «европеизации», планомерная секуляризация культурной, общественной и духовной жизни России отравили целые поколения русских людей ядом неверия или религиозного безразличия и равнодушия. Теоретический нигилизм Запада на рус-

ской почве вырос в воинствующий нигилизм практического осуществления. Были расшатаны традиционные устои религии и государственности. Конечно, были на Руси отдельные оазисы благочестия и благоразумия — оптинские старцы, все-российские пастыри, такие как о. Иоанн Кронштадтский, о. Алексей Мечев, о. Иоан Атаманский. Эти праведники и целый ряд других предвидели надвигающуюся опасность и предупреждали о ней русских людей. Так о. Иоанн Кронштадтский писал:

«Россия забыла Бога спасающего; утратила веру в Него; оставила Закон Божий, поработила себя всяким страстям, обоготворила слепой разум человеческий; вместо воли Божией премудрой, святой, праведной — поставила призрак свободы греховной, широко распахнула двери всякому произволу, и оттого неизмеримо бедствует, терпит посрамление всего света, — достойное возмездие за свою гордость — за свою спячку, бездействие, продажность, холодность к церкви Божией». («Живое сл. мудр. дух.» 80 с. изд. 1911 г.).

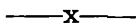
Эти предупреждения, старания возродить народное благочестие находили слабую поддержку. Святая Русь стала мечтой и чаянием лишь лучших сынов нашего народа.

Новые властители Руси, помимо всех физических и экономических понуждений, от несчастного русского народа потребовали еще и полной отдачи души. А душа России — в ее Церкви.

Русская Православная Церковь стала лицом

к лицу перед фактом другой России, — России блудницы.

К хрущевским годам относится начало православного инакомыслия и сопротивления, а также столкновения советской власти с феноменом возвращения народа к вере. Именно в этом периоде начали открыто выступать мужественные русские люди, явившиеся если не возглавителями, то по крайней мере предтечами церковного возрождения. Хочется вам рассказать о некоторых из этих богатырей духа. К сожалению, подробно о каждом, из-за недостатка времени, не скажешь, но каждому можно было бы посвятить целый трактат.

Первый из них — Архиепископ Гермоген Голубев. Во время хрущевских гонений Арх. Гермоген был правящим епископом Ташкентской епархии, в качестве какового он энергично действовал в области расширения храмов. В частности, в Ташкенте, благодаря его деятельности был в три раза расширен местный собор — в то время как 10,000 церквей были закрыты по всему Советскому Союзу. Священники Глеб Якунин и Николай Эшлиман в своем знаменитом открытом письме Патриарху Алексию свидетельствовали, что «на его совести (то есть на совести Архиепископа Гермогена) нет ни одного закрытого храма». Во время хрущевских гонений в Ташкентской печати началась систематическая травля, направленная против Архиепископа. За его энергичную защиту веры он был на год отстранен от управ-

ления своей епархией. В 62-ом году он был назначен архиепископом Калужским. В 64-ом году он первый поднял кампанию за освобождение Церкви от пленения советскими безбожными чиновниками. Летом 65-го года он возглавил делегацию из 8-ми епископов к Патриарху — требовавшую отмены решений Собора Епископов 61-го года в виду их неканоничности. За эту акцию Архиеп. Гермогена по требованию Куроедова «убедили» уйти на покой и назначили ему поселиться в Жировицком монастыре (Белорусия).

В течение 2-х лет вынужденного пребывания на покое Архиеп. Гермоген не оставался безмолвным. Он находился в тесном контакте с отцами Глебом Якуниным и Николаем Эшлиманом и принимал самое активное участие в подготовке знаменитой петиции этих двух священников.

В 67-ом году его после тщетных попыток со стороны патриархии убедить прекратить свои отношения с 2-мя моск. свящ. Арх. Гермоген был опять отправлен «на покой» в Жировицкий монастырь под городом Слонимом, и находился под домашним арестом.

Тем не менее, и находясь на покое, он неоднократно выступал против приспособленческой политики Московской Патриархии. После смерти Патр. Алексия все лучшие силы Русской Церкви мечтали об избрании Арх. Гермогена патриархом. Даже представители Московской Патриархии говорили (неофициально, конечно), что «он лучший из теперешних русских епископов». Однако Арх.

Гермоген, бывший в то время старейшим иерархом Русской Церкви, даже не был вызван на Собор 71-го года и до самой своей смерти последовавшей 7-го апреля 78-го года оставался под домашним арестом.

Другой яркий представитель церковной общечеловечности и церковного инакомыслия был умерший в 71-ом году в тюремной больнице Борис Владимирович Талантов. Это был маленького роста человек, с седенькой бородкой, сгорбленный, но мужественный праведник, который всегда в своем сердце нес страдающего Христа и свою страдающую Родину. До 66-го года этот бывший преподаватель математики был совершенно неизвестным советским пенсионером.

66-ой год — важный год в истории современной Русской Церкви. В этот год мир впервые услышал из России громкое слово правды о плачевном положении Русской Православной Церкви из уст двух московских священников Глеба Якунина и Николая Эшлимана в их знаменитом открытом письме Патриарху Алексию. Но этот год памятен еще и потому, что 12 верующих из города Кирова (бывшей Вятки) обратились к патриарху с петицией, в которой требовали предать духовному суду своего епископа, нарушившего все церковные каноны и способствующего закрытию храмов. Эта петиция, инициатором которой был Борис Талантов, прозвучала на весь мир. Письмо верующих Кировской епархии было документом чрезвычайной важности, ибо до его

появления, Запад узнавал об ущемлении прав верующих в СССР лишь от случайных, спонтанных жалоб монахов или из анонимных документов. В письме кировских верующих впервые заговорил верующий народ печалующийся о положении их Церкви. Как хорошо отметил редактор «Вестника РСХД» Никита Струве:

«Вятский документ первое «аминь», произнесенное словам двух священников. Но его значение и в другом. Московские священники обобщили страдальческий опыт Русской Церкви за последние годы. Вятский документ потрясающая иллюстрация к их обобщениям (Вестник РСХД, № 82, 1966, стр. 1)».

Подвиг Бориса Талантова и верующих кировской епархии поразителен еще и тем, что он был составлен в провинции, а не в столице, где много иностранных корреспондентов. Об этом в свое время писал Анатолий Левитин-Краснов:

«В тяжелые времена, когда за какие-нибудь два-три года (в хрущевский период) было закрыто более 10,000 церквей, когда каждый день приносил все новые и новые известия об очередных актах разбоя — в Почаевской обители, в других обителях Молдавии и Украины, когда все газеты и журналы были переполнены вонючей клеветой в адрес верующих, а иерархи сидели на своих местах, боясь замолвить словечко в защиту церкви, — в это время скромный учитель из Вятки боролся за церковь, он боролся пером, писал яркие письма во все инстанции; он боролся словом, обличая произвол местных властей

и преступное попустительство иерархов. Тяжело ему было, старику. Ведь в провинции он был совершенно один: вокруг ни культурных людей, ни смелых соратников. Ведь в провинции люди более робкие, чем в Москве, власти более самоуправные, произвол циничный (Посев, 10/69, «Драма в Вятке», стр. 6)».

За его статьи, раскрывающие трагическую ситуацию Русской Церкви и бесстыдную ложь иерархии, власти начинают травить и преследовать Бориса Талантова. В 69-ом году больного пенсионера арестовывают и приговаривают к 2-м годам заключения. В последнем слове на суде, Талантов подтвердил свою верность Христу и простился с близкими, ибо предчувствовал, что уже никогда не выйдет на свободу. Так и случилось. 4-го января 71-го года он умер в тюремной больнице города Кирова. Незадолго до своей смерти он писал друзьям:

»Я бодр духом и с благодарностью принимаю от Бога все горькие испытания».

На крови мучеников строится и возрождается Церковь. И пример исповедника Бориса Владимировича Талантова воодушевил многих христиан России на дальнейшие подвиги во славу Божию.

В то время когда Владыка Гермоген, Борис Талантов и московские священники боролись с неправдой официальной церкви, русские люди поражались талантом нового писателя — Александра Солженицына. Тысячи людей запоем читали его «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор». Говоря о русском православном

инакомыслии нельзя не сказать об огромном вкладе в него этого проповедника идеи «жить не по лжи» и призывающего к нравственной революции.

В целях духовного возрождения России, Солженицын повторяет призыв Церкви о раскаянии, раскаянии как целой нации, так и каждого ее члена — от колхозника до правителя. России он предлагает уйти в себя для лечения своих нравственных и физических болезней.

«Для России, пишет Солженицын, все тривиальные пути завалены, и я своих соотечественников призывал не к политическим действиям, а действиям нравственным... Выхода я другого не вижу — как революция нравственная. Человеку не надо выходить на улицу, не надо брать оружие. Ему надо только отказаться ото лжи».

Солженицын вернул России ее громовое духовное могущество и многие россияне услышали его призыв — «жить не по лжи»!

—х—

Один из тех, кто решил больше не жить по лжи, был хорошо нам известный Игорь Огурцов.

В 64-м году в Ленинграде был основан, так называемый, «Бердяевский кружок», носивший также наименование «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народов» (ВСХ-СОН). Кружок этот подпольно просуществовал с 64-го по 67-ой год. По доносу осведомителя кружок этот был разгромлен и все его участники — 21 человек — были арестованы и осуждены на

долгие сроки заключения. Основатель кружка, Игорь Огурцов, был особо жестоко приговорен к 7-ми годам тюрьмы, 8-ми годам лагерей строгого режима и к 5-ти годам ссылки. Американский исследователь русского религиозного и национального движения Джон Дэнлоп считает, что кружок Огурцова являлся самой значительной подпольной организацией в Советском Союзе после смерти Сталина.

Члены Огурцовского кружка мечтали о свержении коммунистической власти, но их конкретные действия ограничивались лишь чтением христианских философов и писателей, пришедших от марксизма ко Христу и мечтой о построении в новой будущей России социально-христианского строя и воспитания ее общества на этических принципах христианства.

В настоящее время здоровье Игоря Огурцова томящегося в тюрьме в Чистополе подорвано до крайнего предела. Вся поступающая до нас информация о нем указывает на то, что он умирает..

В 71-ом году зазвучал голос другого русского патриота-славянофила Владимира Осипова, редактора 9-ти выпусков русского религиозно-национального журнала «Вече». За выпуск двух других журналов «Бумеранг» и «Феникс» он был приговорен к 7-ми годам лагерей строгого режима. Вышел он на свободу в конце 68-го года и вскоре написал прекрасный очерк «Площадь Маяковского, статья 70-ая» в котором он описал как многие приходят в лагерь с «типично совет-

ским мировоззрением», но там духовно возрождаются. Я читаю:

«Недаром концлагерь официально называется исправительно-трудовой колонией. Приходят атеистами, уходят — христианами. **Исправились...**».

Во втором выпуске журнала «Вече» Осипов писал о возрождении церковной жизни в Советском Союзе:

«Трудно увидеть сокровенную святую Церковь в России, она неприглядна по форме (изуродована), как и Христос окровавленный был непригляден для судей земных, но Церковь в России есть и спасает. И спасет!..

То, что Россия поняла, то что Россия испытала — это ее ставит в особое положение. В особое положение становится и русский человек.

Царство Небесное ширится и растет и при всем устрашающем призраке ада, ад прекращает свое существование. В этом победа Христа! Не видеть этого — значит ничего не видеть и дрожать от призраков ада, когда нужно петь пасхальные ирмосы.

Христос воскрес! — это слышится из России».

В ноябре 74-го года, за издание «Веча», Осипов был вторично арестован и через год был приговорен к 8-ми годам лишения свободы.

—х—

До 71-го года церковное инакомыслие в СССР касалось главным образом проблем внешнего управления Церкви и вмешательства власти в ее внутреннюю жизнь, но в 71-ом году мы видим,

что представители православного инакомыслия начинают новую фазу своей деятельности: обличения богословского модернизма Московской Патриархии, проповедуемого покойным Митр. Никодимом и его последователями.

В 71-ом году был созван Поместный Собор Русской Церкви, главной задачей которого было избрание нового Патриарха. Власти, предчувствуя, что будут сделаны попытки вынести на обсуждение собора некоторые принципиальные вопросы, поставленные в обращении к Патр. Алексею московскими священниками Николаем Эшлиманом и Глебом Якуниным, решили испугать участников собора. Для этой цели, до открытия собора, был арестован весьма активный представитель церковного инакомыслия Анатолий Левитин-Краснов. Эффект был только частичным, так как 5 архиереев все-таки потребовали, чтобы собор пересмотрел и отменил бы решения собора 61-го года, поставившие настоятелей приходов в бесправное положение и в полную административную зависимость от церковных двадцаток, куда нередко входили безбожники для разложения приходов. Из числа участников собора, нашлись также епископы, которые активно сопротивлялись вынесению канонических прещений епископата нашей Русской Православной Церкви Заграницей.

Собору было направлено два коллективных документа церковного инакомыслия. Первый из них был подписан Свящ. Георгием Петуховым из Загорска, иеродиаконем Варсанофием Хайбулиным (будущим членом Христианского комитета

защиты прав верующих в СССР) и мирянином Петром Фоминым. Их обращение к собору касалось главным образом вопросов внешнего положения Церкви.

Второй документ, адресованный предсоборной комиссии, был составлен Свящ. Николаем Гайновым и другими видными представителями церковной общественности: Феликсом Карелиным, Львом Регельсоном и Виктором Капитанчуком. Документ этот, состоящий из 9-ти глав, озаглавлен так: «Серьезные и своевременные вопросы, заявленные высокопреосвященнейшему Никодиму, митрополиту Ленинградскому и другим еднomyшленным ему лицам».

Авторы документа пишут, что с начала епископства Митрополита Никодима Ротова в Русскую Церковь стал проникать дух богословского модернизма. В доказательство своего довода авторы обращения приводят ряд цитат из статей Митрополита Никодима, опубликованных в Журнале Московской Патриархии и из его выступлений на разных международных экуменических конференциях.

Так, во второй главе документа, рассматривается устное заявление Митр. Никодима на религиозном конгрессе в Праге в 61-ом году. Там Митр. Никодим между прочим, сказал, что установление на земле всеобщего мира будет означать пришествие Мессии-Спасителя. Этому высказыванию авторы документа противопоставили православное толкование 19-й и 20-й глав Апокалипсиса.

К сожалению время не позволяет остано-

виться на подробном разборе каждой главы этого действительно «своевременного» документа — своевременного потому, что в настоящее время добрая половина из числа епископата Моск. Патр. либо ставленники самого Митр. Никодима, либо его богословские последователи.

* * *

Отец Димитрий Дудко... Сколько о нем уже написано и сколько будет еще написано! Его вклад в русское национально-религиозное движение и церковное сопротивление неоценим. Отец Димитрий волей обстоятельств церковный инакомыслящий, но в то же самое время он явление более глубокого порядка: это мужественный проповедник веры с Русской Голгофы, всеми силами борющийся за освобождение душ русских людей от страха и лжи.

Недавно вашингтонцы, по местному радио, услышали передачу посвященную религиозной жизни в Советском Союзе, подготовленную вашингтонским комитетом защиты гонимых православных христиан. Для этой передачи, по просьбе нашего комитета, жена лауреата Нобелевской премии по литературе Александра Солженицына, Наталия Дмитриевна, поделилась с слушателями ее воспоминаниями об отце Димитрии. Она лаконично, но ярко свидетельствует о той важной роли, которую играет этот «всероссийский батюшка» в деле русского религиозного возрождения и сопротивления:

«С отцом Дмитрием Дудко я познакомилась около 10 лет назад, в Москве. Это было время начала религиозных поисков многих людей, родившихся и выросших под гнетом коммунистической идеологии и понявших на собственном опыте ее тотальную ложь и античеловеческую сущность. Возврат в Церковь в те годы еще не был массовым, как сейчас, но уже заметно влиял на общую атмосферу общества. Люди искали живого слова о Боге, искали духовных наставников. Не так легко их найти. На всю 12-миллионную Москву — только 52 церкви (до революции было больше полутора тысяч). Да не всюду и добрые пастыри. Но все же — находили отца Димитрия, шли и шли. У него встретить можно было и молодых женщин с детьми, и пожилых мужчин, и подростков, известных писателей, художников, — и совсем простых жителей окрестных деревень. Родившись в крестьянской семье, Отец Димитрий не избежал участи миллионов нашего многострадального народа, — был арестован и 8 лет провел на Архипелаге Гулаг. Очень русский по духу, он и обликом — очень русский: коренастый с крупной головой, ясными голубыми глазами. С людьми, со всеми, — он ласково внимателен, слушает, о себе говорит мало, но от каждого общения с ним остается чувство: как глубока и радостна его вера! Человек он удивительно цельный и простой, и его проповедь находит прямой и точный путь к человеческому сердцу. Формально у нас проповеди не запрещены, реально — пресекались все 60 лет советской власти. Как только начал отец

Димитрий свои проповеди-беседы в храме, — сотни молодых людей пришли к нему за духовным руководством. Беседы переписывали от руки, перепечатывали и широко распространяли по всей стране. Власти реагировали немедленно: обыски, допросы, переводы в далекие от Москвы храмы, автомобильная катастрофа при неестественных обстоятельствах. Духовные дети старались не оставлять его одного нигде. Так и ходит он, всегда окруженный людьми, молодыми православным.

А тем временем религиозное возрождение в России превратилось в массовое обращение к Богу сотен тысяч людей — юных и зрелых, в городах и провинциях. Храмы наполнились молодежью осознавшей ответственность человека как дитя Божьего и утратившей страх перед безбожной властью. Вклад отца Димитрия в этот процесс, казавшийся невероятным еще 15 лет назад, — огромен.

Пошли ему Господь много сил чтобы продолжать вершить у алтаря подвиг веры и служения, более всего нужный в сегодняшнем больном и страдающем мире.

Натаалья Солженицына
2 августа 1979»

С сентября 1978 года о. Димитрий начал выпускать еженедельную православную газету-проповедь — «В свете Преображения». Факт

издания такой газеты в советских условиях свидетельствует об удивительном миссионерском горении о. Димитрия. Александр Солженицын, в недавней беседе со мной, охарактеризовал это издание, как «одно из самых значительных явлений в современной России».

По милости Божией о. Димитрий еще на свободе приносит русским людям Благую Весть. Хочется вам рассказать о другом замечательном священнике, который просвещает Светом Христовым несвободных — в советском концлагере. Имя этого священника отец Борис Заливако.

Отец Борис родился в 40-ом году в атеистической семье. Еще будучи юношей, он стал верующим под влиянием своего религиозного брата. С этого времени Заливако решил посвятить свою жизнь Богу. Проходя службу в армии, он регулярно посещал богослужения. После окончания военной службы его не приняли в духовную семинарию, куда он всей душой стремился, и он стал искать епископа, который согласился бы рукоположить его в сан. Такой нашелся в лице Архиеп. Вениамина Иркутского, который сам провел 13 лет в лагерях за свою веру. Архиеп. Вениамин скончался в 76-ом году.

В 67-ом году отец Борис и его приятель Анатолий Чиннов попытались перейти границу Чехословакии на Запад, чтобы там получить богословское образование. Чехи их поймали и вернули в СССР, где оба были помещены в психиатрическую больницу. Чиннова за отказ отречься от своей веры продержали в психбольнице до 75-го года. Заливако был дан выбор: либо остаться в

днепропетровской психбольнице, либо признаться в «измене родине». Он предпочел последнее.

Андрей Синявский, который в свое время вместе с о. Борисом сидел в лагере, рассказывает о нем следующее:

«Отец Борис был нашим лагерным священником в полном смысле этого слова. Я никогда и нигде такого человека не встречал. Он выполнял свои священнические обязанности с полной преданностью, несмотря на невыносимые лагерные условия. Он совершал богослужения под открытым небом, даже если шел дождь или снег. После утомительного рабочего дня он каждую свободную минуту отдавал своему пастырскому призванию».

Другой товарищ отца Бориса Заливако по лагерю рассказывал, что вокруг него собиралась лагерная молодежь. «Он стал средоточием религиозной жизни лагеря. Каждое утро, перед работой, а также вечером, мы вместе молились в группах из 3-4-ех человек, шопотом повторяя утренние или вечерние молитвы».

Другой бывший зек свидетельствовал об о. Борисе следующее:

«Он завоевал общее уважение, благодаря спокойствию и кротости. Те, которые привыкли жить низменно, трепетали перед его стойкостью и бескомпромиссностью в вопросах совести и убеждений».

Благотворное влияние отца Бориса на заключенных вызвало недовольство лагерного начальства. Решено было отправить отца Бориса в 71-ом году в Владимирскую тюрьму. Пребывание в этой тюрьме сильно подорвало его здоровье. После 8-ми лет проведенных в лагере строгого режима и в тюрьме, отец Борис Заливако был сослан в Томскую область, где он находится в настоящее время.

* * *

76-ой год был важным годом в летописи русского церковного инакомыслия. Религиозный самиздат первой половины этого года свидетельствовал о брожении в церковной общественности СССР, главным образом благодаря обращению о. Глеба Якунина и Льва Регельсона к 5-ой ассамблее Всемирного Совета Церквей в Найроби. В марте 76-ого года Якунин и Регельсон еще раз обратились к генеральному секретарю ВСЦ Поттеру с подробным анализом советского законодательства о религии. В 76-ом году доктор Филипп Поттер получает также письмо от православных верующих города Свердловска с просьбой помочь им в их борьбе с правящим епископом и его анти-церковной деятельностью. В общей сложности, в 76-ом году до Запада дошло 89 документов религиозного самиздата, касающихся ущемления прав верующих в СССР. 40 из этих документов были написаны членами Православной Церкви. Большая часть этого православного материала была составлена молодыми членами религиозного семинара, которые протестовали про-

тив учиненного насилия над одним из его членов, Александром Агрентовым, насильственно помещенным в одну из московских психбольниц.

Этот христианский семинар молодежи был основан в 74-ом году, стараниями молодого Александра Огородникова. Во втором номере журнала «Русское возрождение» опубликована «Декларация принципов» семинара. Там говорится:

«Верить в Бога, исповедовать религию и жить согласно велению христианской совести — неотъемлемое право каждого человека. Это право включает и право на свободу религиозных собраний и обсуждение своих религиозных проблем».

Далее в декларации принципов семинара говорится, что семинар был создан (цитирую):

«...как потребность ответить на те томления духа, которые не могли быть разрешены в современной Русской Православной Церкви в силу внешних причин. Поскольку наши проблемы не поднимаются в проповедях и на страницах единственного церковного журнала, а положение Церкви не позволяет включать многие, в том числе и наши, проблемы в соборно-богословское обсуждение, то в современной жизнедеятельности Церкви возникает зияющий црвал, заполнить который можно в таком случае только инициативой мирян».

Основатель молодежного семинара, Александр Огородников, приговоренный 10-го января за свою религиозную активность к году лишения свободы, начал свои религиозные поиски во время просмотра фильма Пазолини «Евангелие от Матфея». За его христианскую деятельность, Огородников был исключен из Московского и Уральского университетов и из кинематографического института.

В недавно опубликованном на Западе «Обращении к христианской молодежи Запада», члены русского семинара молодежи пишут, что за все время существования их семинара, его члены, особенно Александр Огородников, находились под постоянным наблюдением и подвергались преследованиям со стороны органов КГБ. В своем обращении к христианской молодежи Запада, авторы заявляют, что их семинар будет продолжать свое существование, каким бы жестоким преследованиям он ни подвергался и просят у западной христианской молодежи поддержки, как молитвенной, так и практической.

* * *

В декабре 76-го года был основан единственный в своем роде «Комитет защиты прав верующих в СССР», который с самого начала своего существования возглавлялся известным по своей правозащитной деятельности свящ. Глебом Якуниным. В московский христианский комитет входят и другие видные деятели православной церковной общественности в Советском Союзе:

Лев Регельсон, Виктор Капитанчук и Вадим Щеглов.

К настоящему времени на Западе издано уже 10 томов документов христианского комитета. Поразительный объем материала! В последнем, 10-ом томе сообщается о вступлении в Комитет нового члена — священника Василия Фонченкова. Отец Димитрий Дудко, в июньском выпуске своей газеты «В свете Преображения» пишет, что случай вступления о. Василия Фонченкова в христианский комитет напоминает обращение гонителя Савла — будущего ап. Павла — в веру Христову. Почему? Это выясняется из автобиографии отца Василия, опубликованной как в газете отца Димитрия, так и в 10-ом томе «Документов христианского комитета». Она заслуживает самого пристального внимания.

Отец Василий Фонченков родился в 32-ом году в Москве, в семье старого большевика, члена КПСС с 14-го года, начальника Штаба Красной Гвардии Дорогомиловского района Москвы, в честь которого названа даже одна из московских улиц

В 56-ом году отец Василий Фонченков окончил Исторический Факультет Московского городского педагогического института и работал научным сотрудником Центрального музея Революции СССР и в Московском областном краеведческом музее.

В своей автобиографии, отец Василий пишет, что он воспитывался в атеистической семье, но разочаровавшись в официальной идеологии, он 18-летним юношей принял крещение в Право-

славной Церкви. Обучение в институте, вопреки целенаправленной атеистической обработке, пишет он, не поколебало его веры в Бога, а работа в музеях, государственно-пропагандистских организациях, только укрепила его религиозные убеждения.

С 64-го года, решив посвятить себя служению Церкви, отец Василий работал в храмах Москвы чтецом.

В своей автобиографии, Свящ. Фонченков пишет, что его отец, незадолго до смерти, сознательно вернувшись к Богу, принес церковное покаяние и принял Святое Причастие. Это обстоятельство, пишет он далее, окончательно укрепило его намерение стать священником.

В 69-ом году, сдав экстерном экзамен за полный курс Духовной Семинарии, отец Василий поступил учиться в Московскую Духовную Академию, по окончании которой он, в 72-ом году, был назначен референтом Отдела внешних церковных сношений при Московской Патриархии и преподавателем Академии по кафедре Истории СССР. В 73-ем году он стал священником. В настоящее время отец Василий Фонченков ведет курс Византологии в Московской Духовной Академии и занятия в Духовной Семинарии по Конституции СССР.

Новый член Христианского комитета защиты прав верующих в СССР считает, что правозащитная деятельность Комитета показывает верующим, что их религиозные права могут защищаться, а предание гласности случаев нарушения таких прав заставляет тех, кто нарушает

эти права, соблюдать официальное законодательство о религии. Пользу Христианского комитета Священник Фонченков видит в том, что эта христианская правозащитная группа (цитирую):

«...воспитывает у верующих чувство собственного достоинства, поднимает и активизирует их социальное сознание и общественное значение верующих в Советском Союзе».

* * *

В настоящем докладе я пытался показать, что в современной Русской Православной Церкви в Советском Союзе деятельность церковного инакомыслия направлена против богоборческой политики советского режима, и одновременно, против церковной политики Московской Патриархии. Можно с уверенностью сказать, что движение инакомыслия в настоящее время пронизывает насквозь Русскую Православную Церковь сверху донизу и с каждым днем набирает новые силы.

Все то, о чем я говорил сегодня — это только малая часть айсберга русского церковного инакомыслия и религиозного возрождения. Можно было бы еще многое сказать о специфических религиозных исканиях советской молодежи, о религиозно-мистических течениях в культурной жизни современной России, о духовных поисках советских ученых и так далее. Но и этого достаточно, чтобы дать хоть беглое представление о том, что тихое озеро Светлояр начинает

иссушатся и из его глубины начинает проступать праведный град Китеж, город русских людей, нравственных героев, возлюбивших Господа и Его Тихий Свет, тот Свет, который, несмотря на все падения, измены и испытания, всегда светил в России, всегда вдохновлял ее культуру.

Россия воскрешается из мертвых! Мы должны в это верить, ибо мы веруем во Христа Спасителя, воскресшего из мертвых.

Русский историк Ключевский, говоря о влиянии преп. Сергия Радонежского на историю России, сказал:

«Пока над гробницей преп. Сергия не погаснут лампы — Россия будет».

А лампы эти горят, значит Россия есть...

Свящ. Виктор Потапов

8/79 — Вашингтон

Н. ПОЛТОРАЦКИЙ

МОНАРХИЗМ И НЕПРЕДРЕШЕНИЕ

И. А. ИЛЬИНА

В порядке обсуждения

В первых четырех номерах журнала «Русское Возрождение» за 1978 год было опубликовано исследование профессора Ивана Александровича Ильина «О монархии». Оно вошло и в вышедшую теперь книгу Ильина «О монархии и республике».*

Это исследование проф. Ильина — формально оставшееся неоконченным — есть результат научно-творческого труда, растянувшегося на несколько десятков лет: Ильин начал работу над этой темой еще в 1909 году, 26-летним молодым человеком, и продолжал с перерывами работать над ней до конца своей жизни (он умер в 1954 году, не дожив трех месяцев до 72 лет).

В «Русском Возрождении» были напечатаны те главы исследования, которые сам Ильин успел полностью обработать и набело переписать. Они

* И. А. Ильин. О монархии и республике. Редакция, предисловие и «Приложение» Н. П. Полторацкого. Содружество, Нью-Йорк, 1979, 329 стр.

представляют большую самостоятельную идейную и научно-исследовательскую ценность. Однако они не выражают учения Ильина о монархии и республике во всей его полноте. По указанию Ильина, в его книгу должны были войти также некоторые части его лекций «Понятия монархии и республики», читанных им в Русском Научном институте в Берлине в 1929/30 академическом году. Это указание Ильина исполнено: соответствующие части его берлинских лекций включены в его книгу «О монархии и республике». Некоторые главы задуманной им книги Ильину, однако, еще только предстояло написать. Но даже и в такой, законченной форме книга Ильина выражала бы полностью лишь принципиальную — религиозно-философскую, юридическую и историческую — сторону его учения о монархии и республике. Вопросы же политические — программные и тактические — вообще не должны были специально разбираться в этой книге. Поэтому читатель, который хотел бы получить представление о «всей» позиции Ильина в вопросе о монархии и республике, должен был бы принять во внимание также и другие труды Ильина, обратившись, в частности, к его публицистике.

В моем очерке «Монархия и республика в восприятии И. А. Ильина», напечатанном в виде приложения к книге Ильина «О монархии и республике» (и вышедшем также отдельным изданием), я делаю попытку дать представление о «всем» Ильине, — что касается не только его общего учения о монархии и республике, но и

его идей о месте монархии и республики в прошлом, настоящем и будущем России. К этому очерку я и отсылаю тех читателей, которые интересуются подробностями и развернутой документацией и библиографией вопроса. Здесь же, по предложению редакции журнала, я приведу ряд основных положений, касающихся монархизма и непредрешения И. А. Ильина, — главным образом из второй части моего очерка.

1

И. А. Ильин был убежденным монархистом. Но его подход к проблеме монархии был весьма своеобразным. Отметим, прежде всего, некоторые главные моменты его учения о монархии вообще.

Сам ученый юрист, Ильин считал, что современная формальная юридическая наука не понимает сущности монархии и не умеет по-настоящему отличить монархию от республики. Существо монархии невозможно раскрыть простым юридическим анализом писанных конституций или исторической регистрацией внешних политических событий. Природу монархии нельзя свести к формальным признакам наследственности, бессрочности и пожизненности, а также не-ответственности единоличного главы государства. Все это может быть налицо, а настоящей монархии при этом не будет. И наоборот: формальные признаки монархии могут отсутствовать, а монархический строй в стране будет слагаться и крепнуть. И это потому, что самое

важное заключается не в законах и их внешних проявлениях, а в живом правосознании, которое скрывается за государственной формой и за поступками людей, — в том, что именно происходит в душе главы государства и в душах его подданных. Таким образом, единственно верным критерием, позволяющим отличить монархию от республики, является наличие или отсутствие соответствующего уклада души или правосознания — монархического для монархии и республиканского для республики.

Главный недостаток республиканской формы правления Ильин видел в том, что в основе ее лежит пафос отрицания вечных и последних религиозно-органических основ народного правосознания. Что касается монархического правосознания, то для него характерны такие — чуждые республиканскому духу — восприятия, потребности и тяготения, как олицетворение народа, государства и власти в монархе, религиозно-мистическое созерцание верховной власти, пафос доверия к главе государства, пафос верности природному монарху, созерцание природы и судьбы как ведомых Провидением, восприятие государства в качестве великой семьи, спаянной кровью и предками, культ верного и справедливого ранга, культ чести, заслуги служения, культ традиции, культ дисциплины и воинское начало, центростремительность, тяга к интегрирующей аккумуляции, стихия солидарности, органическое восприятие государственности, аскеза политической силы суждения, гетерономия, авторитет, пафос закона, законности, субордина-

ция, принцип назначения и восприятие государства как Учреждения.

У каждого народа с монархическим правосознанием есть свое выработанное веками представление об идеальном монархе. Анализируя умопостигаемую сущность такого идеального монарха, Ильин отмечает проходящее через историю всех времен и многих народов представление о двойном составе царского существа, божественном и человеческом, — причем божественный состав не столько дан, сколько задан. Важнейшими условиями доверия народа к монарху (а без этого доверия монархия невозможна) являются, во-первых, религиозность царя и, во-вторых, известный уровень нравственности и характера. При этом, однако, религиозность и правосознание более важны, чем святость и бесстрастность царя. В правосознании и во всей деятельности монарха должны проявляться его идея служения, его справедливость и его лояльность по отношению к законам.

У монархии есть, конечно, свои опасности, — говорит, далее, Ильин. Монарх должен сохранять свою автономность, — которая может оказаться утраченной в целом ряде случаев. И в крайних ситуациях возникает труднейшая для монархического правосознания проблема диспенсирования своей обязанности пожизненно служить монарху. При решении этой проблемы приходится исходить из следующих принципов: царь для страны, а не страна для царя; неповиновение как священная обязанность, а не как право; неповиновение не вопреки своей прися-

ге, а во исполнение ее; полная отрешенность при неповиновении от личного или сословного (классового) интереса; неповиновение как единственный и верный путь к строительству монархии.

От этой общей постановки вопроса о монархии перейдем теперь — по необходимости столь же кратко и выборочно — к тому, как этот вопрос понимался им применительно к России.

Для Ильина один из главных уроков русской истории заключается в том, что на протяжении всего своего существования до 1917 года Россия всегда была монархией. Именно монархия вела и строила Россию, а республика ее разваливала и, развалив, заменила тиранией (тоже в форме республики). Но в падении монархии, приведшей к крушению и самой России, виноваты не одни только явные и тайны республиканцы, а и сами монархисты, включая даже представителей династии. И для возрождения России в будущем необходимо прежде всего осознать причины крушения и, осознав, стать на путь нравственного, идейного и волевого оздоровления. Как в прошлом, так и в будущем, — учитывая уровень русского народного правосознания, исторически нажитый народом политический опыт, силу его воли и его национальный характер, территориальные размеры страны и численность и многонациональный и разнотерриториальный состав ее населения, а также климат и природу страны, — для России наиболее подходящей государственной формой была бы, в принципе, монархия. Ибо все указанные факторы не облегчают, а затруд-

няют установление в России республиканской государственной формы. Теперь же, после десятилетий коммунистического господства, требовать для России демократической федеративной республики было бы и вовсе безрассудно. Однако монархию невозможно просто провозгласить. Она должна быть подготовлена — нравственно, социально, политически. Что же касается возможности восстановления на престоле свергнутой династии, то, разбирая этот вопрос в самой общей форме в своей статье «Трагедия династий без трона», Ильин выдвинул пять главных условий: «должны назреть в самом народе внутренние — политические, нравственные и религиозные тяготения, способные проявиться активно и организованно; должен сложиться кадр монархистов, — людей чести, верности и государственного опыта; должна разложиться или просто рухнуть революционная или соответственно республиканская власть в стране; должна быть морально, политически и стратегически подготовлена международная конъюнктура. И, что особенно важно, — должна сложиться и окрепнуть вера в данную династию как в духовный орган национального спасения и международного мира». А на это могут потребоваться многие годы.

Мы вплотную подходим, таким образом, к вопросу об отношении к монархии и республике в условиях эмиграции. Эта сторона идейно-политического наследия Ильина, — которой напечатанные в «Русском Возрождении» главы исследования «О монархии» совершенно не каса-

ются, — заслуживает того, чтобы на ней остановиться несколько более подробно.

2

Идейную и политическую позицию Ильина в вопросе о монархии и республике можно правильно и во всех ее компонентах понять только в том случае, если учитывать, что Ильин был одновременно и убежденным монархистом, и явным непредрежденцем. Совмещение этих двух, — на первый взгляд, казалось бы, несовместимых, — точек зрения проходит красной нитью через всю его политическую публицистику. Отметим здесь хотя бы некоторые из наиболее характерных в этом отношении выступлений Ильина.

Уже в одном из первых своих больших публичных выступлений в эмиграции — на Зарубежном съезде в Париже весной 1926 года — Ильин открыто заявил себя сторонником не только монархического принципа, но и *не* партийного, *над*партийного русского национально-патриотического сговора. В статье «Республика — монархия», опубликованной в газете «Возрождение» всего лишь через месяц после съезда, Ильин высказал ряд острых критических замечаний насчет некоторых «затасканных, стершихся и выветрившихся политических понятий» и республиканцев, и монархистов. В этой статье Ильин прямо заявил о своем непредреждении будущей гостударственной формы. Для него, писал Ильин, Россия выше всего, а потому «ничто

классовое, партийное, групповое и личное» не может его связывать. Не отказываясь от своего монархического идеала, Ильин указывал, что политически он вопроса о монархии или республике не предпрещает. Но этим он не ограничился и пошел еще дальше: «после падения большевиков, мы, — писал Ильин, — в отличие от "крайне-партийных" (т. е. крайне-правых) господ, примем Россию во всякой политической форме». «Мы, — продолжал Ильин, — не верим в преимущества республики "вообще"; а тем более не верим мы в ее жизненность, целесообразность или даже спасительность для России; тем более ныне. Но если бы оказалось (допустим это условно), что наша родина после большевиков обречена на то, чтобы еще известное время перемогаться и прозябать в этой государственной форме, то мы без колебаний прекратили бы наше пребывание за рубежом. Мы не остались бы в эмиграции и не повели бы из чужих стран подпольную работу; мы поехали бы в Россию — реально и самоотверженно служить ей и в ее "республиканской форме", каждый на своем месте, без всякого саботажа, подсиживающего злорадства, пораженчества и тому подобной лукавой пошлости. Мы сказали бы: "монархия требует или живой традиции, или духовной зрелости; вероятно, традиция порвалась; по-видимому, зрелости еще нет; пройдет постепенно угар революции, придет волна здоровой центростремительности, волна сверхклассового патриотизма; созреют души, возродится традиция и желанное совершится безболезненно; кровью мож-

но пресечь, но нельзя создать и построить, а терзать Россию новою гражданскою войною во имя водворения ложной, партийной монархии на крови честных, но иначе мыслящих русских патриотов — это надо предоставить героям правой стенки"...» После падения третьего интернационала, писал далее Ильин, дух гражданской войны должен в нас угаснуть. Пока же, все усилия нашей воли должны быть направлены на свержение этого интернационала.

Девять лет спустя Ильин опубликовал в «Возрождении» свою публичную речь, посвященную памяти убиенного Короля Александра I всея Югославии и исполненную выражения глубоких монархических чувств и представлений. Он сопроводил ее следующим примечанием: «Публикуя эту речь, я по-прежнему остаюсь верен позиции "непредрешения" и даю ей только более глубокое обоснование. Будущая форма государственного устройства России будет зависеть прежде всего и больше всего от того правосознания, которое обнаружится в русском народе после падения большевиков. Мы не можем ни предвидеть, ни предсказать его. Необходимого для введения монархии, монархического правосознания в русском народе может и не оказаться. Как же мы можем предрешать будущую форму именно в сторону монархии? Что же создаст в России монарх, если народ не пойдет за ним на жизнь и на смерть? (...)».

За несколько лет до этой речи, в 1931 году, Ильин поместил в «Возрождении» статью под характерным заголовком — «Мы не предре-

шаем», в которой и сформулировал важнейшие для понимания его идейной и политической позиции различения между политическим идеалом, политической программой и тактическим лозунгом.

Политический идеал Ильина — и это подтверждается всеми его печатными и устными выступлениями и в особенности его исследованием «О монархии» — есть идеал монархический, противостоящий идеалу республиканскому. Для Ильина монархическое правосознание и чувство выше правосознания и чувства республиканского. Но это не делает Ильина сторонником *политической программы*, требующей установления монархии всюду, всегда, при всех обстоятельствах и во что бы то ни стало. Есть страны, в которых могут быть идейные монархисты, но безнадежна монархическая программа. И есть страны, которые почти всегда в течение своей истории были монархиями, но правосознание которых в тот или иной момент их исторического бытия проходит через известный кризис. При отсутствии в такой стране в данный исторический момент необходимого монархического чувства и правосознания, монархии не на кого и не на что опереться — и устанавливать ее надо было бы вооруженной силой, что повело бы только к гражданской войне и политическому провалу.

Вот почему, исповедуя монархический политический идеал, в истории бывает иногда необходимо отказаться на время от монархической политической программы. Именно так обстоит

сейчас дело в России и с Россией, находящейся во власти большевизма-коммунизма. Какая политическая форма установится в России сразу же после падения коммунистического строя, ни предвидеть, ни предрешить невозможно. Будет ли это монархия, или республика, или диктатура, или, наконец, какая-то новая политическая форма, не подходящая ни под какую известную историческую и юридическую категорию, — мы предрешать сейчас не в состоянии и не должны. Можно только утверждать, что любая переходная форма будет лучше коммунистически-советской, уже хотя бы потому, что она будет означать сдвиг и будет сулить исцеление. И Россия сейчас нуждается не в разделении антикоммунистических сил на партийно-программных монархистов и партийно-программных республиканцев, а в их надпартийном сговоре и объединении. «Современная трагедия России так велика и глубока, что борьба должна вестись не за политическую форму, а за самое *бытие народа*, за возможность дышать и трудиться, а не пресмыкаться и расстреливаться». Отсюда и *тактический лозунг непредрешения*, который делает возможной совместную борьбу честных монархистов и честных республиканцев против общего врага всех русских — коммунизма.

Пять лет спустя Ильин снова вернулся к вопросу о монархии и непредрешении во вступительной статье к своей серии статей, напечатанных в «Возрождении» под общим заголовком «Новая Россия — новые идеи».

Указав, что предметом этих статей будут не

вопросы политической программы дальнейших лет, а духовно-национальная идея новой России, выдвигаемая на многие и многие годы вперед, Ильин пояснил такое различие между тактикой, программой и идеей на примере острого тогда в эмиграции спора о предрешении и непредрешении. Вопрос о том, бороться ли немедленно за республику или монархию в будущей России, есть вопрос тактики, т. е. наиболее целесообразного ныне для России способа действия. В то же время самый этот вопрос о монархии или республике в будущей России есть вопрос уже не тактики, а политической программы для послереволюционного времени. Но ни тактика, ни программа сами по себе еще не решают проблемы монархии и республики как идеологической проблемы.

Что́ есть монархия и что́ есть республика, продолжал Ильин, далеко не каждому известно и понятно. «За время революции здесь не только не наступило улучшения, но напротив — все помутилось в душах и померкло в головах еще больше: и от соблазнов, и от необразованности, и от нищеты, и от ожесточения. Достаточно спросить себя: во что превратилась идея монархии у младороссов, этих, по точному слову А. А. Башмакова, "самонадеянных недоучек, презирающих всякий умственный труд" и несущих России "несомненную моральную заразу"? Достаточно спросить, во что превратилась идея республики у коммунистов, этих свирепых неучей, презирающих идею права и живого субъекта прав, и принесших России республиканскую дик-

татуру, республиканский террор, республиканский позор и республиканское крушение?»

Только разобравшись в идеологической сущности вопроса, можно наметить правильную программу и тактику. Ибо идея есть первичное, исходный пункт, программа — вторичное, производное, а тактика — третичное. *Идея, национальная идеология «родится из духовного и религиозного опыта. Это проблема не только политическая или государственная; — это дело Богосозерцания, мировосприятия, жизнеразумения; это дело национального и патриотического видения. Это священный корень всякой программы и тактики. Это дело патриотического горения, национальной философии и научного исследования».*

Программа определяется двумя координатами: идеалом и историческими условиями. «Программа рождается из созерцания идеи и из научно-ответственного и добросовестно-основательного изучения исторической реальности. Одной идеи здесь недостаточно: надо знать фактическую данность и предвидеть эволюцию страны; надо знать реальное положение дел — религиозное, национальное, культурное, психологическое, политическое, экономическое, техническое. Вот почему нам теперь так трудно (до невозможности!) составлять программу для будущей России...»

Тактика в нормальных условиях «нелепа без идеи и без программы. Но ныне — обстоит иначе. Программу нам иметь нельзя. Но борьба отрицательная, свергающая борьба, для нас обязательна. Для этой борьбы нужен план», — т. е. та самая тактика, которая в нормальных усло-

виях должна была бы рождаться из идеи и программы.

Применительно к интересующему нас здесь вопросу о монархии и республике, о предрешении и непредрешении, эти общие соображения означают, в частности, что *«идейно-убежденный монархист может считать монархию при известных условиях программно неосуществимой и нежелательной»*, — например тогда, когда в стране отсутствует монархическое правосознание, или же в силу ряда других *«патриотически обязательных и политически веских оснований»*. Более того: *«можно быть монархистом по идее и по программе, но тактически, временно не выдвигать этот лозунг; и притом или для того, чтобы создать более широкую ударную коалицию, или для того, чтобы облегчить волевое единение между зарубежной и подъяремной Россией»*. Это приводит к двум основным возможностям: 1) тактический непредрешенец может быть программным предрешенцем (*«я согласен сейчас не выдвигать вопрос о будущей форме правления, но после свержения коммунистов я буду бороться за монархию...»*); с другой стороны, 2) тактический непредрешенец может быть одновременно программным непредрешенцем (*«я считаю монархический строй единственно верным и желательным; но опасаясь, что после свержения коммунистов в России не окажется ни монархического правосознания, ни религиозно-нравственных источников для него; я опасаясь, что настанет тягостный период русской истории — деморализация в массах и военная оккупация иноземцами, так, что*

о монархии временно нельзя будет и говорить, и Россия будет изживать это болото в республиканских формах»).

Отметим сразу же, что упоминая о возможной военной оккупации российской территории иноземцами в переходное после развала или свержения коммунистического режима время, Ильин считал такую возможность лишь неисключенной, но отнюдь не неизбежной. Вообще, как было сказано, он полагал, что никто не в состоянии предвидеть точно, какая именно политическая форма возникнет в России в переходное время — монархия, республика, диктатура, или же какая-то иная, еще неизвестная истории и юриспруденции, политическая форма. Однако, возвращаясь неоднократно к этому вопросу также и на склоне своих лет, в «Наших задачах», Ильин приходил к выводу, что после крушения коммунизма вывести страну из неизбежно предстоящего хаоса сможет, скорее всего, только *«единая и сильная государственная власть, диктаториальная по объему полномочий и государственно-национально-настроенная по существу»*.

Необходимо, таким образом, ясно различать три разных этапа: нынешний — эмигрантский тут, и коммунистический «там», следующий — переходный, и более отдаленный будущий — этап всестороннего возрождения и обновления России. И соответственно этому различать три в принципе взаимосвязанных, но в настоящих условиях раздельных акта: тактический лозунг, политическую программу и политический идеал.

Ибо только ориентируясь в этих различиях можно правильно понять идеи и действия Ильина со времени захвата власти большевиками в России — в особенности в двадцатые и тридцатые годы, когда Ильин имел возможность открыто участвовать в различных политических акциях русского Зарубежья. Будучи по своему политическому идеалу «предрешенцем» — просвещенным сторонником монархической государственной формы, он в то же время был в вопросах политической программы и политической тактики — во всем том, что касается монархии и республики — убежденным непредрешенцем.

3

Как это ясно из предыдущего изложения, своеобразие идейной и политической позиции Ильина заключается, однако, не только в том, что он был одновременно монархистом и непредрешенцем, но и в том, что монархизм его был подчеркнуто свободолобивым и правовым. Не даром центральным для всей политической философии Ильина термином является термин «правосознание». Это приводит нас к вопросу о месте Ильина среди других монархистов.

Думается, что все монархисты, независимо от того, к какому именно направлению они принадлежат, должны будут признать, что Ильину, несмотря на формальную незаконченность его исследования, в основном все-таки удалось блестяще осуществить тот замысел, который наметился у него еще в конце 1900-х годов, в период

подготовки к профессорскому званию, и был окончательно сформулирован им четверть века спустя, в тридцатых годах. Пользуясь выражениями самого Ильина той поры, симпатизирующий монархическим идеям читатель готов будет заключить, что Ильин, создавая и выдвигая апологию монархического начала, своим исследованием «О монархии» утвердил священное, жизненное и творческое значение монархической идеи. Он показал религиозную глубину, нравственные преимущества, художественную красоту и государственно-патриотическую силу монархического начала. Он сделал это, используя материал из истории главнейших народов мира, но сохраняя при этом христианскую точку зрения в качестве решающей. В подготовленных им к печати главах его книги Ильин облек силу своей научной мысли и доказательности в ясную, простую и изящную литературную форму. Тон его недвусмысленно-правдивого и рыцарственно-корректного труда далек от всякой ненависти по отношению к республике, и честные республиканцы, читая его книгу, должны будут признать объективную справедливость очень многих положений ее автора. Что же касается сторонников монархии, то Ильин, — не вдаваясь в трактовку династических вопросов отдельных стран и пребывая на уровне высокой историко-философической идеологии, — оставил для монархистов разных направлений, стран и поколений надпартийное, объединительное, углубляющее и очистительное настольное сочинение.

Так могут восприниматься по крайней мере те главы исследования Ильина «О монархии», которые он сам считал готовыми к печати. Однако эти главы не исчерпывают всего комплекса идей Ильина, даже одних только монархических идей.

«Тотальный» монархист — сторонник одновременно и монархического идеала, и монархической программы, и монархической тактики — может, конечно, сосредоточиться на монархическом идеале Ильина и постараться игнорировать его суждения о монархической программе и монархической тактике. Но надо признать, что даже монархический идеал Ильина — соотнесенный с его оценкой отдельных предпочтений республиканского правосознания — удовлетворит, вероятно, далеко не всех монархистов, в том числе и тогда, когда они ограничатся одними только законченными главами исследования «О монархии».

Еще более серьезное расхождение начнется с отрывков из лекций Ильина «Понятия монархии и республики». Тут уже не только у тех, кого Ильин именовал крайне-правыми или черносотенцами, но и у более умеренных монархистов ряд положений Ильина может вызвать известные колебания и сомнения. В особенности это относится к утверждению Ильина, что известное и просвещенное монархическое правосознание требует не только повиновения, но при известных условиях и неповиновения монарху.

Но самые большие расхождения с Ильиным начнутся у некоторых монархистов, вероятно,

все-таки тогда, когда они от отношения Ильина к монархическому идеалу перейдут к его отношению к монархической программе и монархической тактике. Ибо «весь» Ильин будет правильно воспринят только в свете его отношения и к идеалу, и к программе, и к тактике. Как было показано, Ильин твердо стоял на позициях тактического непредреждения в условиях эмиграции и программного непредреждения в условиях, которые возникнут непосредственно вслед за крушением коммунистического строя. Одни не примут программного непредреждения Ильина, даже, может быть, соглашаясь с его тактическим непредреждением. Другие не примут и программного, и тактического непредреждения.

Но и отношение Ильина к республике и республиканскому правосознанию едва ли удовлетворяет всех монархистов. Ряд предпочтений республиканского правосознания, в особенности любовь к свободе, Ильин и сам глубоко ценил. Он отвергал республику, т. к. ставил монархию выше. Но республику отвергал тоже не всегда, не везде и не для всех. Как было сказано, Ильин знал, что есть страны и народы, для которых было бы вообще нелепо добиваться монархической формы правления, — как, например, Соединенные Штаты (президентскую форму которых Ильин, кстати, оценивал очень высоко — выше, чем у других великих республик) или современная Швейцария. И он допускал, что даже в истории монархической страны может наступить период, когда монархия становится на время невозможной.

Естественно возникает вопрос: сторонником какой монархии был Ильин — конституционной, самодержавной, абсолютистской, тиранической? Ильин считал, что монархия по самой природе своей неизбежно самодержавна. Но самодержавная монархия Ильина — это совсем не то, что обычно подразумевают, употребляя это словосочетание. Для Ильина между самодержавием и абсолютизмом лежала целая пропасть, и он был категорическим противником абсолютистской или тиранической монархии. Самодержавную монархию Ильин понимал как явление *правовое*: «самодержавный монарх знает законные пределы своей власти и не посягает на права, ему не присвоенные», — писал Ильин в «Наших задачах». Самодержавие, следовательно, не выше закона, а в подчинении закону. И оно отнюдь не исключает ни местного самоуправления, ни народного представительства: самодержавный монарх «может дать народу самоуправление, конституцию и даже парламентаризм с ответственным министерством», — указывал Ильин в своих лекциях «Понятия монархии и республики». Подготовка народа к самодеятельности и самоуправлению есть даже одно из прямых заданий монарха. И, как мы знаем, когда монарх явно отступает от своего высокого призвания, то сторонник самодержавной, и притом наследственной, монархии может оказаться перед необходимостью диспенсирования своей обязанности пожизненно служить монарху, его семье и роду.

Глядя вперед, в русское будущее, Ильин и на склоне лет, в одной из своих подытоживающих

статей («Очертания будущей России»), призывал — подобно тому, как он это делал и в двадцатых и тридцатых годах — исходить в конечном счете из «исторических, национальных, религиозных, культурных и державных основ и интересов» России, а не из сильно выветрившихся за последние десятилетия стандартных лозунгов — таких, как «демократия», «федерация», «республика» или даже «монархия». Сами по себе взятые, эти лозунги теперь мало что означают; они требуют предельного насыщения содержанием и уточнения. И никакое заимствование у Запада готовой государственной формы Россию не спасет. Россия должна *«сама создать и выковать свое общественное и государственное обличие, такое, которое ей в этот момент исторически будет необходимо, которое будет подходить только для нее и будет спасительно именно для нее; и она должна сделать это, не испрашивая разрешения ни у каких нянек и ни у каких соблазнительей или покупателей»*.

При таком патриотически-надпартийном подходе к вопросу государственной формы, человек, исповедующий монархический идеал, может по-новому отнестись и к республиканскому идеалу. Ильин еще в тридцатых годах считал, что в то время как республиканцы отвергают все преимущества монархического уклада души, в монархический уклад, когда он на высоте, вполне могут вписаться и все достоинства республиканизма. Этого же взгляда Ильин придерживался и в конце своей жизни. Так, в только что цитированной нами статье («Очертания бу-

душей России») Ильин писал, что будущий русский государственный строй должен стать *сочетанием*, синтезом лучших и священных основ монархии с тем здоровым и сильным, чем держится республиканское правосознание; естественных и драгоценных основ истинной аристократии с тем здоровым духом, которым держатся подлинные демократии. «Единовластие примирится с множеством самостоятельных изволений; сильная власть сочетается с творческой свободой; личность добровольно и искренно подчинится сверхличным целям; и единый народ найдет своего личного Главу, чтобы связаться с ним *доверием и преданностью*».

Но всего этого можно ожидать и программно добиваться лишь в более отдаленном будущем. Ныне же, до свержения коммунистического строя, единственно правильный путь — не отказываясь от своего политического идеала, оставаться на платформе тактического и программного непредрешиения и стремиться к возможно более широкому сотрудничеству честных монархистов с честными республиканцами в борьбе против их и России общего врага — коммунизма.

Именно так — в своих идеях и деятельности — сочетал монархизм и непредрешиение Иван Александрович Ильин, этот выдающийся русский политический мыслитель и публицист XX века.

Н. Полторацкий

Изгоним страх

В порядке обсуждения

Тех, кто за последнее время посещает Россию, поражает откровенность, с которой там теперь говорят, — хотя, конечно, не всегда и далеко не со всеми, — поражает и широта и заостренность вопросов, которые в этих разговорах затрагиваются. Не говоря уже о Самиздате, это все возрастающее оживление частично прорывается и в подцензурные издания, и это тем более ценно, что искажающее действие цензуры там приучились учитывать. И все это свидетельствует, о том, что в России прежний страх преодолевается все более и по всей вероятности уже безвозвратно.

Помощи этим усилиям ждут из за рубежа. И уже до нас доносятся жалобы, что зарубежная русская печать, все больше проникающая на родину, далеко недостаточно отвечает запросам, которые ставятся там. В то самое время, когда там преодолевается страх еще далеко не лишенный оснований и продырявляется партийная цензура, мы здесь цензурируем сами себя, отклоняя обсуждение многих важнейших и уже назревших вопросов — от страха перед осложне-

ниями, по сравнению с тамошними совсем уж не страшными, а то и просто мнимыми.

Наш журнал православный и светский. Это было установлено с самого начала и это значит, что исходя из православия, но не претендуя быть официальным голосом Церкви, мы на этих страницах свободны и в меру наших способностей обязаны освещать для России всевозможные вопросы, прямо или косвенно связанные с русским национально-религиозным возрождением, насколько не обязуясь при этом говорить в унисон. При общности основного мироощущения всегда было и будет различие взглядов во всех областях культуры, государственной и общественной жизни, а значит будут и споры — только склок не должно быть. Не плохо, а напротив очень хорошо, что по таким важнейшим вопросам русской истории, как реформы Никона и Петра, в «РВ» высказаны весьма разные точки зрения — возобладают из них те, которые при дальнейшем пересмотре найдут наибольшую поддержку в свободной русской общественности. Я и воспользуюсь этой же нашей свободой, чтобы поговорить о вещах уже вполне актуальных и слишком часто оставляемых в тени.

Начну с ближайшего — с помещенной выше статьи проф. Н. П. Полторацкого и отмечу прежде всего, что в ней представляется мне ошибочным в трактовке ее непосредственной темы — духовного наследия И. А. Ильина. Н. П. Полторацкий пишет:

«Ильин был одновременно и убежденным монархистом, и явным непредрешенцем. Совмеще-

ние этих двух, — на первый взгляд, казалось бы, несовместимых, — точек зрения проходит красной нитью через **всю** его политическую публицистику». И опять: «Ильин **твердо стоял** на позициях тактического непредреждения в условиях эмиграции и программного непредреждения в условиях, которые возникнут непосредственно вслед за крушением коммунистического строя» (подчерк. оба раза мной — С. О.).

Бесспорно, этим правильно определяется установка И. А. Ильина в 20-ых - 30-х годах. Но в его последних статьях появившихся еще при его жизни в 1948-54 г.г. эта «красная нить» по меньшей мере очень сильно поблекла. На эти статьи, составившие сборник «Наши задачи», Н. П. Полторацкий тоже ссылается, но мало, и многое весьма примечательное оставляет в стороне. Прежде всего, в «Наших задачах» нет (или, если я где-то его проглядел, почти нет) самого слова «непредрежденчество» или «непредреждение», — слова, кстати сказать, в наивысшей степени неудачного: само собой ясно, что не будучи пророком никто не может ничего «предреждать», — спор идет не об этом, а о том, надо ли или не надо по совести выдвигать, разрабатывать и предлагать нашему народу тот или иной проект будущего устройства России, которое может быть поставлено на место коммунистического режима. Верно, что в 20-х - 30-х годах именно это И.А. Ильин считал тактически нецелесообразным в эмиграции и «программно неосуществимым» при данных условиях в России. Но вот что он писал на первой же странице «Наших задач»:

«Трудно предположить, чтобы кто-нибудь из нас верил в возможность существования России в республиканской форме. Но искренний и убежденный монархист не может не понимать, что Царя надо заслужить, что ему надо подготовить место **в сердцах и на троне**. Нельзя предавать Государя опять на изоляцию, измену и поругание. Верность требует от нас политического такта, самовоспитания, отбора людей чести и опыта. Все остальные вопросы программы подлежат обсуждению».

Стало быть, и программа нужна, и ее обсуждение, — да и как «подготовить Царю место **в сердцах**» (подчерк. И. А. И.), если не исповедовать во всеуслышание, что без Царя Россия пропадет, и если не выдвигать такой облик монархии, который привлечет именно русские сердца?

В следующей заметке И.А. Ильин писал, что «объединить русскую эмиграцию может только отрицание большевизма, разоблачение провокатуры и борьба за правовой статут эмиграции». Эта ближайшая деловая программа настолько очевидна, что в ней и обсуждать нечего, и ясно, что в этих рамках любой монархист может сотрудничать с любым республиканцем, вовсе не отказываясь от утверждения своего проекта грядущей России, при условии, указанном Ильиным, — не стараться «подмять» под него всю эмиграцию, что кстати и невозможно.

На всем протяжении «Наших задач» Ильин и не устает повторять, что именно России по всему ее укладу необходима монархия, а не республика.

И призывает русских монархистов создать **«идейный и волевой кадр, дальнзоркий, сплоченный и способный к активным выступлениям»** (подчерк. И.А.И.), — кадр, которого, увы, не было в дореволюционной России (стр. 522). В этом смысле, «если русские монархисты желают участвовать в дальнейшем в созидании русской истории, то они должны прежде всего пересмотреть и осудить свое прошлое» (стр. 525). И в этот пересмотр входит прежде всего углубление своей собственной политической мысли. Все время предостерегая от слепого копирования западных образцов, Ильин указывает (стр. 70) на возможность **«множества новых политических форм** в разнообразнейших сочетаниях, начиная с новой, творческой, чисто русской **народной монархии»** (подчерк. И.А.И.).

В очерке «Очертания будущей России» И. А. Ильин уже просто требует детальной разработки проекта будущего российского строя. Эту блестящую страницу, из которой Н. П. Полторацкий привел только обрывки и очень уж сжатый пересказ, хотелось бы процитировать полностью, — за недостатком места процитируем хоть самое главное (подчеркнуто всюду И.А.И.):

«Современный русский политик (...) должен продумать до конца трагический опыт русского крушения и затем обратиться к истории. (...) Тогда ему откроется судьба русского государства (...). И пусть он всмотрится в современное положение России и пусть попытается представить себе ее грядущие очертания... И тогда — пусть он выскажет публично то, что он увидит. (...)

«Он начертит нам строй, в котором **лучшие и священные основы монархии** (какие именно?!) впитают в себя все **здоровое и сильное**, чем держится **республиканское правосознание** (чем же именно (?)). Он начертит нам строй, в котором естественные и драгоценные основы **истинной аристократии** (какие же именно?) окажутся насыщенными тем **здоровым духом**, которым держатся **подлинные демократии** (в чем же этот дух?)». И далее о сочетании «единовластия с множеством самостоятельных изволений» и т.д., так, как цитировано Н. П. Полторацким, который однако добавил от себя:

«Но всего этого можно ожидать и программно добиваться лишь в более отдаленном будущем».

Этого Ильин не говорит. Зато у него следует:

«И все это должно совершиться в вековых традициях русского народа и русского государства. И притом — не в виде «реакции», а в **формах творческой новизны**. Это будет **новый русский строй** (...). И пусть нам не говорят, что мы «можем ошибиться». Мы знаем это сами. Но эти ошибки — **если** это будут ошибки — Россия простит нам; ибо мы любили **только ее**, служили **только ей** и искали **только ее** блага» (стр. 330-331).

Кажется, ясно: напрасный страх, внушавший былое «непредрешение», — как бы не сказать лишнего и этим чему-нибудь не повредить, — здесь преодолен уже полностью.

В промежутке пролегла гитлеровская диктатура, которую Ильин повидал лицом к лицу, вторая мировая война и многое другое. Прошло уже

четверть века эмиграции со всем ее опытом. Н. П. Полторацкий верно отмечает, что «непредрешение» И. А. Ильина было «вопросом тактики» и пишет, пересказывая его тогдашнюю мысль: «В истории бывает иногда необходимо отказаться на время от монархической политической программы. Именно так обстоит сейчас дело в России». И далее слова самого Ильина (1936 г.): «Надо знать **реальное положение дел..** Вот почему нам **теперь** так трудно (до невозможности!) составлять программу для будущей России» (подчерк. оба раза мной — С. О). Но разве не дело честного мыслителя, каким несомненно был И. А. Ильин, именно «тактику» пересмотреть, когда «реальное положение дел» рисуется уже по-другому и время вскрывает прошлые ошибки? Ни для кого ведь уже давно не секрет, что Зарубежный съезд не привел ни к чему и был просто ошибкой, как ошибкой было и выдвижение за рубежом во все-русские вожди («именно вожди»!) Вел. Кн. Николая Николаевича, о чем Н. П. Полторацкий пишет в своем «Приложении». От этой последней ошибки И. А. Ильин достаточно ясно отрекся в «Наших задачах» (стр. 343):

«Можно ли думать, что национальный диктатор выйдет из нашей эмиграции? **Нет, на это нет никаких шансов**» (подчеркнуто И.А.И.).

Другое дело — не «вождь», а низложенный или непризнанный монарх в изгнании. Что о «трагедии династий без трона» Ильин в «Наших задачах» писал с явным сочувствием, видно и из цитаты приведенной Н. П. Полторацким. Верно перечислив условия восстановления династии на

престоле, наш философ писал в заключение: «Все это — процессы медленного течения и органического характера». Н. П. Полторацкий и тут сгустил краски, написав вместо этого «На это могут потребоваться многие годы».

А если историческое течение ускоряется и органический процесс развивается быстрее, чем можно было надеяться? Впрочем, в «Наших задачах» (стр. 97) говорится и о том, что в России «драгоценная связь между монархом и народом устанавливалась **быстро и напроечно**» (подч. мной — С.О.). И далее: «Русский народ, созерцая сердцем своих Государей, вовлекал их (уже в звании наследника!) в ответное сердечное созерцание, и Государям — инстинктивно и интуитивно — открывалось самое существенное: душевный и духовный уклад русского народа, его историческая судьба, его грядущие пути и, в особенности, его опасности». Разве не говорит уже это о том, что «духовно-органическая связь между русскими Государями и русским народом» может и в наши дни восстановиться в короткое время?

Но позвольте: писалось-то все это четверть века тому назад. И если за предыдущую четверть века мысль И. А. Ильина учитывала уроки текущей действительности и не оставалась недвижимой подобно стоячей воде, то что сказал бы он теперь? Даже и в самый расцвет своего «непредрешенчества» он писал довольно условно (цитирую по Н. П. Полторацкому):

«Монархия требует или живой традиции, или духовной зрелости; вероятно, традиция порвалась; по-видимому, зрелости еще нет».

И вот теперь мы чуть ли не каждый день получаем свидетельства о том, с какой напряженностью в России восстанавливают порванную традицию и с какой чудодейственной быстротой зреет там религиозно-национальное и даже прямо монархическое русское сознание. И в ответ на это грандиозное усилие мы здесь должны помалкивать о своих убеждениях, потому что в 1926 г. в эмиграции многие — не все — тщетно ожидали спасения от Зарубежного съезда и еще и теперь за границей кто-то может вместо корректного спора наброситься на нас с оголтелым криком???

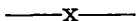
Вчитаемся хотя бы в недавние статьи Б. Турбина, печатавшиеся в «РВ» и в «Русской Мысли» и подумаем: какое рвение и какая любовь нужны для того, чтобы с таким успехом в советских условиях восстанавливать по крохам правду о русской монархии. Вот один из примеров новой русской элиты («истинной аристократии» по Ильину), которая призвана поднять и возглавить все здоровое, что таится или еще дремлет в народной толще, но и требует поддержки из-за рубежа.

Мы знаем, что опубликованный в «РВ» труд И. А. Ильина «О монархии» вызвал в России немалый интерес. И не могу понять, кого имеет в виду Н. П. Полторацкий, полагая, что свободолюбивый монархизм ильинского типа может каких-то русских монархистов отпугнуть. Что «между самодержавием и абсолютизмом лежит целая пропасть», что в монархический строй с полным успехом укладываются демократические элементы народного представительства, широчайшего самоуправления и т.д. — вовсе не открытие, а

азбучная истина русского монархизма по крайней мере после Льва Тихомирова, и если в эмиграции еще не окончательно вымерли последние зубры, которым это невдомек, то они во всяком случае не в счет. Тем более в России монархия потому и привлекает все больше и больше, что в ней вновь открывают лучшую гарантию реальной свободы, правового порядка и христианского человеколюбия — того, что так мучительно отсутствует при коммунизме. Обдумывать и обсуждать остается только, в какой пропорции следует при тех или иных обстоятельствах сочетать различные элементы, укладываемые в монархический строй, и этим путем можно пойти еще и дальше Ильина. Всякую форму федерации он для России отвергал совершенно, я же, например, и не я один, полагаю, что под верховным монархическим куполом у нас возможны не только федеративные, но и конфедеративные отношения. Все это — предмет необходимой переключки через роковой рубеж, основные же очертания возможной российской монархии уже вырисовываются: тому порукой проникнутые христианским духом, глубоко свободолюбивые и умиротворяющие, многократные призывы Главы нашего Императорского Дома.

После всего этого, надо ли еще говорить, что речи не может быть о каком бы то ни было насильственном водворении монархии в России? Остается предположение И. А. Ильина о национальной диктатуре как переходном этапе к монархии. Что ж, это вариант, хотя и не неизбежный и я лично предпочел бы его избежать, но мыслимый

и в общем приемлемый. Подготовила ведь диктатура Франко восстановление монархии в Испании — среди бесчисленных провалов один из немногих успехов последнего времени, о котором надо только опасаться, чтоб он не был сорван крайностями слишком ускоренной либерализации.

По всей вероятности, в России, если не навсегда, то надолго, потребуется монархия более авторитарная, чем та, которая ныне существует в Испании. Никакие чужие образцы нам не указ, но присматриваться мы обязаны ко всему, что происходит в мире, и о всем значительном осведомлять наших братьев на родине. Ни, уж конечно, советская пресса, ни иностранные радио никогда не будут извещать Россию о всем том, что именно в России важно знать, и тем более не будут давать своей информации комментарий, отвечающий русским запросам и тревогам: делать это обязаны мы.

Я только что упомянул «демократическую монархию» в Испании. Но существуют и другие явления, о которых в России важно было бы знать людям, уже пришедшим или приходящим к монархическим убеждениям, а узнавать об этом они не могут почти наверно, если не вступимся мы. Ни советская пресса, ни иностранные радио на русском языке никогда не расскажут им, например, о чрезвычайном интересе к монархии, который к всеобщему удивлению за самое последнее время вдруг пробудился во Франции, не расскажут и о впечатлении уже просто ошеломляющем,

которое произвел во Франции теперь уже достаточно твердо доказанный факт, что единственную возможность прочно обеспечить национальное будущее де-Голль видел в восстановлении исторической династии, — окольным путем, тем, которым шел Наполеон III: сначала провести графа Парижского в президенты республики и таким образом положить начало возобновлению взаимного доверия между носителем монархического принципа и народом — необходимого условия монархической реставрации. Осуществить этот план де-Голль не успел, но отзвуки, которые он производит теперь, став общеизвестным, сами по себе дают удивительно яркий пример живучести традиций, давно порванных и казавшихся почти совсем забытыми.

В несколько иной области, есть теперь другой ярчайший пример стремительного, почти мгновенного восстановления очень старой традиции, которая многим казалась захиревшей. Имею в виду своего рода «реставрацию» традиционного католичества папой Иоанном-Павлом II. И опять, это уже подлинно мировое явление необходимо все-сторонне обсудить с русской точки зрения и сделать это можем только мы, русские зарубежники, потому что в России полной информации о нем почти не может быть без нашего содействия. Между тем, в русской зарубежной печати такое обсуждение, к удивлению, как будто, еще и не начато, а оно, повторяю, необходимо во всеобщем интересе: нужно откровенно и ясно установить, что в этом феномене заслуживает глубокого сочувствия с православной русской стороны и что

в нем не может не вызывать у нас вполне определенной тревоги. Застрельщиком в этом обсуждении, по обстоятельствам, о которых надо будет сказать несколько слов, мне лично, может быть, легче выступить, чем многим другим, в надежде, что откровенное изложение моих личных оценок, кроме меня самого никого ни к чему не обязывающих, все же послужит исходной точкой для освещения этой очень серьезной проблемы.

С католическими кругами я в деле проникновения в Россию религиозной литературы сотрудничал, с некоторыми перерывами, лет двадцать, до того самого времени, когда с головой ушел в работу по нашему журналу, да и после этого католические друзья благородно содействовали нам в оказании помощи нашим узникам в СССР. Некоторые из книг, переведенных мною на русский язык, удостоились обильнейшей ругани со стороны казенных советских писак, стало быть, попали в точку, другие рекомендованы о. Дмитрием Дудко в его беседах. В период, когда марксо-ленинский атеизм в России как идейная сила еще не околел окончательно, было естественно и просто добивать его общими силами. Между тем духовная и умственная эволюция подлинной России шла ускоренными темпами и уже некоторое время доказывать ей ненаучность атеизма, совместимость науки и религии, историчность Христа и т. п. значит ломиться в открытые двери. Этап т.ск. разрушительный — истребления остатков веры в марксо-ленинскую лженауку — остался позади. И признаюсь — уже до его завершения я задумывался над вопросом, так ли

гладко все будет, когда на очередь встанет утверждение и уточнение положительных ценностей. И в этот новый этап мы вошли уже довольно давно (обрисовка государственных контуров грядущей России, о чем сказано выше, — только одна из возникающих в связи с этим задач).

II Ватиканский Собор некоторыми своими сторонами подал надежду, что понимание нас католиками будет возрастать и благодаря этому утверждение наших ценностей не вызовет новых расхождений. Оправдалась эта надежда только в отношении некоторых, и ограниченных, католических кругов. В общем же, в очень значительной части католической Церкви вместо этого водворилась весьма странная каша, которой в России, по-видимому, почти не заметили, тогда как здесь было просто невозможно ее не заметить. Погоня за мнимой «современностью» зачастую привела к отказу, с нашей точки зрения совершенно немыслимому, от почитания ангелов, святых и даже Божией Матери, фактически удаляемой куда-то на задворки, к «пересмотру» до неузнаваемости основных христианских догматов и даже к некоему «христианству без Бога», при одновременном заигрывании с коммунистами. И рука об руку с этим принесением в «жертву современности» вещей, которыми ни под каким видом жертвовать нельзя, на самых верхах католической иерархии упорно отстаивалось как раз то, что следовало бы пересмотреть прежде всего и что более всего отделяет Западную Церковь от Восточной.

Отдельные голоса, подвергшие критике томи-

стский рационализм, поднялись на II Ватиканском Соборе. Но даже и при немалой своей авторитетности они остались только отдельными голосами. Между тем, при всех своих преувеличениях наши первые — великие — славянофилы были правы, усмотрев в рационалистическом уклоне корень всех западных зол. В свете опыта XX века мы можем уточнить: томистский рационализм неизбежно подсказал стремление рационально организовать мир и держать его в рациональном порядке, а так как жизнь сама не укладывается ни в какие рациональные схемы, то из этого стремления, также неизбежно, родилась инквизация, и насильственно насаждаемый строй, опять-таки неизбежно, сосредоточил всякую власть — и над душами человеческими, и над телами — в руках «ведущего отбора», обязательно выдвигающего единоличное возглавление. Ныне, увы, покойный В. С. Варшавский был прав, когда писал в «Новом Журнале», чуть ли не перед самой своей кончиной, что западная (лже)теократия XIII века была первообразом всех тоталитаризмов новой истории. Ее только не удалось в полной мере достроить. А эта неудача в свою очередь вызвала попытки — построить то же самое, только на «улучшенно рациональных» основах.

Таково в самых общих чертах убеждение, давно сложившееся и у меня на основе усердного занятия историей. Думалось однако, что в «экуменический век» и при наличии лютого общего врага не стоит ворошить далекое прошлое, в надежде на окончательное его изживание. Но по мере перехода внутривосточных настроений в стадию

утверждений и уточнений начали появляться тревожные признаки. Не называя сейчас имен, — становилось ясно, что на пустое место, оставляемое коммунизмом, в саму Россию и в русскую Церковь забрасывается увлечение именно схемой средневекового западного единства и его идеологической основой, с довольно откровенной проповедью распада России и присоединения ее отдельных кусков к восстанавливаемому западному единству под предполагаемым римским омофором (эта последняя мечта всегда встречалась у современных приверженцев «единой Европы»). В этой комбинации всякий национализм считается врагом, а «схизматический» русский в особенности, и не случайно вооруженное наступление Запада на Византию и вслед за тем на Русь началось именно в XIII веке, когда теория и практика западной (лже)теократии сложилась окончательно. И приходится удивляться отсутствию в зарубежной русской печати всякого отпора нелепо крайним наветам на православие и Россию Вл. Соловьева, старательно подобранным в давно написанной, но только недавно изданной книге о нем его племянника, католического священника С. Соловьева: этот очередной тревожный признак не вызвал здесь, кажется, никаких отзывов, кроме хвалебных.

А после всего этого — настоящий взрыв: послание нового папы кардиналу Слипому. И опять в русской печати об этом ни гу-гу, с православной стороны мне довелось видеть только в «Ле Монд» статьи О. Клемана и (не без излишних крайностей) Г. Мацнева. Высказать же православную

русскую точку зрения теперь уже просто необходимо. Вот как она представляется лично мне:

Когда новый папа в первой же своей речи дважды помянул Божию Матерь, это было уже указанием на здоровую, в биологическом смысле слова, ре-акцию против непозволительного вывертывания мозгов наизнанку, разыгравшегося в католической Церкви. Все дальнейшие усилия Иоанна-Павла II по восстановлению основ церковной веры и нравственности заслуживают нашего полного сочувствия (пусть и при спорности некоторых положений традиционной католической морали; а до очень спорного вопроса о celibате нам вообще дела нет — он касается только латинской Церкви и общемирового значения ему не приписывается). Сами по себе положительными представляются и триумфы нового папы, поскольку они показывают, с какой силой и быстротой религиозное начало может восприниматься современным миром. Но здесь же и начинается соблазн — старый соблазн объединения в одних руках «обоих мечей», духовного и светского, соблазн превращения главы католической Церкви в мирового властелина, по старой формуле Бонифация VIII: «Цезарь — я! Император — я!» Когда в разгар американского триумфа папы говорилось — согласно «Ле Монд» от 9 октября, — что его «без труда избрали бы мировым президентом, если бы такой пост существовал», то это и есть тот самый соблазн, о котором я пишу. Для осуществления же старой мечты по-прежнему требуется окончательное устранение «схизматической» России. Это и явствует из послания карди-

налу Слипому, главе украинской униатской Церкви, от 19 марта 1979 г. (его полный текст мне удалось найти только в украинском униатском журнале «Наша Мета» от 14.4.79, Торонто).

Установим сразу же: насильственная отмена и подавление унии на Зап. Украине после второй мировой войны — явление глубоко отвратительное. И доля принуждения, примененная при воссоединении с Русской Церковью униатов еще в наш императорский период — это один из наших грехов, как и всякое ущемление церковной свободы государством. Но этот восточный перекося, противоположный римскому, никогда не достигал такой крайности, как тот. Главное же — обороняющейся стороной почти всегда были мы. И когда теперь Римский Первосвященник, говоря об «изыскании наилучших средств осуществить единство», снова возвращается к Флорентийскому и Брестскому соборам с вызванными ими «прекрасными надеждами», мы поневоле вспоминаем насилие и шантаж, бесспорно примененные в обоих этих случаях, вспоминаем и отчаянное сопротивление унии православного народа как в погибавшей Византии в XV веке, так и на югозападной Руси в XVI-XVII. Да и в наше время, в период между двух войн, плодом этого векового сопротивления было массовое и вполне добровольное, вопреки внешним обстоятельствам, возвращение униатов в православие в тогдашних пределах Польши и Чехословакии. Не можем мы согласиться и с тем, что приближающаяся тысячная годовщина это — тысячелетие проведенного «католическими миссионерами» «прихода христиан-

ской веры из Рима через Константинополь на "Русь", — причем «Русь» в папском послании всегда стоит в кавычках, в отличие от России, названной лишь один раз в связи с неприятием Флорентийской унии Москвой и очевидно отождествляемой с «Московией». И еще это подчеркивается тем, что население «Руси», входившей в состав польско-литовского государства, именуется не иначе как **русинами** (тут уже без кавычек).

Нет, такая трактовка — «наилучшее средство» снова вызвать взаимную вражду и вернуться к ожесточенным, злостным и зачастую нелепым полемикам и взаимным обвинениям прошлых веков. Сказать это точно и ясно, так, чтоб по возможности это стало известно и в России, я считаю необходимым именно потому, что во множестве католиков вижу своих братьев во Христе и сохраняю самое теплое чувство к католическим деятелям, с которыми мне довелось сотрудничать, не говоря уж о том, что есть западные святые времен после разделения, которых я глубочайшим образом чту и люблю. Да будет «реставрировано» все доброе в католической традиции, но без того, что снова угрожает неисчислимыми бедами как нашей, так и их стороне.

Как в этом случае, пришла крайняя пора говорить не таясь и об иных вопросах, угрожающих многими бедствиями. Да, мы за сохранение всероссийского многонационального целого, но пора и отсюда поддерживать, хотя бы, умное старание И. Шафаревича — своевременным словом, о федерации ли, или о конфедерации, предотвратить ужасающую межнациональную рез-

ню. И я твердо уверен в том, что во всем комплексе этих вопросов нельзя и ненужно обходить молчанием вопрос также и русско-еврейских отношений. Нельзя — потому что этот вопрос существует и замалчиванием его можно только загнать болезнь внутрь; ненужно — потому что есть немало евреев, вместе с которыми мы можем подойти к благополучному решению этого вопроса.

Сейчас скажу об этом только несколько слов, опять под своей личной ответственностью (которую на себя принимаю тем более, что был другом еврейства при гитлеровской оккупации и в любое время могу это доказать). Справедливые еврейские обиды на русских мы обязаны признать: были законодательные ограничения, которые давно было пора отменить, был некоторый народный антисемитизм (почти только на юге и западе России, а не в Великороссии) и как следствие его были погромы, но вопреки злостной легенде никогда не по наущению царского правительства. Решительно отмежевываясь от всего этого, мы имеем право и от честных и разумных евреев ожидать такого же решительного отмежевания от тех их соплеменников, которые нанесли и снова наносят несоизмеримый урон России и русскому народу. Никакими еврейскими обидами нельзя оправдать ни совершенно непропорциональный наплыв евреев в Чеку и в советское правительство первого периода, ни нынешнюю яростную антирусскую пропаганду известных диссидентских и новоэмигрантских еврейских кругов. Следствие этого — теперешнее накапливание

юдофобских настроений среди русского населения, на которых коммунистическая власть играет в своих интересах, с тем большим успехом, что вопреки некоторым утверждениям процент евреев по многим сведениям все еще непомерно высок не на самом верху, но на промежуточных — практически очень важных — этажах партийного и правительственного аппарата СССР, к еще большему раздражению пробудившихся русских людей, этот аппарат ненавидящих. Пока не поздно, обо всем этом и надо говорить спокойно и честно, т.е. без утайки.

И так во всем. Не беда, что при всяком таком обсуждении будут и ошибки, — они нам простятся, именно так, как писал в «Наших задачах» И. А. Ильин. Чего не простит нам наш народ это — самоцензуры из боязливой оглядки, как бы кого не прогневать. И еще меньше простит он нам, если здесь, на свободе, из той же оглядки цензурируются и искажаются мнения, передаваемые сюда из России.

Кн. С. Оболенский

Е. ВАГИН

О ВЕРУЮЩИХ МИЛЛИОНАХ.

Хочется отметить интересный и содержательный доклад Александра Суслова «Одинокый человек в Православии», напечатанный в № 6 «Русского Возрождения». Интересен он тем, что обращает внимание читателя (главным образом — зарубежного) на один из важнейших аспектов религиозного возрождения в современной России, о котором говорится сравнительно мало, хотя мы и располагаем соответствующими свидетельствами. Речь идет о самостоятельных, так сказать, индивидуальных поисках Бога нынешними русскими людьми — прежде всего, молодыми интеллигентами. А. Суслов рассказывает о тех, кто не принадлежит ни к какому организованному движению, не входит в группы или кружки, не составляет часть известных объединений. «Одинокый человек» — сам по себе, один-на-один с вечностью и современностью.

Несомненно, появится еще в современной русской литературе новая «исповедь сына века», в которой будет рассказано о всех тех трудностях — внешних и внутренних — с которыми неизбежно приходится сталкиваться Богоискателям XX века в тоталитарном коммунистическом государстве...

Не вполне согласен я лишь с одним моментом у А. Суслова: он утверждает, что «миллионы верующих... пришли к Православию каждый своим нелегким путем, по-своему, часто без всякого влияния или помощи со стороны». Не говорю уже о том, что благодатная «помощь со стороны» приходит — в той или иной форме — непременно, обязательно, знаменуя первый этап на пути к подлинной православной вере, немислимой «в одиночку», но всегда являющей соборность. Приход к вере и есть приобщение (пусть внутреннее вначале, но затем рождается потребность и «внешнего») к этой соборности — что для интеллигентского сознания часто и оказывается самым сложным, трудно преодолимым.

Несогласен я вот с чем: никак не думаю, что такого рода «одиноких» искателей у нас на родине сейчас «миллионы». Здесь, возможно, происходит невольная ошибка нашего интеллигентского сознания. «Типологически» такая же, как и тогда, когда мы говорим о числе заключенных в лагерях. Многие из высказывавшихся на этот счет вольно или невольно преувеличивают количество **политических** заключенных в сегодняшних советских лагерях — и при этом начисто забывают, не считают нужным даже упомянуть (быть может, просто и не задумываются об этом) о действительных **миллионах** зека, которые находятся в «обычных» лагерях и тюрьмах. О тех несчастных узниках (среди них так много молодежи, в том числе и совсем молоденьких русских девушек, которых навсегда губит лагерь), которые ведь тоже являются жертвами

режима, у которых есть свой счет к системе, и которые, во всяком случае, имеют право на наше сочувствие и хотя бы какую-то поддержку. Но внимание к этой **преобладающей** части населения ГУЛага привлекается в редчайших, исключительных случаях. И речь идет в таких случаях, как правило, не о русских людях...

Но вернемся к миллионам верующих. Несомненно, миллионы эти — не выдуманные, они действительно существуют. Как несомненно и большое число (все увеличивающееся) религиозных обращений среди молодежи, о чем свидетельствует А. Суслов и другие новейшие эмигранты из СССР. Но вот здесь-то, мне кажется, и следует поставить точку на *i*, внести последнюю ясность в злободневный вопрос о характере религиозного возрождения, русского возрождения у нас на родине.

Вера в России не просто жива. Она, в сущности, никогда и не умирала. «Умирать, так умирать с тобой, и с тобой, как Лазарь, встать из гроба». Это замечательное исповедание веры в России, сплавленное с верой в воскресение Христово оказалось пророческим для многих представлений русской интеллигенции — прежде всего. И — для известной части русского народа, подавшегося жуткому наваждению, и затем очнувшегося (или — начинающего приходить в себя) от духовного обморока... Но если бы не было всё это время **верных** — свято хранивших Православную веру, никогда не отступивших, шедших за нею на смертную муку, своею жертвенною кровью утверждавших её — можно ли

было бы говорить о том, что Россия жива, верить, что есть у неё великое будущее? Мы не знаем поимённо всех новейших мучеников российских. Имена их Ты веши, Господи...

Однако и помимо тех, истинных подвижников и страстотерпцев, замученных в застенках, умиравших в лагерях, живших только верою и для веры — были и есть **миллионы** наших ближних, наших соседей (иногда — по коммунальной квартире, так, что ближе не бывает — и в собственном доме), православных русских людей. Пусть **таивших** веру, «страха ради иудейска», открывавших её разве что на смертном одре (сколько известно случаев, когда и крупные советские чиновники оставляли завещание, прося похоронить их по православному обряду), грешивших по слабости, но в душе своей религиозно переживавших свои грехи. Герои, подвижники — смелые и безоглядные, те, что всегда в первых рядах — первыми и погибали. Многие из этих слабых — выживали. И кто посмеет бросить в них камень, если вся вина их была в том лишь, что были они — немощны и некому было поддержать их? Пусть слабая, но вера теплилась в их душах, и вот у этих-то **миллионов**, думается мне, начинается она разгораться сейчас всё сильнее. Эти невидимые миллионы образуют как бы естественный фундамент, духовное основание для религиозных исканий «одиноких» интеллигентов. Ибо не только и не столько книги приводят к настоящей вере, сколько эти, часто близко-руко не замечаемые (и иногда едва ли и не презируемые) наши ближние — простые русские люди.

Тесно взаимосвязано всё между собою в едином национальном организме: то, что «наверху», в кругах интеллигенции, разносимое зарубежным радио и запретной печатью, отзывается в самой «толще» — верующие прежде всего к этому и прислушиваются жадно (хотя часто — с понятным недоверием). Повторяю своё убеждение: всем этим движениям на поверхности была бы малая цена, если бы не существовало внешне незаметной, но таинственно существующей, прочной и неразрывной связи с этой самой толщей народной.

Что именно происходит в этой глубине народной — мы, как правило, знаем плохо и мало. Мы поразительно, преступно равнодушны к жизни своего народа — подлинной жизни, которую надо уметь рассмотреть под заскорузлой коркой внешнего, искусственного, наносного. У нас мало терпения и мало любви; легко раздражаясь, мы начинаем винить во всех грехах не себя, а несчастный народ наш, и его же — призываем «покаяться»...

В какой-то извращённой форме возрождается (или — продолжается?) роковой разрыв между «интеллигенцией и народом». Извращённой — потому что сместились, уродливо деформировались социально-психологические категории. Порой кажется, что происходит катастрофическая убыль «русскости» в современном интеллигенте — при всём страстном влечении его к отечественной культуре прошлого. Во имя спасения этой русскости, необходимой для возрождения России, но и ещё больше — для обретения

и углубления истинной православной веры должны мы, наконец, почувствовать «почву» под ногами, нащупать корни нашего с народом общего национального и религиозного бытия. Корни эти — не в культуре, которая ведь — только плод многовекового развития, повторю, единого национального организма.

Это — не голословные обвинения, достаточно посмотреть на нынешнюю эмигрантскую периодику. Или — многие ли из писавших о лагерях оставили нам свидетельство о носителях живой народной веры? В лучшем случае, беглые упоминания, не без неизбежного интеллигентского высокомерия...

Но вот, наконец, появилась счастливая возможность заглянуть в глубину народной России, открылся живоносный источник, приникнув к которому можно как живой воды напиться, «услышать» пульсирование глубинной религиозной жизни, почувствовать живую душу России сегодняшней. Этим мы обязаны самоотверженным усилиям членов Христианского комитета защиты прав верующих в СССР и — не в последнюю очередь — Вашингтонскому исследовательскому центру в Сан-Франциско, который взял на себя труд систематической публикации документов названного Комитета. К настоящему времени вышло в свет девять томов превосходно изданных материалов (с краткими резюме, пояснениями, статьями для англо-язычных читателей) *), и можно смело сказать, что

*) Documents of the Christian Committee for the Defence of Believers' Rights in the USSR. Volumes 1 through

мы теперь располагаем бесценным свидетельством религиозных процессов, происходящих в России в самых разных социальных слоях и группах. В том числе, что интересует нас прежде всего, в среде некнижной, чисто народной. Необходимо рекомендовать это незаменимое издание каждому, кто хочет иметь правильное представление о происходящем на родине.

Первое и основное достоинство этих, можно сказать, тетрадей религиозного Самиздата — аутентичность публикуемых в них документов. Их подлинность не может вызывать никаких сомнений у самого придирчивого критика: перед нами — фотокопии оригиналов, полученных из СССР. В прошлом году в нескольких городах Италии была показана выставка Самиздата, на которой были представлены в подлинниках многие самиздатские манускрипты. Впечатление от выставки было огромным. Нечто подобное — в рецензируемом издании. Аромат подлинности охватывает нас, когда мы всматриваемся и вчитываемся в представленные многообразные документы, большей частью отпечатанные на скверных пишущих машинках далеко не всегда профессиональными машинистками, с множеством поправок, с подписями и пояснениями от руки. Здесь — и собственноручные заявления и обращения. Фотокопии труднодоступных газетных статей — из советской (чаще всего провин-

циальной) прессы — в которых «обличаются» верующие, и которые сами обличают слабость, бессилие и глупость атеистической пропаганды. Фотокопии уникальных справок, выдаваемых советскими учреждениями, которые могут служить доказательством непроходимого невежества безбожников. И опять — заявления, петиции, письма, обращения верующих, адресованные подчас в самые немыслимые инстанции. Всё вместе взятое и представляет собой нечто уникальное — подобие точного слепка религиозной души нынешнего русского человека в Советском Союзе.

Ещё не так давно советская пропаганда при публикации на Западе каких-то документов начинала громко трубить о том, что это подделки, фальшивки и т. п. Подлинность публикуемых Вашингтонским исследовательским центром документов не только во внешних признаках сфотографированных рукописей и машинописей. Вчитайтесь в эти документы — и вы почувствуете нынешний русский язык, на котором сегодня говорят и пишут обычные, «средние» люди. Сам по себе, весьма колоритный и своеобразный, этот язык есть свидетельство происходящего. Стремления освободиться, даже и стилистически, от официозных клише и формулировок, заговорить по-новому о наблевшем, самом главном. Живая душа пробивается сквозь частокол по казённому звучащих фраз, которые ведь вбиваются в подсознание каждодневно вот уже четвёртому поколению подсоветских людей, искажая до неузнаваемости самый дух русско-

го языка. Это борение живой души, которая хочет выразить своё сокровенное, внутреннее, с трудом припоминая забытые слова и выражения (как *мало* помогают в этом передачи западного радио на русском будто бы языке!), отталкиваясь от назойливых и цепких газетных оборотов — поистине, здесь отражается трагедия, которую продолжает переживать русский народ. Живые чувства, человеческое волнение пробивают мёртвую плёнку казённости — и эту подлинность нельзя оспорить.

В статье Г. Рара «Православное Дело на родине и за рубежом», напечатанной в № 5 «Русского Возрождения», цитировалось замечательное письмо патриарху Пимену простых русских женщин о положении дел в Псково-Печорской обители. Этот «истинный голос нашей церковной общественности» (по определению Г. Рара) был воспроизведён в рецензируемом издании вместе со многими другими аналогичными документами, столь же яркими и выразительными.

Материалы к известному «Павлоградскому делу» — когда группа верующих прихожан была «отлучена от храма», местным владыкой только за то, что они искали справедливости и хотели водворить порядок в своём приходе. В письме патриарху Пимену эти православные христиане Успенской церкви г. Павлограда Днепропетровской епархии пишут: «Мы, грешные христиане, молим Вас — встаньте в ряды святых всех веков, зажгите в сердцах Ваших огонь любви к вверенным Вам Иисусом Христом овцам, защи-

тите нас от волков и помогите отстоять правду Христову... Спасите себя и нас.»

Продолжение с 1967 года тянущейся «истории» с просьбой об открытии в городе Горьком православного храма.хлопоты об этом возобновились верующими летом 1977 года, и один из горьковчан дал интервью в Москве иностранным корреспондентам. Естественно — вызов в КГБ, статья в местной газете, травля на работе, угроза увольнения с работы и ареста... Но верующие, в сознании своей правоты и желая защитить своего земляка, обращаются с открытым письмом в редакцию «Горьковской правды», протестуя против фальсификации фактов в газете. И в этом нельзя не видеть голос независимой общественности, церковных людей новой формации. Они апеллируют к государственной инстанции, но знают, что есть высшая Правда. И это придаёт им дополнительное мужество.

Показательно ярко выраженное стремление к полной лояльности, что заметно особенно в документах из «толщи», исходящих от «рядовых» верующих. Например, Прощение в Совет по делам религии при Совете Министров СССР от верующих города Котово Волгоградской области. Они прямо ссылаются на Конституцию, «где записано, что она предоставляет гражданам право исповедовать любую религию и гарантирует свободу совести всем гражданам».

В томе 7-м опубликовано поистине замечательное письмо, для толкования которого нужен был бы В. В. Розанов: письмо всё тому же патриарху Пимену (интересно, читает ли он хотя

бы такие письма, доходят ли они до него?!)) от православных из областного города Ош в Средней Азии — с жалобой на своего настоятеля, поведение которого вызывает их возмущение.

«Мы живём среди магометан узбеков и киргизов, которые, видя такое поведение нашего настоятеля в православной Церкви, только языками щёлкают и говорят: Зачем русский мулла много скандал делает?»

Вот заключение верующих: «У нас в области около 2 000 человек атеистов ведут пропаганду против Церкви и Бога, а они меньше все взятые сделали, чем один наш настоятель».

Лояльность, сознание своей правоты, твёрдое упование на вмешательство самого Патриарха — и при этом страшный симптом, узнаваемые с отвращением черты советской психологии у самих верующих — авторов письма. Это отражается и в языке, и — в предлагаемых (почти — навязываемых!) «мерах воздействия» против своего настоятеля:

«Общее мнение верующих нашего храма: лишить сана священника, пусть он поработает на производстве кем сможет, тогда он вполне поймёт свою ошибку и мы убеждены — только тогда он полностью замолит свои грехи и осознает свои ошибки в прошлом, а в лёгком случае, перевести его в сельскую местность или в небольшой городишко, чтобы меньше было у него денег в кармане, короче говоря, наш Алексенко (фамилия настоятеля) быстро проветрится. К нему молящиеся: (подписи)...»

Необходимо знать и такие особенности пси-

хологии верующих, нужно вполне представлять себе всю реальную сложность духовных процессов в сегодняшней России.

Вашингтонский исследовательский центр публикует не только материалы, касающиеся православных христиан — ибо Комитет о. Глеба Якунина защищает права верующих разных конфессий. Знакомство со всем множеством этих документов чрезвычайно поучительно, все они отражают сложную реальность религиозной жизни в «закрытом», тоталитарном обществе.

Некоторые религиозно настроенные русские люди хотят вырваться из него всеми силами. Вот характерное Воззвание «христиан пятидесятников и баптистов, эмигрирующих из СССР из-за неравенства и отсутствия свободы религии» (см. том 4-й). Оно адресовано — «Поверенному при ООН от правительства США Эндрю Янгу» и «американским неграм». Прочитируем небольшой отрывок:

«Мы, христиане, видим, каким тяжким проклятием поражена эта огромная держава за своё богоотступничество. Вовсе не сказка, а факт, что красивая русская речь испорчена вульгарщиной и богохульной матерщиной, моральная и физическая чистота — содомским растлением, а честная богобоязненная жизнь — хищническим беззаконием. Ум, совесть — исчезли. Лучшие из советских судей хуже колючей изгороди. А поэтому вместо правосудия — ужасающий произвол, вместо правды — неприкрытая ложь, а вместо равенства — преступное насилие власть имущих над совестью граждан. Подобно могиль-

ному савану это нечестие хочет покрыть весь глобус...

«Мы уже 60 лет прожили в таких тяжких условиях, теперь же идём мы на риск исхода, прочтя своими глазами Заключительный акт Хельсинки, в котором подписью советских властей объявлены мы свободными...»

Воззвание «от имени 20 тысяч эмигрирующих» (точнее — безуспешно *пытающихся* выехать из СССР) подписано пятидесятниками и баптистами из разных частей Советского Союза. «География» этого протеста не может не произвести впечатления, как и тон его, столь разительно отличающийся от обращений большинства православных.

Кажется, в порядке предварительного обобщения, можно было бы сказать, что в *массе* православные верующие до сих пор остаются более «законопослушными», чем социально неизмеримо более динамичные пятидесятники и баптисты (я говорю только о русских). Однако, *отдельные* православные христиане, из числа «одиноких», всё чаще выступают с очень смелыми и сильными публичными заявлениями. Вот один такой пример (см. том 7-й): письмо главному редактору «Журнала Московской Патриархии» архиепископу Питириму Ю. Белова.

«Доставая с большим трудом и читая Ваш журнал в течение последних десяти лет, я с большой печалью в сердце отмечаю, что помимо совершенно очевидного отклонения от нашей православной традиции живого общения духовенства со своей паствой, Журнал демонстри-

рует противоестественное уклонение от самых насущных живых проблем нашей жизни, которая, по моему глубокому убеждению, в рамках православия соединяет жизнь духовенства и жизнь православного народа.

«Журнал же уделяет внимание лишь официальной жизни духовенства, полностью игнорируя тех кому, собственно, это духовенство служит...

«В СССР Журнал Московской Патриархии является единственной трибуной, с которой Церковь имеет возможность обращаться к народу. Но журнал обращён в пустоту, он не замечает вокруг живой жизни, не хочет видеть ничего за пределами храма... Авторы ЖМП совершенно не желают замечать, что у них под боком сотни и тысячи заключённых содержатся в ужасающих условиях голода, произвола и насилия. Владимир ОСИПОВ, Игорь ОГУРЦОВ, Борис ЗАЛИВАКО, Василь РОМАНЮК, Василий ШИПИЛО, Александр ОГОРОДНИКОВ и многие другие известны всему миру и только «неизвестны» ЖМП, который утверждает, что не занимается политикой, когда дело касается православных соотечественников, но не прочь заняться глобальной политикой, когда идёт речь об африканских атеистически-настроенных неграх.»

Ю. Белов призывает Журнал Московской Патриархии обратить слово в защиту репрессированных за веру или христианские убеждения.

И это опять обращает нас к злободневной проблеме верующих миллионов. Живыми голо-

сами этих миллионов являются названные в Письме о. Борис Заливако, Вл. Осипов, И. Огурцов. Но их сила имнно в том, что они — плоть от плоти и кровь от крови верующего русского народа, первые зрелые плоды начавшегося нового периода плодоношения.

Евгений Вагин

К. КОРОВИН

На севере диком

(Окончание) *)

Внезапно вдали, над океаном, показались какие-то рыжие тучи, вроде паутины, которые быстро неслись, точно пепел по ветру. Странные тучи быстро приближались, летели к нам дымной стеной.

Ясный день стал темнеть.

Я как раз разбирал краски, готовясь писать, но стало темнеть. Ко мне вошел Серов.

— Что это, Константин, гроза, что-ли? Как потемнело...

Рыжие тучи спускались с неба волнующимися полосами. Стало темно совсем. Я зажег свечу.

В окне рыжая мгла и шум, особый шум: в летящем пепле слышны гортанные крики птиц. Это не пепел, это — птицы. Миллиарды птиц спустились на землю. Они покрыли всё, как белые фонтаны вздымаются они с криками около дома. Плачущий птичий крик звенит в воздухе.

Когда стало чуть светлее, я выбрался на

*) См. «Р. В.» № 6.

крыльцо. Но чайки садились на меня, налетали кучей — на плечи, на голову. Я отталкивался, размахивал руками, спасаясь от птичьей силы.

Через несколько минут берег от птиц очистился. На берегу не осталось и рыбы: чайки всю сельдь съели. Кончился этот чудовищный птичий пир, и чайки разместились по скалам. Скалы покрылись ими, как белым снегом.

— Умная птица, — крикнул урядник, — всю подобрала, чисто вымела.

— Хорошо было бы зажарить хотя бы одну, — сказал я монаху.

— Пошто ее жарить? — ответил с улыбкой монашек. — Селедка только в засол хороша... А у нас кумжа есть — вот это рыба.

Так и не попробовал я мурманской селедки.

На всем Мурмане есть две лошади.

На этих лошадях мы и поехали в Печинский монастырь Святого Трифона.

Дорога идет каменной тундрой, но колеса тарантаса утопают в грязной дороге: между камней болото, мелкий кустарник и кривая поросль низкой карельской березы.

Вдруг на дороге перед нами показались белые куропатки. Взлетают, садятся опять.

На облучке тарантаса сидит наш урядник, Василий Иванович. Рядом с повозкой бежит его собака, Шутик, лайка, хвост крючком. Шутик лает на куропаток сгоняя их с дороги.

— Эх, ружья жалко нет, — говорю я. — Из револьвера, я думаю, не попасть...

Но Серов берет мой револьвер, прицеливается — и мимо.

— А жаль, — говорит он. — Все рыба да рыба. Хорошо бы и куропатку съесть.

— Что я скажу, господа, — оборачивается к нам урядник. — Вот у кого хороши ружья, так у политиков... Ну и ружья... Еще бы, ссылльные 26 рублей в месяц жалованья получают, а я 20! Я, разумеется, урядник, три класса прошел, а они политические... Из господ больше... А как они за бабами шьют... Вот это, я вам скажу, — крендель!... У них свои бабы есть, тоже политические... Один козырной парень у них был. Гаудеамус звали. Говорить зачнет, так их бабы от него так и горят. Просто горят. А он прямой, дурак...

— Почему же дурак? — спросил Серов.

— Да как же... Женщины, говорит, должны быть всеобщие. Это что же такое?.. Какой крендель?.. Гаудеамус мне говорил, что четырнадцать разов женат был. За это и попал. Каков переплет! А то еще, другому, срок вышел. Отбыл, значит, и уехал. Глядь — вернулся. Нет, говорит, здесь лучше. Рыба тут хороша. А мне жаловался: «Когда, — говорит, я вредный был, мне от казны жалованье шло. А сейчас — ни шиша. Вот что обидно, — говорит, — несправедливо...»

— Что же, уехал?

— Нет, живет еще, ничего... Письма кому, прошения пишет.

— А уголовные тут есть? — спрашивает Серов.

— Всекие есть. И фокусник есть... Вот ловок, право... Кладешь ему на ладонь двугривенный: прямо на виду пропадает, ей-ей. Нет двугривенного, просто удивление. Он и сослан сюда, потому фокусник, ей-ей...

**
*

Так мы подъехали к деревянному монастырю Святого Трифона.

В чистой горнице, где полы крашеные, высокий и красивый отец Ионафан, настоятель монастыря, угостил нас свежим, только что пойманным в речке, лососем. После закуски мы с Серовым приготовили краски, чтобы писать не подалеку от монастыря.

— Вот что, — сказал нам отец Ионафан. — Вот, ежели списывать тут будете, не пугайтесь, милостивцы... Медмеди тут ходят, осемь их. А у вас пистолы, али пужала какие. Так вы, милостивцы, медмедей не попугайтесь: они тут свои, и человека никак не тронут. Уж вы не застрелите их случаем из пистолы, ежели испугаетесь...

Я и Серов посмотрели на отца Ионафана с полным изумлением:

— Как медведи? Почему свои?..

— Медмеди, известно, милостивцы, не наши, а лесные звери, вольные, — продолжал настоятель. — Ух, и здоровые, как горы!.. А только они заходят и сюда к нам, иногда — на двор

монастырский... Эта скамейка большая, видите там, под стеною... Сидим мы на скамейке, февраля двадцатого, все в сборе, братия то-есть... Ждет братия, как после зимы и ночи непроходимой солнышко впервые заиграет, благодатное... А они, медмеди, тоже рядом тут сидят и на небо глядят... Как только солнце выглянет из-за горы, мы молитву поем, а кто из нас что вспомнит, тот и поплачет. А медмеди тоже бурлыкать зачнут. Что и мы, солнцу рады. Хотя и звери, а понимают: солнышко любят...

И я вспоминаю, как вечером того же дня монах с фонарем в руке нес из монастырской кладовой испеченные хлебы в трапезную, куда мы были приглашены на ужин.

Вдруг мы услышали, как этот монах закричал внизу у ворот:

— Эва, ты еретик этакой!.. Пусти...

Оказывается, медведь отнимал у крыльца от него каравай хлеба, а монах угощал зверя фонарем по морде.

— Я ему уже дал хлеба, — рассказал нам позже монах, — так он все тащить хочет. Тоже и у них, медмедей, не у всех совесть-то одна. Отнимает хлеб прямо у дому, чисто разбойник... Другие-то поодаль смотрят, у тех совесть есть, а этот Гришка, он завсегда такой озорной...

— Ты заметил, — сказал мне Серов, когда мы с ним укладывались на монастырские койки, — милый монашек, браня медведя, говорил о нем, как о человеке... Странно, правда?..

— Да, Тоша, заметил... Какой чудесный край, Север Дикий! И ни капли злобы здесь нет

от людей. И какой тут быт, подумай, и какая красота!.. Тоша, я бы хотел остаться жить здесь, навсегда...

Но на Севере Диком я тогда не остался. Не та была у меня, как видно, судьба.

25 мая 1932.

МУРМАН

Тяжелы и мрачны волны океана. С грохотом бьют об огромные скалы берега и в красных переливаются, как кровь, сполохах северного сияния. Жутко и мрачно кругом.

Я завешиваю окно моей комнаты в доме купца Мерзлютина, в Териберской гавани, на небольшой фактории. Невозможны эти красные сполохи. В комнате как будто всё покрыто кровью. Хлеб, тарелка, чай в стакане — неприятно есть и пить. Закрыв окно. Какая-то полоса легла, острая, и горит, как плавленная сталь. Еще закрываю. В доме тихо. А на завтра и днем будет сплошная темная ночь и, может быть, опять эти красные сполохи.

Я не знал, что есть такое северное сияние; жаль, что не уехал раньше. Теперь мне понятно, отчего уехали давно все поморы. Никого не осталось, всё становище пусто. И Мерзлютин уехал. А помню, говорил он, что жутко зимойто, когда сполохи пойдут. Но они до сих пор были такие прекрасные, голубые. Я так любил смотреть, когда горело все небо и качались эти сияния, разбегаясь и переливаясь бесконечно. И

вдруг, вот это... Я взглянул на мою руку, а она точно покрыта кровью, такая неприятная рука, страшная.

Я встал и загородил снизу окно подрамником-холстом, на котором писал.

Океан шумит. Никого нет. Хоть бы урядник Василий Иванович пришел. И слышу, как сзади фактории, там в стороне становища, кто-то воет или поет. Так странно. Я встал, открыл дверь — воет. А снаружи, где идет лестница, земля то ярче, то бледней горит в красном расплавленном свете.

А небо за скалами темное, бурое, угрюмое...

Когда придет в последний рейс «Ломоносов», сейчас же уеду. Снизу у лестницы показалась фигура, как будто залитая кровью, прозрачная и странная. Слышу:

— Константин Алексеевич... К вам иду. На-силу сухой переехал, море бьет. Хорошо, что сполохи помогают, а то не попадешь. Вчера тьма была, а ныне хорошо. Иду... Язычков вам несуде, да семушки копченой. Только что изготовили.

— Василий Иванович, — говорю я, — идите, я рад.

— Ишь, — говорит, — завесились. Да и верно. Вам без привычки-то. Поди, не нравится тут. А я ведь семь лет, и то мне эти красные сполохи... ух, не по сердцу.

— Василий Иванович, — говорю я, — что это там у амбаров в становище воет?

— Эх, — отвечает урядник, — это вот за-всегда фильмана воют, карелы тоже. Как красные сполохи, они за-всегда за свои песни берут-

ся. Чисто волки. И то сказать, всех жителей они в скуку вдаряют. Нельзя не выпить. Я вам пуншу бутылку принес шведского. Хорош. Много лучше рома. Ром-то чижев больно, а пунш веселит. Рубь с четвертью бутылка. Поглядите-то, языки-то какие оленьи. Закуска важнецкая. А семга... Невелика, а что надо...

Урядник вынул бутылку, другую, — поставил на стол.

— А это-то что же? — спросил я, — показывая на другую бутылку.

— А это наша веселуха... Водочка... Да ведь, и правду сказать, и нельзя. Вот это вы загостились, а через три дня уедете, пароход придет. А я вот — на восьмой год оставайся. Так это что? Ссылка. Больше ничего. Вон в Кеми-то городе, житье, в карты дуют — боле ничего. И ссыльные тоже. Чего им. Сколько рубликов получают. У них под Новый год маскарад, кадриль, а я вот здесь мыкайся. Меня тоже оттудова сослали. Если вам сказать, Константин Алексеевич, всю правду, так это что...

Урядник выпил стакан водки, отрезал олений язык и, откусив кусок, пристально смотрел на меня:

— Ссылным лучше. У них там своих разных курсисток... Бабы... сколько хошь. Здесь без этих женщин, при этаких-то сполохах никак невозможно. Потому душа друг другу крепче здесь свертывается... Подумайте, ведь это что такое? Идешь — сам на себя посмотришь, — будто в крови весь. Жена — тоже. Семга — тоже. Вот водки рюмка. Откройте окно — она будто чисто

кровь налита. Пить-то как? Ведь это что? Одурь берет! Вот потому-то и воют. Поморы хитрейшие. Мерзлютин-то уехал. Старовер он, с капиталом. Вот дайте ему, что хошь дайте, нипочем не останется. Оттого-то тут никто и не живет.

— Да, Василий Иванович, это верно. Это я в первый раз вижу. Все голубые были, а теперь красные. Отчего это?

— А черт их знает, — говорит урядник, — конечно, какие-нибудь ученые знают, а я не слышал. Сполохи и сполохи...

— А к утру их не будет?

— К утру?.. Да кто их знает? Здесь ведь всё одна ночь сейчас. Когда и спать — неизвестно. К утру-то, конечно, кончаются. Но и днем тоска... Всё ждешь. Долго ведь. Забудешь, есть ли и солнце... Я ведь сам-то архангельский. Но ведь это что, там ведь чисто рай, нет этой тьмы крошечной. И жизнь другая. Люди смеются. А ведь здесь... хоть на фильманов посмотреть; ведь это, как звери. А лопари, чисто черти болотные. Ему ничего и не скажи — сейчас за нож берется. Двадцать два получаю, а ссыльные двадцать шесть. А что же я? Урядник, туда-сюда ступай. Там драка, вот и иди по каменной тундре, того гляди свернешься. Ну, конечно, и пьешь. А он-то в Кеми на меня и написал: пьет. А сам не пьет, что ли? Тоже пьет. Да здесь все пьют. Нешто можно без этого самого? Слышите, вон воют...

И он подошел к окну, отвернул плед, и в комнату опять ворвался кровавый свет.

— Ишь, — сказал урядник, китолов в бухту

зашел; знать, норвежский. Прячется от волны. Расходился океан-то... Буря...

Я встал и посмотрел в окно. Корабль с парусами, на мачте большая бочка. Это китолов. Он освещался красно от сияния сполохов, то пропадал, темнел, то опять горел рубином. Так таинственно, особенно, и как-то печально, одиноко стоял корабль в темном заливе, отражаясь в воде.

— А вот летом, — говорил за столом урядник, — кит — дурак, как, значит, прилив был, река высоко поднялась, вот здесь за Сувоем, он за рыбой в реку-то и заплыл. Вот жрет, мойвы там тьма; он хлебало свое открыл и жрет, фонтан пускает, а отлив и пришел. Он не успел назад в море уплыть. На брюхе и застрял в реке, на камнях, у самого становища, тут. Поморы видят, да к нему. Топорами ему голову проббили, да на канат привязали, к сараям, к столбам, где рыбу сушат. Сало хотели с него взять, да не во что. Вот кит здоров был, шестьдесят шагов длинной. Он, значит, помер и стух, дух от него идет, дух тяжкий, дышать невозможно. Всё становище убежало, жить нельзя. Птицы его есть, и что их налетело — тучи... А еще акулы кругом кишат, реку нельзя переехать, того гляди сожрут... Как-то норвежцы прознали. Приехал пароход. Купили за пустяки и увезли его к себе на завод. Только как пароход тащил его по океану, так киты спознали и плыли за ним до самого Варде. Упокойника, значит, провожали. А потом вернулись сюда и тут вот, в заливе, всё фонтан пуцали. Интересно. Ночью все кабасы повернули. Сер-

чали, значит. Рыба с понятием. Поморы боялись долго выезжать — перевернут, ну и прощай, акулы сожрут. В океане тоже много этого разбоя есть, что и на земле. На земле, конечно, начальство не дает озорничать, а то бы... Как, значит, сюды, в Кемь, меня послали, на Мурманск, я увидал, что политики сосланные живут себе, ничего не делают, прямо как господа. Жалованье идет им от казны. На меня кричат — то не так, это не так, а им ничто — живут себе, на охоту ходят, гуляют... Я думал-думал, как бы мне на политику перейти, позвал одного из них тихонько к себе чай пить, ну и угостил тоже водочкой. Выпили. Говорю ему, что хочу перейти на их положение. Он говорит — можно. Я, говорит, тебе прошение напишу, — а он ловкий, шустрый такой, сам из писарей. Ну и написал. Принес мне и говорит и прошение подает:

— Вот тут, говорит, подписывайтесь: унтер-офицер запаса, 26 лет, конститалис, максималис и еще что-то...

Ну написал, подписал: урядник Василий Иванов Гвоздев.

— Пошли, говорит, в Архангельск, губернатору.

Губернатор у нас Энгельгардт. Я значит с парходом и послал. Жду. Только меня вызывает к себе исправник покойный и говорит:

— Вот тебя вызывают в Архангельск, в канцелярию губернатора, явиться 18 августа.

Поехал. Пришел в канцелярию, а там такой чиновник худенький за столом сидит. Шварц его

зовут. Он смотрит на меня, достал мое прошение, говорит:

— Это вы подали прошение?

— Так точно, — отвечаю, — я подал.

— Что это вы написали?

Я говорю:

— Я писал, писал, что охота мне на положение политика стать, потому — я женат, и дочь родилась, то жалованье...

Он говорит:

— Это?.. Вот это вы подписали: констилалис, максималис. Что это такое?

Я не знал, что ответить. Думаю, вот чего это Курчевский научил.

— Вы, — спрашивает меня, — урядник?

— Так точно, — говорю.

— Унтер-офицер? Так вы в тюрьму попадете.

— Батюшки! — думаю, — что написал? — Ваше благородие, говорю, помилуйте, у меня семейство, дочь родилась. А он взял прошение мое, разорвал и бросил в корзинку под стол. Встал и ушел.

Я назад уехал в Кемь. Исправник-то меня и послал в Териберку, сюда. А здесь што — только пьяных, да драки разымай, и самому попадет... Вот жизнь... Вот што, — покачав головой, сказал урядник, — как это ваше художество идет, не знаю, а в нашем деле правды ни черта нет. Вот што хочешь, а живи...

— А что же вам Курчевский сказал потом?

— А ему што, он зубы скалит, смеется, боле ничего.

— Василий! — слышался женский голос за окном.

Урядник встал и отворил окно.

— Иди скорее! — кричала ему жена. — Китлов норвежский тебя зовет, иди-и-и. Он по берегу болтается, пьяный... Иди.

Урядник взял фуражку, сказал:

— Прощайте, завтра приду, — и быстро побежал по лестнице вниз.

О прибрежные скалы с шумом бились волны Ледовитого океана...

16 декабря 1934.

Н О В А Я З Е М Л Я

Стальной туман над океаном.

Пароход «Владимир», качаясь в темных водах, медленно подходит к Новой Земле. Над туманами стоят громады гор, острыми полосами ровно лежат снега. Громкий гудок.

Вот уже берег. Я вижу лодки и кучки особенных людей, одетых в меха с пестрыми полосками. Рыжие и белые меха как бы повторяют полосы снега на горах. Уже различаю круглые лица самоедов. Все с черными глазами и смотрят с жадным любопытством. Они похожи на кукол в своих пестро расшитых оленьих малицах.

На берегу жалкие лачужки, сбитые из темных бревен с маленькими окнами. От домика к домику натянуты веревки: это чтобы ходить во время ветра, так как иначе унесет в море.

Вот маленькая часовня с синим куполом, а дальше, к скалам, тянутся самоедские чумы, из которых идет дым. Стаи чаек, чайки белые с черными каймами на крыльях; бело-черные чайки, зеленые мхи, полосы снега на горах — все это похоже на одежды самоедков.

Как будто огромные утюги, мрачные и тяжкие, лежат над берегом горы, точно заковывая Ледовитый океан. Всё мертво и одиноко до того, что хочется бежать и никогда больше не видеть этой Новой Земли... Из сиротливого дома вышел молодой урядник с серыми глазами:

— Пожалуйте ко мне, — зовет он. — Вам здесь остановиться надо. Бумагу с парохода дали — приказ. Понравится ли только фатера моя?

Вскоре матрос внес в дом мои вещи. Как бедно в доме сероглазого урядника. Два окошечка с тусклыми стеклами, пахнет рыбой и водкой.

— Не нравится вам, я вижу, — говорит мне хозяин, — один барон тут приехал, так вот — живет наруже... Конечно, какая здесь жизнь. Теперь еще ничего, а зимой, тех же самоедов взять... Воют, как волки. Послушали бы. Я правду говорю. Да, тут завоешь...

Урядник оказался из ссыльных, а барон, действительно, из Вены приехал сюда на охоту: бить белых медведей. «Уже два раза промазал», — рассказал мне урядник.

Вскоре я нашел венского барона.

Постелив на мху плед и повесив над собой простыни на палках, барон лежал в меховом мешке, облокотясь на большие подушки. Перед ним стоял лакей в невероятном костюме синего

сукна, с эполетами, подпоясанный широким блестящим поясом и в цилиндре с кокардой; в руках у лакея был серебряный поднос с бокалом и открытой бутылкой шампанского.

Всё это было так невероятно, что я, что называется, стоял с разинутым ртом.

Барон, между тем, очень радостно приветствовал меня; он вылез из мешка, предложил мне сесть и сам подал какую-то рыбу, нарезанную кусочками, сильно наперченную, сырую и соленую.

А кругом барона сидели самоеды, ребяташки и подростки. Глотая шампанское, барон доставал из жестяной коробочки печенье и бросал его в толпу самоедов. Те мгновенно набрасывались и мгновенно уничтожали всё, как... — ну, как тюлени брошенную им рыбу.

— Здесь, не пивши, не проживешь, — сказал урядник, когда барон предложил ему шампанского, — только я этого не пью. Мне бы рому.

Лакей достал из корзинки ром, и урядник принялся за него. Барон тем временем показал мне свои прекрасные штуцера и пригласил меня с собой на охоту.

Рано утром мы вышли. Либо горы, либо пустой и огромный берег. Всё однообразно, дико и уныло. Редко покажется летящий альбатрос.

Мы поднялись на шиферные скалы; выше, выше. Дохнул ледяной ветер. Самоеды шли с нами, перевязанные веревками. Один из них, вожатый Василий, сказал:

— Вечером будет медведь. Пойдем, — чума. Сейчас тут...

Мы спустились по круче вниз и увидели чум. Около горел костер. У костра сидели самоеды. Гортанными криками встретили они нас.

Злобно лаяли собаки-лайки. Старуха с длинными седыми волосами протянула мне руку и что-то попросила. Барон приказал дать ей бутылку водки. Она схватила бутылку с дикой радостью, а водку стали пить все вокруг костра, и — дети.

Из чума вышел молодой самоед. На его открытой груди висел медный крест. Он пристально посмотрел на нас большими глазами и внезапно завыл, как собака. И ужас — у его сыромятного пояса была привешена за волосы голова человека. Вытекшие глаза и оскаленные зубы сверкали от костра... Это была голова его отца. Он отрезал ее у умершего, не желая расстаться. Он так любил отца, что оставил себе голову, которую целовал и клал на ночь рядом с собой.

«Хорошая жизнь», — подумал я.

Кругом темные, красно-бурые горы: ночное солнце освещает их. Есть неизъяснимо-таинственное в этом полярном свете. И страшно таинственны плоские лица самоедов, а глаза, как черные пуговицы. Что-то есть в них звериное...

Утром, только мы вышли с ночлега, как я увидел на пригорке много оленьих костей и рогов. На рогах висели красные и беленькие тряпочки-лоскутки. Оказалось, что это самоедское кладбище.

Посреди стоял деревянный идол, выпиленный из доски, с несколькими нарисованными

глазами. Проходя под идолом, самоеды внезапно запели.

— Они поют: «Приедет пароход, привезет нам водки», — перевел мне с усмешкой урядник.

Перед нами всё скалы и скалы, отвесно спускающиеся к морю. Они, как упавшие в море огромные глыбы камней. Всё покрыто инеем и снегом. Кое-где открываются полыньи. Темная вода моря и льды. На отлогих камнях видны тюлени. Вытягиваясь, они бросаются в воду. Скалы у самой воды обледенели и желтого тона.

А в воздухе свежо-свежо. Пахнет сыростью и морозом...

Я смотрю в бинокль. Штуцер Ланкастера лежит около меня. Ноги озябли. Самоеды приказали лечь в снег мне и барону, а сами куда-то тихо ушли. Вижу перед собой, как большой тюлень вылез легко и смотрит на меня темными глазами, передвигая усами. Опять нырнул. В бинокль я вижу много тюленей. Вытянув шеи, они смотрят в одну сторону, как птицы. «Не собаку ли нашу видят?» — подумал я. Барон выставил перед собой штуцер и пристально смотрит в бинокль. Я посмотрел туда же на белый берег и увидел вдали желтоватое длинное пятно такого же цвета, как и края скал и воды. Пятно движется, и я вдруг понял, что это большой и длинный белый медведь. Он идет на трех лапах, одной, передней, он закрыл морду. Я не дышу.

Раздался громкий, свистящий выстрел. Эхо пронеслось в горах сзади меня. Самоед прибежал с криком.

— Опять промазал барон, — сказал мне урядник с усмешкой.

— Хорошо вам, вы вот в Петербург поедете, — говорил урядник, когда мы шли назад с неудачной охоты. — Эх, жизнь... Живи здесь... Ходи по веревке к попу, и всё тут. А говорят — пьет урядник... И про отца Григория говорят — пьяница. Ну, а как же жизнь наша? Ведь люди тоже, потому и пьем. Не медведи, лапой черный нос не закроешь... Прошу вас. В Архангельске будете, скажите, пожалуйста, губернатору: «Пьяница, — скажите, — урядник...» Лучше, может, еще куда сошлют — хуже не будет...

— Скажите, а почему медведь нос закрывает? — перебил я сетование урядника.

— А потому, — усмехнулся урядник, — ведь медведь, как лед: нипочем его не видать... А нос-то видно — он черный. Тюлени видят нос, ну и в воду. Лови их. Сам он дурак, а — хитрый. Людей не боится, смотрит на них, думает — что такое, смешно ему: нешто станет здесь человек жить... Эх, жисть...

Урядник умолк. Потом вдруг сказал:

— Ведь я здесь из-за бабы нахожусь. Эх, да чего тут говорить... Будьте добры, скажите губернатору Энгельгарду, что пьяней вина урядник, моя... Очень трудно мне здесь... Когда вот сполохи с осени начнутся, северные сияния-то, вот там... — он рукой показал вдоль гор, — там льды кончаются и на них моржи большие, прямо вот с гору — громадные... И какие-то алтари, чисто всё в золоте... Как в панораму глядишь... И, верите, будто она, моя-то, в сполохах

ходит... А тут самоеды с собаками заодно воют... Страшно... Помогите, ваше благородие, может дале куда сошлют... Сполохов-то не будет там...

— А вы уголовный ссыльный? — спросил я.

— Я не уголовный. Никак нет. Я вот что ни на есть политический. Чего ж еще, я вам правду скажу. Мне пристав говорит: — «Из-за своей шлюхи ты что это делаешь?» А я ему, приставу, значит, и дал раза в личность... За «шлюху»... А может, и верно, как опосля оказалось... Ну, при исполнении служебных обязанностей — чего еще: в ссылку... Я как есть политический.

Через три года я и художник Валентин Серов приехали в Архангельск.

Я писал вечером старую деревянную пристань и корабли, которые освещало солнце ко-
сыми лучами, и вдруг услышал около себя:

— Ваше благородие...

Передо мной стоял городской. Я узнал в нем урядника с Новой Земли. Видно было, что он рад видеть меня. Он снял фуражку, вытирал лоб и все говорил:

— Вот рад, вот рад, ваше благородие...

— Как же это, — говорю, — вы здесь городской?

— Всё через вас, ваше благородие... Всё на-
чисто рассмотрели, и вышло так, что я ни уго-
ловник, ни политический, а просто зря... При-
став-то Репин, обиду-то которому я нанес, тута,
в Архангельске, а я у него. Всё по ошибке выш-

ло... Он у меня хрестный; сын, значит, два года женат. Более сполохов тут нет... Я и женился. 22 получаю. А та-то, прежняя жена, померла. Она в сполох-то ходила в венчанном платье, уж покойницей значит... и какую жисть теперь я вижу: всё кругом одна радость... Пристав-то меня «мордой» зовет. «Ну, — говорит, — морда, зря ты совсем пить бросил». Дозвольте, ежели посидите, жену показать...

Городовой быстро ушел.

Высокого роста, дебелая, вскоре стояла передо мной северная красавица, как икона, и, посмотрев, обняла меня обеими руками за шею и расцеловала три раза, как бы христосуясь. Сказала:

— Григорий сызмальства знаком был, а подруга моя его отбила. А она шлюнда была... А вот я своего дождалась. Хотя поздненько немного, мне уж двадцать шесть...

На пристани раздался свисток. Я увидел там людей в мундирах. Городовой побежал туда. Потом быстро вернулся:

— Ваше благородие, не хотите ли поглядеть: на той стороне семга человека убила.

Серов, смотревший издали на все мои беседы с городовым и с его женой, подошел и говорит:

— Что такое, Костя, тут происходит?

А на пристани пристав Репин, доктор и какой-то судебный чин. Мы сели в лодку. Я рядом с приставом Репиным.

Я рассказал ему о моей встрече с городовым Григорием на Новой Земле.

— Ну и дурак, — говорит. — Так всё и было.

Он мне, действительно, прямо в морду... Что вы скажете? Ну его и сослали, а я все думаю — за что? За женщину. Я хлопотал-хлопотал... Дурака вернули. У него и еще одна заслуга есть: никто так под закуску рыбу засолить не умеет, как он. Под водку. Ценить надо...

На плоском песчаном берегу толпились рыбаки у огромных сетей.

На песке отмела лежал молодой парнишка, мертвый, с полуоткрытым ртом. Рот полон крови. В стороне лежат семги и ближе к нему одна, очень большая. Голова у нее разбита. Когда вынимали сеть, она выскочила из мотни и, кружась, приближалась к воде. Паренек, чтоб не ушла рыба, бросился на нее, лег, в борьбе она, ударив хвостом, расшибла парнишке грудь...

К. Коровин

12 октября 1932.
«Возрождение».

Ю. МАШКОВ

**РЕЧЬ СКАЗАННАЯ НА МАССОВОМ СОБРАНИИ
«ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ»**

Многие русские люди пытаются вырваться из Советского Союза, многие сидят за это в тюрьмах, концлагерях и психбольницах, многие погибают, чтобы только обрести возможность жить в свободном мире нормальной человеческой жизнью.

Мне в этом отношении повезло: я заплатил за возможность быть среди вас всего 17-ю годами советских тюрем и концлагерей. По советским понятиям, это не так уж много.

Резкий переход от предельного рабства к предельной свободе переживается мной как чудо воскресения из мёртвых, к которому я едва ли когда-нибудь привыкну. Чтобы по-настоящему оценить свободу, надо её хотя бы на время потерять.

Поэтому я думаю, что среди населения Америки нет и не может быть людей, более ценящих свободу и справедливость, чем бывшие узники коммунизма, испытывавшие на себе всю жестокость его террора.

И как бы ни складывалась здесь наша жизнь, мы никогда не сможем забыть наших прошлых страданий и страданий нашего народа и до са-

мой смерти будем благодарить Бога: слава Богу, что существует свободная Америка!

Но я погрешил бы против правды и оказался бы недостойным свободы, если бы умолчал об оскорблении, которое приходится терпеть русскому — и только русскому — человеку на свободной земле Америки.

Последние годы на этом самом месте собираются другие эмигранты из Советского Союза, которые проклинают не коммунистических палачей, а несчастный русский народ, называя его оккупантом, угнетателем и даже людоедом.

Большей лжи и большей несправедливости придумать просто невозможно! Такая подмена палача его жертвой идёт на пользу только палачу и может радовать только палачей!

Но простительно ошибаться националистам-русофобам, живущим мировоззрением прошлого века и совершенно не понявшим глобальной, антинациональной и антирусской сущности нового демонического явления, порождённого Карлом Марксом.

Простительно всякого рода сепаратистам-русофобам подменять борьбу с могучим всемирным коммунизмом борьбой с беззащитным и задавленным русским народом.

Так проще и безопаснее — бить лежащего, бить полумёртвого, бить народ, который был первым оккупирован, ограблен и денационализирован международной коммунистической бандой и дольше всех прочих народов терпит невиданный геноцид.

Куда печальнее и неожиданнее для нас, но-

вых русских эмигрантов, что Конгресс Америки, принимая в 1959 году закон 86-90 о порабощённых народах, не включил в их число русский народ, тем самым поддерживая ложь и клевету врагов русского народа и призывая, фактически, к руссофобии и расчленению России.

Вот этого мы в Советском Союзе не знали и потому считали Америку союзником русского народа в борьбе против коммунистического рабства.

И этот позорящий Америку закон не отменён до сих пор, несмотря на многочисленные протесты и разъяснения русских и нерусских защитников исторической правды!

Но то, что отчасти простительно нашим многочисленным руссофобам, вовсе не к лицу лидерам великой страны, провозгласившим себя защитниками справедливости во всём мире и имеющим все возможности узнать всю правду об истинном положении русского народа в коммунистической тюрьме народов.

А о его безвыходном и беззащитном положении можно судить хотя бы по тому факту, что среди освобождаемых большевиками в угоду западным правительствам политзаключённых нет русских политзаключённых, страдающих в тех же тюрьмах и концлагерях.

Вся русская эмиграция по всем странам своего рассеяния добивается — по своей скромности — освобождения только двух русских политзаключённых, погибающих за свой христианский и патриотический подвиг, — Игоря Огурцова и Владимира Осипова, — но правительства

свободных стран и коммунистические деспоты остаются глухи к нашим призывам, как будто мы вопием в пустыне.

Нас, русских, давят и уничтожают коммунисты на нашей Родине, которую они превратили в нашу тюрьму, а здесь, в свободном мире, нас отождествляют с нашими палачами и не оказывают нам — и только нам — никакой материальной и даже моральной поддержки! Невольно рождается подозрение, что мы живём в условиях всемирного антирусского заговора.

Такая явная дискриминация русского народа со стороны правительств свободных стран мира может иметь самые печальные последствия для всего человечества, потому что в решительную минуту может толкнуть русский народ на союз с деспотической властью, как уже случилось во время Второй мировой войны. Известно, кому пошло это на пользу!

Я обращаюсь ныне ко всем антикоммунистам, ко всем сторонникам свободы: не повторяйте ошибки Гитлера, который хотел уничтожить Россию посредством расчленения Советского Союза!

Нельзя победить коммунизм в СССР с позиции руссофобии! Нельзя освободить народы с позиции расчленения России! С этих позиций возможно только одно — заменить одну форму рабства другой, например, советскую — китайской.

Исторический опыт уже показал, что ни один народ не может вырваться из коммунистической орбиты, пока существует коммунистическая система. Прежде чем мечтать о самоопределении

порабощённых народов, надо уничтожить эту систему.

А это можно сделать только общими силами всех угнетённых народов, в дружеском сотрудничестве с русским народом, иначе все стремления к свободе — пустое и обречённое дело.

Интернациональную коммунистическую власть может уничтожить только интернациональный антикоммунистический фронт, включающий в себя русских антикоммунистов.

Истинный путь к свободе всех народов, порабощённых коммунизмом, начинается с отказа от руссофобии и сепаратизма. Только искренние друзья русского народа могут содействовать уничтожению советского коммунизма и освобождению народов СССР. Руссофобы же лишь ту же затягивают коммунистическую петлю на шее своих народов и умножают их страдания.

Поэтому мы, русские эмигранты, от всей души благодарные американскому народу и правительству за гостеприимство, молим всемогущего Бога: Спаси, Боже, Америку от всякой формы рабства и от всякой несправедливости к несчастному русскому народу!

Ибо от судьбы русского народа зависит теперь судьба всего человечества. Ибо не русский народ угрожает народу и правительству Америки, а всемирный коммунизм, против которого русский народ борется пока — увы! — почти в одиночку.

Пресловутый закон 86-90, враждебный и опасный не коммунизму, а русскому народу и парализующий в зародыше всякую форму эф-

фективной борьбы против всемирного коммунизма, должен быть рано или поздно отменён, и «Неделя пленённых наций» должна стать, наконец, неделей и русского народа!

Должен быть другой закон, составленный не по внушению исторических врагов русского народа, а отражающий истинное положение русского народа под коммунистическим игом и подлинные стремления нерусских народов.

В этом законе русский народ должен быть назван — в соответствии с истиной — первой и самой несчастной жертвой коммунизма, первым народом, потерявшим свою национальную свободу и независимость, первым народом, оккупированным интернациональной бандой служителей дьявола.

Юрий Машков
(Июнь 1979 г.)

Анатолий МИХАЙЛОВСКИЙ

О нашей «русскости»

Начну с нескольких положений, которые уже неоднократно высказывались мной как в докладах, так и в печати.

В течение последних двух десятилетий определенные ненавистники России — не только иностранные, но и «свои» — планомерно внушают миру, что Российская империя, якобы прикрывающаяся ныне маской СССР, уже приблизилась вплотную к завершению своего исторического пути. Численно невеликая, но напористая и голосистая часть «Третьей волны» эмиграции из Советского Союза открыто заявляет, что она ставит себе целью не только вбить кол в безжизненное тело России, которую уже похоронили, но и вырвать с корнем и стереть с лица земли и самый народ русский (притом не российский, а именно русский) и — главное — его духовную культуру. Андрей Амальрик, например, предсказывает ненавистной ему России гибель, распад на самостоятельные и независимые национальные республики, которые поглотят жалкие остатки русского народа — «работителя». Амальрик предсказывает даже и срок «исчезновения» России (не СССР, а России) с географической и — прежде всего — этнографической карты земного шара: это — восьмиде-

сятые годы Двадцатого века: 1100 лет после образования Русского государства и тысяча лет после Крещения Руси...

Правда, хоронили Россию и некоторые «интеллигенты» дореволюционных лет. В номере 133-м «Нового журнала», в «Заметках» критика и литератора Б. А. Садовского можно прочесть такие строки: *«Но одним минувшим разве прожить? А изнанку бытия, что сочится из старческих пор... всей Российской империи, можно ли считать жизнью? Ведь русская история кончается: неумолимый химический процесс овладел бесчувственным телом разлагающейся России»...*

И уже в наши дни один из поборников духовного возрождения Земли Русской, Игорь Шафаревич, ставит вопрос: Жива ли Россия? Ответ на него метаисторичен: *«Для приобретения сверхъестественных сил надо побывать в другом мире, пройти через смерть»*. Шафаревич приводит строки из «Пророка» Пушкина:

Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал...

Но ведь Россия — это историческая реальность, факт тысячелетней истории, которая не завершается страшным коммунистическим игом — ГУЛагом — над народами России и, прежде всего, над народом русским. А. С. Пушкин в письме к Чаадаеву, за несколько месяцев до своей смерти, в душевно гнетущей обстановке, начертал слова, которые поистине и ныне — зарок и завет всем русским, не утратившим живой ду-

ховной связи с исторической реальностью России: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, — такой, какой нам Бог её дал».

С Пушкиным, великим национальным и универсальным — вселенским — гением Земли Русской, перекликается уже в наши дни, на страницах сборника «Из-под глыб», Вадим Борисов, когда он пишет: «Последние десятилетия нашей жизни многих привели к пониманию давно известной, но постоянно пренебрегаемой истины, что для гибели народа совсем не нужно его полного уничтожения, — довольно только отнять у него память, мысль и слово — и душа народа будет убита». По словам того же Вадима Борисова, «в короткое время русский народ был доведен почти до полного исторического беспамятства, лишен национальной культуры, едва не потерял своей поруганной и растоптанной Церкви, чудом уцелевшей, — сделался, по мысли преобразователей, надежной основой сущего и грядущего интернационала»...

Понятие «Русь» стерлось в сознании целых поколений русских людей — так же, как и самое понятие «русский», которое слилось, стало тождественным с понятием «великорусский», «великоросс». Расчленители России — чужеземные и отечественные — могли, казалось бы, торжествовать: сами же «русские» начали постепенно забывать, что не только русское государство возникло уже в IX веке после Р. Х., но и русские племена, образовавшие это государство, сущест-

вовали еще ранее, занимая в начале своей исторической жизни область реки Днепра с его притоками, область озера Ильменя с его реками, а также верховья Западной Двины и Волги, лежащие в промежутке между Днепром и Ильменем.

Ныне, опираясь на древние первоисточники, на свидетельства не только византийских хроник и древне-русских летописей, но и арабских и грузинских историков и мемуаристов, можно с полным основанием утверждать, что первоначально речь шла о *военно-командующей норманно-варяжской «Руси»*. Славянская, «русская» уже по имени и крови *Русь* вышла на арену истории под главенствующим водительством «Руси» скандинавского происхождения. По меткому выражению А. В. Карташева, *судьбы той и другой Руси — скандинавской и славяно-русской — политические, культурные, духовные, бытовые — неразрывно слились в «едином русском море», причём «скандинавско-варяжский ручеек иссяк, потерялся в нём скоро и бесследно»... «Совершила и завершила это единство... духовная сила новой христианской веры, победившей убогое язычество в душах двух племен — северо-германского, норманно-варяжского, и славянского, русского. Зародилась Русь — уже как будущая нация, как государство, но и как Церковь.»*

Проф. С. Ф. Платонов, один из самых добросовестных и непредвзятых историков, в своем «Курсе русской истории» пишет:

«Культурные отношения с Византией повели к распространению на Руси Христианства и к

основанию *Православной Церкви* в молодом русском государстве. Новая религия и привнесенная ею византийская образованность имели сильное влияние на Русь и сплотили русские волости в *одно целое* культурными связями... Культурные связи оказались крепкими и создали из русских племен один, сознающий свое единство *народ*. В этом — *главное историческое значение Киевского периода русской истории*».

Летописец, составляя в Киеве свою «Повесть временных лет», рассказывает на *русском языке*, откуда пошла РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, откуда «Русская Земля стала». Повествуя о «призвании варягов» на Землю Русскую, летописец сообщает, что пришли три брата-варяга: старший, Рюрик, основался в *Новгороде*, другой, *Синеус*, — на *Белоозере*, а третий — Трувор — в *Изборске*, близ Пскова. Иначе говоря, Новгород, Белоозеро и Изборск составляли, вместе с Киевом, единую Русскую Землю, распадавшуюся на племена-волости. Свой родной город, «Мать городов русских», летописец воспринимает как средоточие не одной только волости Киевской, а *всей «единой и великой Русской Земли»*. «Повесть временных лет» переписывалась в разных городах, дополнялась летописными записями: Киевскими, Новгородскими, Псковскими, Суздальскими и т. д. Не случайно истории известна не только Киевская Русь, но и Русь Новгородская, и Суздальская Русь, и Юго-Западная Русь, и Карпатская Русь и Русь Белая, и Русь Червонная... Их ярким светочем была *Святая Русь*... А вплоть до осени 1917 года сотни и сотни тысяч паломников со всех концов России

— с Юга, Запада, Севера и Востока — нескончаемым потоком тянулись в «Мать городов русских», в колыбель Святой Руси и русской духовной культуры — в Киев — поклониться святым угодникам в Печерской лавре.

Христианство не только стало *душой* создавшегося в IX веке Русского государства. Оно *одухотворило* его. Со времени Крещения Руси всякий, крестившийся «по-православному», в «русскую веру», признавался «своим», русским. Принявшие Православие печенеги, половцы, хозары, а потом и татары, оставаясь нерусскими по крови, становились русскими *по духу*, родными, братьями. С этим неразрывно связана и еще одна черта русской государственности. Современный нам историк, Н. И. Ульянов, верно заметил, что в Западной Европе «многонациональному государству предшествовало государство одной национальности, подчинившей себе другие народы»; русское же государство «возникло сразу, как многонародное, и в нём не было господствующей нации». Однако, «без духовного подвига Владимира Святого», как верно замечает В. И. Алексеев, — «конгломерат славянских, скандинавских, финских, тюркских и других этнических элементов так и остался бы конгломератом и едва ли выдержал бы тысячелетие испытаний на крепость и единство»...

Православная Церковь стала символом народного единства в Православии: князей, из которых далеко не каждый был Ярославом Мудрым или Владимиром Мономахом, но мог оказаться и Святотополком Окаянным, — было много, а митропо-

лит на всю Землю Русскую был один, — столп веры, крепкого «стояния» и единения. Так и произошло, что половцы, печенег, хозары, татары, не говоря уже о «чуди» и «мордве», приняв Православие, «русскую веру», становились «русскими», а русские сознавали себя и в Киевской, и в Суздальской и в Новгородской, и в Псковской Руси прежде всего *православными*. До самого XX века русский крестьянин («христианин» — «христьянин») на вопрос о своей национальной принадлежности неизменно отвечал, что он — православный, и лишь потом добавлял «рязанский», «курский» и т. д.

Совершился упадок Киева, когда он стал жертвой междоусобиц между удельными князьями. Обозначились новые центры Земли Русской — Новгород, Владимир Суздальский и Галич... В первой половине XIII века на Русь совершенно неожиданно напали татары: «Явишася языки (т. е. народы) — говорит летопись, — ихже никтоже добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их и которого племени суть и что вера их»... Закончилось татарское иго для Руси в начале XVI века. Но не окончились для Руси беды от татар когда распалась Золотая орда. Как крымцы, так и казанцы, и нагаи, и все мелкие татарские орды, близкие к русским границам и «украинам», постоянно нападали на эти украины, жгли города, разоряли жилища и имущества, уводили с собой людей и скот. С этими постоянными татарскими набегами и разбоями русским людям пришлось бороться еще около трёх столетий...

В течение XV, XVI и первой половины XVII века культура Юго-Западной и Западной Руси (Украины, как стали называть её под польским влиянием) и культура Руси Московской развивались настолько разными путями, что к половине XVII века различие между двумя этими культурами стало очень глубоким. Правда, *живое сознание общерусского единства*, общность византийского культурного преемства и — главное — *общность Православной Веры*, в особенности в Восточной Украине-Малороссии, не позволяли рассматривать обе культуры, как вполне независимые друг от друга.. И если что спасло Юго-Западную Русь от гибели её национального лица, от ополячения и «латинства» (т е. от окатоличения), то это были, по меткому выражению С. П. Пушкарева, «силы, которые никак не укладываются в западно-европейскую колею: это были в XVII веке — *православный монах и казацкая сабля* (в союзе с московскими полками), а в XVIII в. к ним присоединилась новая сила — армия императорской России, благодаря которой русская императрица могла провозгласить: "отторженная возвратих". — Две культуры — русская и украинская — воспринимались и в Киеве, и в Москве как ветви одной и той же *общерусской культуры*.

В результате Люблинской и Брестской уний западно-русские области стали ареной борьбы: *национальной* — борьбы русского населения против полонизации, *религиозной* — борьбы Православия против «латинства» и унии, и *социальной* — борьбы широкой массы русского крестьянства

против угнетения его польской шляхтой. И вылилось всё это в борьбу Москвы с Речью Посполитой за «Украину Малороссийскую», которая и завершилась в 1654 г. воссоединением обеих частей Православной Руси. После этого воссоединения встал, вполне естественно, вопрос о *слиянии* обеих ветвей *общерусской* культуры. Практически вопрос сводился к тому, какую из ветвей русской культуры следует *целиком* принять и какую *целиком* отвергнуть.

Языковед и славист, ученый с мировой известностью, член ряда академий наук (в том числе и Венской), профессор Венского университета Кн. Н. С. Трубецкой, на своих лекциях и семинарах, касаясь истории русского языка, неоднократно выдвигал тезис, освещавший в необычном для слушателей аспекте некоторые хорошо известные *исторические* факты. По утверждению кн. Н. С. Трубецкого, вопрос о слиянии обеих ветвей общерусской культуры — «великорусской» и «украинской» (белорусская в то время не отделялась от «украинской») — *решать* должна была государственная, правительственная власть, т. е. в конечном итоге *Царь*. И Царь встал на сторону украинцев. Правда, московское правительство сделало в смысле признания «правильности» такого решения, при царе Алексее Михайловиче, только первые — но самые ответственные — шаги: «исправление» богослужебных книг (замена их московской — великорусской — редакции редакцией западно-русской, «украинской») и вся реформа патриарха Никона. По словам кн. Н. С. Трубец-

кого, «в этой области была проведена полная унификация, причем великорусское было заменено украинским». Но в остальной области культуры и жизни такой «унификации» до Петра проведено не было: на Украине царила чисто западно-русская — с сильной примесью польского влияния — форма русской культуры без всякой великорусской примеси, а в Великороссии — смесь московской культуры с западно-русской, причём в этом отношении одни представители высшего слоя населения (тогдашние «западники») шли довольно далеко, тогда как другие — тогдашние московские «националисты-почвенники» — старались, наоборот, соблюдать чистоту великорусской традиции.

Петр Великий, поставивший себе целью *европеизировать* русскую культуру, пришел к выводу, что для выполнения этой задачи пригодна только западно-русская (украинская) ветвь русской культуры, уже впитавшая в себя некоторые элементы западно-европейской культуры — в ее польской редакции — и проявлявшая тенденцию к дальнейшей эволюции в том же направлении. Великорусская ветвь общерусской культуры в силу своего подчеркнутого европофобства и тенденции к самодовлению, была для целей Петра явно *непригодна*. И Царь Петр решительно принялся за искоренение великорусской формы русской культуры, сделав *единственной* формой общерусской культуры — *украинскую*. Кн. Н. С. Трубецкой — на примере *литературного* творчества петровского и послепетровского времени — доказывал, притом

весьма убедительно, что «старая великорусская — московская — культура при Петре умерла». Русская — точнее *общерусская* — культура стала органическим и непосредственным продолжением *не московской, а киевской* (Феофан Прокопович, Стефан Яворский) — украинской — культуры. Проследить это можно по всем отраслям культурной жизни и её развития в России. Но, конечно, самый разительный пример — это литература.

Литературным языком изящной, религиозной и научной письменности — «книжности» — как в Московской, так и в Западной Руси, был язык *церковнославянский*. Но до XVII века язык этот в Москве и Киеве не был вполне одинаковым — как в отношении словарного состава, так и в отношении синтаксиса и стилистики. Уже при Никоне *киевская* редакция вытеснила московскую в богослужебных книгах. По словам кн. Н. С. Трубецкого, «церковнославянский язык, послуживший основанием для "славяно-российского" литературного языка петровской и послепетровской эпохи, как раз и есть "славяно-российский" язык *киевской* редакции». В одной из статей своих кн. Н. С. Трубецкой утверждал, что на рубеже XVII и XVIII веков произошла «*украинизация великорусской духовной культуры*». Единая русская культура послепетровского периода была западно-русской — украинской — по своему происхождению. Но русская государственность была по своему происхождению великорусской, а потому и *центр культуры* должен был переместиться из Украины в Велико-

россию. Культура эта стала ни специфически великорусской, ни специфически украинской, а общерусской.

«Культурная украинизация Великороссии и превращение западно-русской — украинской — культуры в культуру общерусскую совершенно естественно привели к тому, что эта культура утратила свой специфически украинский провинциальный характер. Специфически великорусского характера она не могла приобрести уже в силу того, что преемственность специфически великорусской традиции была окончательно и бесповоротно пресечена, и сохранилась разве только преемственность канцелярского языка московских приказных. Отсюда — отвлеченно общерусский характер всей послепетровской "петербургской" культуры» (кн. Н. С. Трубецкой).

Нет ничего удивительного, что в русском обществе появились течения, направленные к утверждению самобытности и выявлению русского национального лица. Течения эти были направлены именно против отвлеченности — «абстрактности» — общерусской культуры, стремясь заменить её конкретностью, и неминуемо принимали определенно областнический — «краевой» — характер: при всякой попытке придать русской (в смысле общерусской) культуре более конкретно-национальное обличие неизбежно приходилось выбирать одну из ветвей русского народа — великорусскую, малорусскую (украинскую) или белорусскую, ибо «общеруссы» — понятие сугубо абстрактное. И действительно — течения в пользу конкретно-национальной рус-

ской культуры протекали параллельно по двум руслам — великорусскому и малорусскому (украинскому). Знаменателен строгий параллелизм обоих этих русл. В области литературы, начиная с конца XVIII века, кн. Н. С. Трубецкой приводил целый ряд произведений *нарочито простонародных* по языку и по стилю; произведения эти образуют две строго *параллельные* линии эволюции — великорусскую и украинскую (малорусскую); в обеих наблюдается сначала пародийно-юмористическое направление: в великорусской — «Богатырь Елисей» В. Майкова, в малорусской — «Энеида» Котляревского. Оно сменяется затем романтически-сентиментальным направлением с упором на народно-песенную стилистику: кульминационный пункт в великорусской — Кольцов, в малорусской — Шевченко. Это направление, в свою очередь, в половине XIX в. переходит в направление «гражданской скорби» (своеобразное русское выражение западноевропейской «мировой скорби») и обличительство...

Итак, по Трубецкому, началом создания общерусской культуры послепетровского периода была *«духовная украинизация Великороссии»* (а никак не пресловутая «руссификация» Украины!). И эта общерусская культура преемственно связана с западно-русской — украинской — культурой допетровского периода, а не со старой великорусской культурой, традиция которой оборвалась в конце XVII века. Нельзя, наконец, отрицать того совершенно очевидного факта, что не только в создании, но и в развитии этой об-

щерусской культуры принимали деятельное участие — наряду с великороссами — также и украинцы, и белоруссы. Украины принимали в этом развитии участие именно как украинцы, не отрекаясь от своей принадлежности к украинскому народу, а утверждая её. Ибо не выкинуть из русской литературы Гоголя, из русской историографии — Костомарова, из русской филологии — Потебни и т. д., и т. д.! — Общерусская послепетровская литература для украинца — не ополячившегося и не перешедшего в католичество или в унию — никак не чужая, а своя...

Подведем некоторые итоги:

1.) Со времени Крещения Руси всякий, кто крестился по православному обряду, принимал «русскую веру», признавался *русским*, независимо от того, родился ли он в Киеве, в Суздале или в Новгороде Великом. Слово «русский» стало однозначным с понятием «общерусский», а впоследствии — и с понятием «российский», «россиянин». Понятие «русский» было шире понятия «великорусский», «малорусский» или «белорусский», таким оно и осталось вплоть до наших дней.

2.) В иностранном мире и у *нерусских* россиян, как и у русских, утративших или отрицающих по той или иной причине свою «русскость», проявляется неизбежно упорная — чуть ли не воинствующая тенденция называть и считать русскими только великороссов или — в виде исключения — «русифицированных» представи-

телей нерусских народностей, «жертв» так называемого «русского империализма и колониализма».

3.) Объединяющим и организующим началом, одинаково родным для каждого племени русского (в смысле общерусского) народа, заложенным в глубине народной души и в то же время способным стать основой и для ценностей, требующих квалифицированных носителей высшей общерусской культуры, — стала Православная Вера, конкретно олицетворяемая Православной Церковью Христовой. Некогда именно это начало было жизненным нервом всей русской культуры, и только благодаря ему оба потока русской культуры были способны вновь воссоединиться в едином русле.

Для православного русского (великоросса, украинца и белоруса) все естественные формы человеческого общежития — семья, род, племя, народность, нация — имеют в «мире сем» свое, благословенное Богом место. Но никогда не мирилось русское православное сознание со стремлением придавать той или иной из этих высоких, но относительных «мирских» ценностей абсолютное, самодовлеющее значение: абсолютен только Бог, подлинно реальна лишь жизнь во Христе, т. е. внутри Церкви Его, и степень ценности естественных форм общежития обуславливается исключительно мерою сопричастия их «Божьему делу», превращения их самих в члены мистического тела Церкви Христовой. С точки зрения русской (а не только «великорусской»,

«белорусской» или «украинской») идеи, как она отражается не только в творениях религиозной мысли, но и в народном сознании, с у щ е с т в е н н ы :

— обеспечение для отдельной — индивидуальной и соборной — христианской личности — в её абсолютном значении отраженного Лица Господня — полноты её духовного творчества, развития и совершенствования внутри данной общественной клетки, ячейки или организма, и

— целеустремленность личности и общества к общему благу, к идеалу соборности, к братству во Христе, к соединению всех внутри Церкви Христовой...

Говоря вкратце о «россиянах» и о понятии «российский», я сознательно не касаюсь проблемы отношения всего русского народа и общерусской культуры к нерусским и нехристианским «народам России». Это — особая тема, выходящая за пределы темы о «русскости». Скажу только, что сам я — уроженец Восточной Сибири, «чалдон», тоже своего рода украинец-окраинец. Иногородцы, с которыми русские (в Забайкалье) постоянно соприкасались, отнюдь не стремясь и не стараясь «русифицировать» их, — это буряты (монголы). Но сибирские старожилы называли бурят почему-то «братскими». А ведь они не были ни русскими, ни православными... Свою же статью о нашей «русскости» закончу словами проф. кн. Н. С. Трубецкого:

«После переживаемой ныне эпохи владычества коммунизма, когда духовная опустошенность,

безрелигиозной (а потому и антирелигиозной) культуры предстала в своем обнаженном виде и дошла до кульминационной точки, несомненно должна (уповая на помощь Господню) наступить решительная реакция. Будущая русская культура должна стать в идеале *оцерковленной* сверху донизу. Православие должно проникнуть не только в народный быт, но и во все части здания русской культуры, вплоть до высших вершин этого здания. Только тогда отдельный русский человек будет находить в русской культуре полное успокоение и удовлетворение для всех самых глубинных потребностей своего духа, и только тогда русская культура будет сверху до низу *единой* системой, несмотря на внешнюю свою краевую и племенную дифференцированность»...

В одном из шедевров литературы Киевской Руси — в «Слове о погибели Русьския Земли» — говорится:

«Всего еси исполнена,

Земля Русьская — о правоверная вера христианьская!»...

Анатолий Михайловский

Ген. АНДРЕЕВ

ВЫТЕСНЕНИЕ ВЛАСТИ МЕРТВОЙ БУКВЫ

...Война, «ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы...»

«Доктор Живаго», Б. Пастернак

Записки эмигранта

Наш друг М. М. Розанов, автор книги о концлагерях «Завоеватели белых пятен» («Посев», 1951), вышедшей первой из печатных свидетельств о лагерях нашей, «второй» эмиграции, недавно вновь заезжал к нам. Он давно взял себе в обычай посещать ежегодно в Америке бывших соловчан. Круг наш, правда, все более суживается, — осталось нас на всю Америку наверно два-три человека, некого и навещать.

«Завоеватели», включая вводную главу, показывающую лагерную механику и положение заключенных, до выхода книги печатались в «Посеве». Может быть это и повлияло на меня в том смысле, что я решил не писать большой работы о лагерях и ограничиться очерками «Соловецкие острова» («Грани» № 8, 1950), посвященными лишь некоторым сторонам виденного и пережитого там. Я считал, что книга Розанова

дает достаточное представление о лагерях той поры; кроме того, была книга И. Солоневича «Россия в концлагере», как и другие — и можно было ограничиться, на мой взгляд, отдельными эпизодами (о них и вторая моя лагерная книга «Трудные дороги», 1959). Кроме того, я дал много сведений Далину и Николаевскому для их большой работы о лагерях.

М. Розанов проработал в США на металлургическом заводе около двадцати лет, полноправно заработав себе пенсию по социальному и дополнительную по профсоюзному страхованию, дающую ему возможность жить, не помышляя о работе. Наше поколение однако не научилось жить бездумно, «для своего удовольствия», следуя прогрессистским проповедям о том, что жизнь должна быть легкой и приятной во всех отношениях, — мы привыкли искать себе заботы и занятия, может быть и лишние, не так уж общественно необходимые. Так и М. Розанов: недавно он выпустил новую книгу, над которой долго работал: «Соловецкий концлагерь в монастыре», 1922-29 годы. Это первая книга на эту тему, вскоре выйдет вторая.

Вышедшую книгу, по-моему, можно назвать пособием для будущих историков, которые возьмутся писать полную историю лагерей и условий содержания в них заключенных (когда однако это состоится? И состоится ли вообще?). Автор собрал все книги о лагерях, вышедшие за границей с 1928 года. Библиография к книге включает 62 названия, из них 24 на английском языке и по одной на немецком и польском. Розанов

разыскал и такие книги, о которых мало кто из читателей слышал. Прослеживая по ним начало лагеря в Соловках и его развитие, автор облегчил будущему историку работу по дальнейшим исследованиям.

Мы не раз беседовали с ним о его работе над книгой, делились и старыми впечатлениями о лагерях. Я с первых дней в эмиграции считал, что «советская действительность» (и не только в лагерях) настолько мрачна, бесчеловечна, что она «сама за себя говорит» и не нуждается, в рассказах о ней, в каком-либо нажиме и преувеличениях. Дело свидетеля — рассказать только о том, что он видел, что знает, не сгущая красок, — этого же мнения придерживается и М. Розанов. Иногда, правда, без хотя бы некоторого сгущения красок трудно обойтись: пережитое было подчас неправдоподобно жутким, — в спокойном же рассказе о нем оно теряло эту жуть, превращаясь в обыденщину, — чтобы этого не случилось, приходится «подкрашивать». По сути, вопрос здесь сводится часто к недостаточному умению передачи полной правды, — либо к невозможности изображения ее средствами литературы, из-за чего иногда и прибегают к описаниям, выходящим за пределы литературы, ее хотя бы весьма условных правил.

Есть, правда, и такие соображения: может быть, автор и усилил тот или иной факт, но из правдоподобия не вышел, — такой факт в невероятии лагерей мог быть, их практике он не противоречит, почему «усиление» не имеет значения. Пожалуй, так оно и есть. Все же нельзя,

по-моему, не видеть, что в таком случае мы переходим в область фантазии, а не правды, обязательной для свидетеля. А без показаний свидетелей невозможно составить полное представление о неприкрашенной ленинско-сталинской террористической обыденщине, о «быте», более страшном, чем любая фантазия.

Вопрос о выживании в лагерях относится к этой же области. Бывает, читаешь, у некоторых особенно размашистых авторов, что в лагерях погибали едва ли не все, — почти весь «списочный состав». Цифры мало когда приводятся, но утверждения о почти сплошной гибели заключенных попадаютсся нередко.

Вероятно, это один из тех вопросов, прояснить которые до конца никогда не удастся. М. Розанов пишет, что ежедневные строевые записки и подобные им документы в ОГПУ-НКВД-КГБ вряд ли могли сохраниться, — может однако статься, что, при маниакальном стремлении советских чинуш к сохранению «оправдательных документов», какая-то их часть могла и остаться. И без документов мы, свидетели, знаем: в лагерях погибало и погибло несчетно людей, но многие, пробыв там не год и не два, а десяток и больше лет, все же выходили «на волю». И «списывать» заключенных «по-Суворовски», который, по легенде, сказал однажды адъютанту, составлявшему рапорт о потере турок при очередной победе над ними: «Пиши больше. Что тебе, басурман жалко?» — тоже не годится.

М. Розанов напоминал, что в 30-е годы в лагерях была «норма смертности», своего рода

«контрольная цифра» ее — и если она превышалась, начальника этого лагеря, производителя работ и другое начальство могли привлечь к ответственности и строго наказать. Главным было выполнение плана и «перерасход рабсилы», ведущий к срыву плана, был преступлением.

Нередко вспыхивали эпидемии — тогда заключенные умирали тысячами. От плохого питания, в котором отсутствовали витамины, часто возникала цинга, — даже не смертельная, она сильно подрывала здоровье и заключенный после нее становился кандидатом на скорую смерть. Были периоды особенного разгула произвола, как правило, не без указки сверху, — тогда у заключенных трескали кости, на лесозаготовках, на земляных и других таких же тяжелых работах.

Справедливости ради следует сказать, что от произвола, в лесу и на других тяжелых работах страдали и гибли больше всего урки, ворьё. Эти для власти «социально-близкие» успевали обычно насолить всем: другим заключенным, еще в тюрьме, в пересылках и на этапах, где они без зазрения грабили соседей, иногда и убивали и где никакой управы на них не было. И когда они попадались в лесу десятникам, нередко пострадавшим от урок, или таким же надзирателям (примерно до середины 30-х годов большая часть лагерной ВОХР — военизированной охраны — состояла тоже из заключенных: из осужденных военных, работников НКВД и милиции и т. п.) спуска уркам не было.

Вспышки эпидемий, болезней или произвола кончались, — наступал, часто длительный, период «нормального» лагерного бытия. Положение заключенных в эти периоды определялось работами, которые выполнял лагерь. Кроме тяжелых, были и более легкие, опять-таки «нормальные» работы, не требовавшие перенапряжения. Например, в Соловках к тяжелым работам относились лесозаготовки зимой, летом лесосплав, когда приходилось работать и по колено в воде (вода в Белом море теплее 13-14 градусов по Цельсию не бывает), затем торфоразработки и работа на кирпичном заводе. Работа в Сельхозе, на Лесопилке, на Механическом заводе, на Электростанции и других постоянных занятиях мало чем отличалась от работы вне лагерей.

Когда привезли меня на Соловки (на остров) второй раз, в 1933 году, путь в канцелярии неожиданно оказался для меня закрытым, хотя оставались еще люди, помнившие о моей работе в первый срок на острове. Они требовали, чтобы меня назначили к ним, — ничего не получалось. Я недоумевал, почему меня не пускают, — потом узнал, что помощником начальника отделения в Кремле работает бывший чекист, на Морсплаве (преддверии Соловков на материке) работавший уполномоченным 3-й части и однажды что-то потребовавший от меня, что сделать я не мог, почему и отказал ему. Теперь он решил показать, что значит отказывать такому лицу. Месяца два я пробыл на общих работах, а потом попал на работу на лесопилку. Прежний лесопильный завод давно «сократили», увезя лесопильные

рамы на Беломорский канал, но одну лесораму оставили, для нужд Соловков. Около нее работала постоянная бригада, человек из десяти, под руководством бригадира, кое-что понимавшего в лесопилении.

Я пришелся в этой бригаде «ко двору» и закрепился в ней. И скоро почувствовал, какая это благодать, физическая работа не через силу, в дружной компании. Отработал положенные часы, бригадир запишет 102 или 105% выполнения нормы — иди в Кремль и ни о чем больше не думай. Когда, много лет, я работал в лагерных канцеляриях, голова всегда была занята: не забыть бы то или это, надо сделать еще вот это, — полностью отвлечься от работы было невозможно. А тут часы свои отрубил, норма выполнена — иди в роту с легкой головой и сердцем.

Бригадир, очень хороший и компанейский человек, часто выписывал для пилорамы технический жир, — из чего он приготавлился, нам было неизвестно (говорили, что может быть издохлых лошадей), а жир есть жир, в особенности, когда голодно. Я хорошо познакомился с одним полеводом в Сельхозе и доставал у него часто кулек картошки, две-три луковицы, — поджаренные на техническом жире, они были вкуснее любых изысканных яств.

Проработал я на лесопилке месяцев шесть или восемь, пока меня, «за спиной» и без ведома начальства, все же не перевели в одну из лагерных канцелярий, на привычную работу, почти против моей воли.

Таких, в сущности спасительных работ не

мало в каждом большом лагере, представляющем собой разветвленный производственно-хозяйственный комбинат с самыми разнообразными работами, включая и такие, на которых заключенный может вздохнуть несколько свободнее и подкрепить свои силы. На одной из таких не слишком изнурительных работ был и Иван Денисович, в повести Солженицына об одном дне заключенного. Он и жил не так уж плохо: помещался в роте на вагонной койке, что в наши времена было бы вроде как роскошью. В Соловках в Кремле, правда, большинство жило в старых монастырских корпусах, в камерах-кельях, по шесть-десять человек, и спали на топчанах, на мешках с соломой, — вне Кремля и на материке жили в бараках на общих голых нарах.

Питание, — но и нормы, и фактически выдаваемое в лагерях, — менялось десятки раз и какое-либо сравнение времен Ивана Денисовича и наших в этом отношении было бы совершенно несостоятельно. Несомненно однако, что Иван Денисович Шухов, лагерник опытный и бывалый, хорошо знал старое лагерное правило, что убивает пайка не малая, а большая (причина проста: и самый «ударный» паек не может компенсировать энергию, затраченную на то, чтобы получить такой паек).

Уместно тут кстати опровергнуть легенду, иногда встречающуюся в рассказах о лагерях, что будто бы нормы выработки в них были особенно высокие и потому непосильные. Нет, они были обычными; на лесозаготовках, например,

применялись нормы Наркомлеса, действующие по всей стране. Непосильными они были потому, что их устанавливали для рабочих, умеющих обращаться с пилой и топором и живущих в нормальных условиях, а не в лагерных. В лагере же, для заключенных, они были непосильны.

Однажды в Северных лагерях, широко известный тогда Васьков решил проучить меня за недостаточное послушание и приказал отправить на лесозаготовки. Прибыв в лес, на главный участок и заглянув в барак, где предстояло жить, я даже малость вструхнул. Но тут же узнал, что начальник здесь — инженер Мирзоев, с которым мы познакомились еще в Соловках, — с Северного Кавказа, он был отличный человек. Так что блат*) оказался у меня с первого же часа: Мирзоев сказал прорабу, тот десятникам, чтобы работой меня не утруждали и меня назначали то к дорожникам, починять лесовывозные дороги, то на пустяковую работу на катише, в предвидении сплава. Жить поместили к десятникам, — тоже не дворец, но с общим баракком не сравнишь. И все равно было не легко: подъем в 4.30, когда еще полная ночь. Получи завтрак, потом с час поверка, распределение на работу, развод. Получив инструменты, иди к месту работы —

*) Дрянное это слово, из воровского жаргона, впервые я услышал в 1927 году в Соловках и не старался им пользоваться. А в 1935 году, выйдя из заключения, проездом в Москве я убедился, что оно уже прочно вошло в общий обиход. Так с лагерной помощью власти старались ошпанить наш язык.

шесть, восемь и даже больше километров. И все это в трескучий мороз.

Силы свои я еще не берю и решил проверить, что получится, если попробую поработать в лесу без «филонства» (без ухищрений для обмана начальства). Попросил прораба назначить меня на лесоповал.

Напарник попался тоже тщедушный, слабосильный — и как ни старались, сумели сделать едва больше четверти нормы. Хорошо, что работали на новой деланке, в глубоком снегу: десятник мог сделать законную «скидку» с нормы, на большой, по грудь, снег.

В другой раз напарник попался тоже не из силачей, молодой городской парнишка. Также старались, как могли — и сделали не больше трети нормы. При всем желании больше сделать не могли: ни он, ни я этой работы никогда не делали и не знали, как ее делать. Из этих добровольных уроков вынес я мало: только то, что для такой работы нужна большая физическая сила и не малое умение, которых у нас не было. И зачем мне это умение? Я же не собираюсь быть лесорубом.

Другие тоже не собирались — и выполняли нормы на столько же.

Справедливости ради можно упомянуть, что были группы, выполнявшие нормы на сто и больше процентов, даже не за полный день. У нас это были опытные белоруссы-лесорубы; были и профессионалы-лесорубы с Верхней Волги и Камы, где с конца прошлого века велись большие лесозаготовки.

Но таких было мало. А большинство — большей частью горожане не выполняли и половины нормы. Иногда попадались физически сильные, — те делали половину нормы, немного больше.

Перед десятниками и прорабом каждый вечер вставал трудный вопрос: как вывести, что мы «почти выполнили» норму? 100% нормы давало право на получение килограмма хлеба, выше ста — 1.200 граммов. Выполнил на 75% — 800 граммов (эти цифры менялись), еще ниже — 600, если же выполнил только половину нормы или меньше — надо было сажать заключенного на штрафной паек — 300 граммов, тогда как хлеб был важнейшей частью питания. Но если обрекать человека на 300 граммов, спрашивать с него завтра работу будет бесполезно, — опять штрафной паек. Так день, два — заключенный переходит в разряд доходяг. А кто будет работать?

Наше ближайшее начальство подпаливало сразу два огня: хотелось помочь людям, не доводить их до полного истощения и потери сил. С другой стороны, этого нельзя делать и потому, что тогда они не смогут работать и начальству может сильно нагореть за невыполнение работы. Одно и другое неумолимо толкало к тому, чтобы «заряжать туфту», показать в сведениях больше сделанного фактически. Весной «туфта» обнаружится, в лесу окажется меньше заготовленных бревен, — но поди тогда, через несколько месяцев, разберись, кто давал неверные сведения. Риск был не большой.

Туфта была необходимым и неизбежным спутником лагерных работ, с самого зарождения лагерей. Возможно, что именно оттуда она перешла и во все отрасли работ на воле, в виде приписок и дутых «перевыполнений»: во время НЭПа этого явления еще не было. А в лагерях туфта уже процветала, — и лагеря принудработ отомстили за их учреждение, распространив эту свою отраву на всю страну.

Туфта в лагерях — великое средство спасения людей. Повторяю, применяло ее начальство и по необходимости, — все же ее надо относить прежде всего к проявлению взаимопомощи, спасающей людей от бесчеловечной власти.

Помощь эта была самой разнообразной. Например, в мое время интеллигентный заключенный (можете назвать его «образованцем», если вам так хочется), работающий в одной из канцелярий, встречая такого же заключенного, мыкающегося на общих работах, старался всячески перетянуть его тоже в канцелярию и тем избавить от мученья общих работ. Прораб замечал, что какой-то заключенный, которого он знал, как порядочного и добросовестного человека, физически сдавал, превращался в доходягу, — прораб отправлял его на легкую работу в какой-нибудь мастерской. Или устраивал на некоторое время в санчасть, чтобы он отдохнул на больничной койке. Такое оказание помощи в «нормальное» время встречалось едва ли не на каждом шагу, — помощи часто спасительной, без которой человеку бы погибать. В другой раз и совсем малой, только сохраняющей силы, облег-

чающей на время хождение по кругам лагерного ада. Но и скольким не повезло, скольким спасительной помощи не хватило, не пришлось ее вовремя получить и они погибли!

За восемь лет заключения мне не раз оказывали помощь другие заключенные, большую и малую, — и я много раз оказывал ее другим. Это была в полном смысле взаимная, обоюдная помощь, которая главным образом и помогала нам выживать.

Беседуя об этой стороне лагерного существования, М. Розанов целиком разделял мое мнение, — что в спасении людей в лагерях взаимопомощь была одним из главных средств выживания. Вспоминая ее случаи, мы перебирали большую и малую помощь, иногда совсем в сущности ничтожную, — из такой однажды вспомнился один случай.

«ПРИТКНИСЬ...»

За восемь лет в советских узилищах возили меня по-разному. Бывало со спецконвоем, даже и в наручниках, но больше в общих этапах. В поездах, на пароходах, на автомашинах, на лошадях, пешком. Как-то, помню, везли с Урала в «маршрутном этапе», от тюрьмы до тюрьмы. От Свердловска в Вятке остановка, потом в Перми, в Вологде. И везде грязь, смрад, голод.

Не помню уж точно где, наверно в Перми, приехали поздно, пока дошли от станции до тюрьмы, совсем ночь. Мороз градусов на 30. Вошли в тюрьму — в большой приемной с ши-

рокой дверью холодно почти как на улице. Дальше, по коридорам, потеплее. Распихали по камерам. Откроют дверь — оттуда таким духом шибает, что чуть с ног не валит. Камеры одиночки, а войти не войдешь: за дверью стена людей, — в одиночке тридцать, а то и больше человек. Надзиратели кое-как, коленками, впили нас, прижали дверью — вошли.

Меня притиснуло к краю коротких нар. На них лежит на одном боку, без шевеления, ряд тел, до стены, скользкой от дыхания и пота. В ногах лежащих другой ряд, эти сидят, опустив ноги на пол, дремлют. Правой ногой меня вдавило в коленку сидевшего, — коленка стала кажется еще каменнее и не шевельнулась, наверно было некуда.

Время текло, мы стояли, прижатые друг к другу. Упасть нельзя: подпирают со всех сторон. И воздух, густой, тяжелый, будто бы тоже держит. А ноги все-таки гнутся. Сначала дает знать усталость, потом ноги деревенеют, дальше каменеют. Они не болели, а, как однажды я слышал, — «гудели». Кровь застыла в них, они были, как тумбы.

И спина, и грудь каменели, затянутые в диковинный и невидный железный корсет. Постепенно и в голове «загудело», глаза закрывались. Наступало оцепенение, безразличие, отупение, тело твое словно больше не принадлежало тебе.

— Не выдержишь, — мелькает мысль в какой-то проблеск. Но я знаю по опыту: нет, можно долго выдержать, до утра. И утром...

И вот тут тот, к коленке которого прижата

моя нога, дотрагивается до нее и шепчет мне: — Приткнись — и показывает на крохотный освободившийся кусочек нар. Это он долго незаметно работал, отжимая ногами ноги соседа с другой стороны, освобождая вершок места мне. Прижимаю ногу к наре — какое сразу облегчение! Словно вся каменная тяжесть со спины, плеч, с рук и ног сдвинулась на эту ногу, сползает с нее на доску нар и я почти счастлив! Через полчаса, не больше, спина и рука опять окаменеют, нальются бетоном, — все равно, великое дело, хоть чуть отдохнуть, опереться на неподвижную доску. И время идет, на нарах пошевелились, и в ряду сидящих прошла некая волна, ряд словно посунулся и может быть еще всего через полчаса я повернулся и присел на нары, хотя еще не совсем, пока только оперся на них. Ничего, теперь еще немного и сяду, как следует. Пусть тело отдохнет, натрудиться оно еще успеет...

Повторяю, такого, помогающего, в те годы было много, большого и малого, иногда вроде бы совсем ничтожного, а поддерживающего. Бывало от знакомых, но бывало и от совсем незнакомых, как тогда, в камере в Перми. Было и так, что будто никакой помощи, только посмотрел человек сочувственно, сказал несколько человеческих слов, — тоже подбодрило, придало силы или веры.

Об этом не раз приходилось задумываться, — но в книгах о лагерях свидетельства о взаимопомощи редко встречаются. Помощь эту свидетели то ли не помнят, то ли, что вернее, не придают ей значения. О доносчиках или извергах

пишут подчас едва ли не с упоением, не стесняются и перехватывать, — а о том, как помогали друг другу, упоминать воздерживаются. Словно бы не интересный факт, внимания не заслуживающий. Но действительно ли не заслуживающий?

О КНИГЕ В. ШАЛАМОВА

Не поставлен вопрос о выживании и у Шаламова, в его «Колымских рассказах», — хотя ответ в них есть, но не обозначенный, не подчеркнутый. Рассказы Шаламова о Колымских лагерях вышли в прошлом году*) отдельной книгой, на русском языке. Факт выхода его книги, бесспорно, факт положительный, но о самой книге нельзя не сделать несколько замечаний.

Прежде всего: книга представляет собой увесистый булыжник. Издание за рубежом русских книг, главный читатель которых в России, мы всегда рассматривали и с точки зрения отправки книги «за железный занавес». В этом отношении «Колымские рассказы» изданы неудачно: книга с короткими страницами (всего их 896) получилась, как тяжкий ком. А ей легко можно было придать удобный формат.

Как обычно для автора, он, вероятно, хотел, чтобы в книгу вошло все, написанное им о Колыме, — угадывая его желание, издатель так

*) Варлам Шаламов. КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ. Overseas publications interchange LTD. London 1978.

и сделал. Поэтому наряду с законченными рассказами и очерками в книгу вошли и разные записи, заметки, мало что говорящие и нередко не имеющие ни художественной, ни познавательной ценности. Есть и прямые повторения. Так, рассказ «Последний бой майора Пугачева» целиком включен в растянутый очерк «Зеленый прокурор», где персонажам даны только другие имена. Зачем нужно это дублирование? Для увеличения объема книги?

На обороте титульного листа есть заметка, от издательства, что «некоторые из этих рассказов были напечатаны...» Надо уточнить: в книге 103 рассказа и очерка. Из них 15 были напечатаны ранее в журнале «Грани» и 47 в «Новом журнале». Иначе говоря, не «некоторые», а больше половины всех рассказов и очерков. Если бы было не так, откуда зарубежный читатель узнал бы о Шаламове-прозаике и высоко оценил его талант?

Предисловие написано М. Геллером, — литературно очень грамотно и очень, пожалуй, панегирично, может быть по правилу, что кашу маслом не испортишь. Но первая же, стандартная фраза вызывает досаду: «Трагическая судьба русских писателей не удивляет уже давно. Она стала как бы их предназначением...» — так и просится волошинское: «Неисповедимый рок ведет /Пушкина под дуло пистолета,/ Достоевского на эшафот...» К чему однако эта никак не оправданная здесь реминисценция? Шаламов и писателем стал после Колымы, а не до нее (до нее он писал только стихи, вполне благонадежные для

власти). И другая эпоха, другие условия и причины, другие люди... Или потому, что в каких-то кругах считается обязательным смешивать все это в одну кучу?

Геллер привел мнение А. Солженицына, высоко оценившего «Колымские рассказы». Но не упомянул о порицании им Шаламова, когда за подписью последнего в «Литературной газете» было напечатано, что рассказы его о Колыме написаны давно, они не актуальны и больше таких он не пишет. Если опускать это высказывание Солженицына, получится по Пруткову: подобно флюсу.

Вернемся к вопросу о выживании. Рассказ «Экзамен» Шаламов начинает так: «Я выжил, вышел из Колымского ада потому, что стал медиком, кончил фельдшерские курсы в лагере, сдал государственный экзамен. Но раньше... был другой экзамен — приемный, более важный», — его автор не выдержал, но на курсы все же был принят.

Автор совсем не знал химию. Преподавателя химии у них в Вологде в 18-м году расстреляли (в порядке ленинской «профилактики») и химию им не преподавали. Экзаменатор — академик, заключенный. Спросил формулу гипса, автор ответил: «Не знаю». — Академик остолбенел. Формулу извести? Тоже не знаю. Академик, пишет Шаламов, заподозрил неслыханную дерзость, он и позже считал эти ответы «личным оскорблением деятеля наук», — он ведь не знал, почему автор не знает химию. По другим предметам у автора были пятерки, академик видел,

что перед ним интеллигентный человек, — он поставил ему тройку и тем автора спас.

Как видим, вполне в стиле «приткнись», — но Шаламов пишет об академике неприязненно, без тени благодарности. Была и другая помощь, из той же категории «приткнись», но автор пишет, в другом месте, отчасти даже противореча самому себе: «В моей лагерной жизни почти не было безымянных рук, поддерживавших в метель, в бурю, спасших мне жизнь безымянных товарищей. Но я помню все куски хлеба, которые я съел, из чужих, не казенных рук, все махорочные папиросы. Много раз попадал я в больницы, девять лет жил от больницы до больницы, ни на что не надеясь, но и не пренебрегая ничьей милостыней...» Спасавшая «милостыня» осталась однако в его рассказах на втором, незаметном плане, как словно бы нечто малозначащее, внимания не достойное. Но так ли это? И не следует ли помощь друг другу, которая оказывалась нам и нами в гибельных коммунистических лагерях, всемерно подчеркивать и ставить даже впереди всех мучений и страстей?

ОСМЕЯНИЕ САМИХ СЕБЯ

К началу XX века многие из прежде бесспорных и почитаемых основ личного и общественного поведения подверглись окончательному «развенчанию» и осмеянию, как несостоятельные и подлежащие изгнанию из нашего морального обихода. В их числе сокрушительному ostracismu подвергли и любовь к ближнему,

как ненужную сентиментальную выдумку, — сколько остроумцев упражнялось в «отпрровержении» этой словно бы недостойной нас истины! Окончательно утверждающиеся и торжествующие плоское наукопоклонство и преклонение перед материализмом хотели во что бы то ни стало заставить всех считаться только с «чистоганом» и принизить человека до уровня животного, вероятно для того, чтобы легче было властвовать над ним.

Усилия в этом направлении принесли плоды, — до того, например, что мы теперь как бы стесняемся говорить о таком явлении, как взаимопомощь, это прямое следствие любви к ближнему, — стесняемся, боясь показаться «отсталыми». Между тем в условиях коммунистического властвования взаимопомощь была и остается, может быть, главным средством физического спасения народа и сохранения его хотя бы и подорванного нравственного здоровья.

«Закон взаимопомощи» действителен, конечно, не только для лагерей: он проявляется и «на воле», во всей толще населения. Но он, очевидно, до того обычное для нас явление, что мы редко его замечаем. Кроме того, в советских условиях оказывать помощь друг другу бывает и не легко, и не безопасно, почему о ней и избегают говорить, — но помощь все же оказывается и подкрепляет людей. Мы привыкли больше «разоблачать», обвинять самих себя, говоря, что мы без остатка съедены рабством, злобой, жестокостью, что мы сами сжигаем себя со света, наговаривая в этих обвинениях много пустой чепухи

— и не учитывая, что эти наговоры ослабляют наши же надежды на освобождение от комдиктатуры, с которой едва ли не большинство эмиграции в сущности смиряется, не видя возможности отделаться от нее и теряя в это веру.

Между тем, народ вовсе не остается совсем беспомощным, — иначе зачем бы власти держать такой огромный пропагандистский аппарат, и еще более огромную машину террора? Народ способен помогать самому себе, — в этой помощи и надо наверно искать ключ к высвобождению от «колдовской силы мертвой буквы»...

Недавно, беседуя с соседом, потербургским профессором, как раз о помощи друг другу в советском бытѐ, мы оба подчеркивали ее важность. «Мне так много и по разному, в разных местах помогали люди, нередко незнакомые, что не знаю, как бы я мог выжить без этой помощи», — говорил собеседник, которому сильно повезло в том смысле, что его ни разу не арестовывали и с тюрьмами и лагерями познакомиться ему не довелось.

Вспомнил я и о помощи, о которой писала вдова О. Мандельштама в своих воспоминаниях. Ей не помогли ни Фадеев, ни Эренбург и другие орденоносные, — помогли ей и поддержали ее дух рабочие фабрики, где она работала, и их жены, действительно простые русские женщины. И человек умный и внимательный, вдова поэта не забыла отметить эту словно бы ничтожную помощь, в противовес многим недавним советским писателям и околуписателям, выехавшим

за границу, взапуски, с увлечением и огулом опорачивающим нас всех, включая себя...

Пользовался помощью и я, уже после концлагеря. Поселившись в районном городке на нижней Волге, я не мог найти работу: единственным документом у меня была справка об освобождении из лагеря, — с ней, как я скоро убедился, найти работу не было ни малейшей возможности. Нашелся однако директор завода: после разговора со мной, он сказал, чтобы завтра приходил на работу. После он говорил мне: «С вашей справкой дело у вас было безнадежное. И я решил эту безнадежность «перебить», взять вас, — а там уже появится возможность», — так примерно и было.

Крупно выручил другой человек. Выйдя из лагеря, я долго снимал с себя концлагерную шкуру, отходил от лагеря. Я ощущал себя словно бы другим человеком, не как все: я прошел испытание, о котором многие окружающие даже не знали и я, в глубине, словно не считал все вокруг нормальным и имеющим прямое отношение ко мне, — к этому еще надо было привыкать. И когда, осенью, объявили очередной призыв в армию, я даже не читал приказ о призыве: он ведь не мог ко мне относиться.

И только через год, когда снова объявили призыв, я впервые подумал, что он может затрагивать и меня. В самом деле, в приказе говорилось, что призыву подлежат очередные возрасты — и все, не призывавшиеся раньше. Они должны были представить документы, почему пропустили прежние призывы. А у меня документов не

было: я должен был явиться на призыв еще в прошлом году.

Что предпринять? Наш новый делопроизводитель работал прежде в райвоенкомате, — сказал я ему о своей беде. Он отнесся серьезно: неявка на призыв в прошлом году, — говорит, — считается большим нарушением, но что-то надо придумать. Через несколько дней сказал, что надо хорошо угостить военкома и его приятелей. Я должен только купить продукты и выпивку, приготовит всё жена сослуживца, у него же и устроим пир, под видом празднования именин жены. Так всё и устроилось.

На призыве доктора много занимались со мной, но серьезного, освобождающего от армии, не нашли. Военком же нашел зацепку: после осмотра, в комиссии, просматривая мои бумаги, военком сказал, что, по приказу наркома обороны призыв в этом году производится по таким-то разделам закона о призыве в армию, — я под них не попадаю, по таким-то и таким-то параграфам, почему призыву не подлежу. С его авторитетным мнением комиссия не могла не согласиться и я получил «белый билет»: к службе в армии не пригоден, по таким-то статьям, со снятием с учета. О том, что я пропустил прошлый призыв, не было и речи: в военкомате об этом как бы забыли. А вспомни они — я мог бы опять загреметь в концлагерь...

Беседуя с соседом-профессором, мы говорили, что взаимопомощь в русском быту была всегда, это, очевидно, в нашем характере, — вспомним хотя бы помощь в деревне соседям. И бурное раз-

витие кооперации у нас в начале века тоже было связано с этой национальной чертой. Профсоюзов в России до революции не было, но после 1905 года на фабриках и заводах стали стихийно возникать кассы взаимопомощи, на основе той же потребности помогать соседу.

ДВА УСЛОВИЯ

А. Солженицын в сборнике «Из-под глыб» объявил первым и неперенным условием освобождения — «жить не по лжи». Не по лжи — значит по правде, — самое наверно трудное требование, которое можно предъявить любому человеку. «Жить по правде», т. е. правильно, праведно, могут лишь редчайшие люди, кого за это и почитают «праведниками». На них, как известно, земля держится, но и как их мало!

Условие это первое в христианстве. Мы однако от рождения и до смерти грешники и всегда были плохими христианами — и потому неперенное это условие для нас в сущности невыполнимо, по крайней мере всегда и неукоснительно. А если вспомнить советские условия, где ложь сознательно и усиленно внедряется с верха и проникает собой всю ткань жизни и где человек с детских лет, чтобы прожить, неизбежно должен к этой лжи приспособляться, каждый день вольно и невольно прибегая к ней, — будет понятно, что там, чтобы «жить не по лжи», люди должны быть героями, каждый день совершающими редко посильные им подвиги.

Я отнюдь не уверен, можно ли предъявлять

«подсоветскому народу» непосильные требования. Вместе с тем звать к широкому оказанию помощи друг другу — не сверхтребование. Такая помощь в советских условиях тоже может быть не легкой, — всё же она совершалась и совершается. Главное однако — чтобы она была осознана и принималась сознанием, как действие, очищающее и соединяющее людей, дающее им возможность проявлять свою волю на совершение добра, помимо и вопреки творимому над людьми партийному злу. Бытовая взаимопомощь — дело не политическое, — в то же время это средство сплочения, возвышающее души и тем помогающее им высвободиться из-под власти «колдовской силы мертвой буквы».

Все мы знаем, что одно из главных средств коммунистического властвования — разобщение людей, лишение их возможности свободного общения: общение взято под строгий контроль и может совершаться лишь по слову и в пользу диктатуры. Оказание взаимопомощи — тоже общение, которое может осуществляться помимо и вне контроля. Это одна из тех последних тесных щелей, в которые еще может протискиваться, к деланию добра, свободная воля.

«Жить не по лжи» остается первым, идеальным требованием к созданию идеальных общественных отношений, которые идеала, уже по нашей греховности, никогда не достигают. Оказание взаимопомощи — как бы практическое развитие задания стремления к идеалу. И распространяя об этом мысль, призывая к осознанной взаимопомощи, мы можем реально, хотя бы и в микроскопической

поначалу мере, помогать возрождению у нас вековой традиции создания здорового общежития народов России.

ИЗ СМЕЖНЫХ ЗАПИСЕЙ

Российская эмиграция — явление сложное, в котором встречаются последователи самых разных течений мысли, до коммунистов включительно, считающих себя, конечно, «истинными». В каше эмиграции все составные ее подчас и не разберешь, — но так ли уж стоит этим заниматься, не лишний ли это труд?

Разноголосица сказывается и в отношении к возрождению, что особенно выявилось после начала выхода данного журнала. О возрождении вообще высказываются самые разные мнения. Делаются, например, такие категорические заявления: «Сначала Возрождение, потом освобождение», иначе, дескать, освобождения не получится, оно утонет в новых потоках крови и т. п. Следовательно, о борьбе с коммунизмом помышлять пока нельзя: надо дожидаться возрождения. А если оно задержится? Так и оставаться под комдиктатурой, послушно гнуть шею, тащить и дальше коммунистический воз? И кто, позвольте спросить, будет определять, совершилось уже возрождение и насколько, — можно уже начинать что-то делать или надо еще погодить? И кто, на родине, послушается призыва к отказу от насилия, если какие-то группы, какие-то силы решат сопротивляться коммунистическому насилию более активно?

Поклонники «мирного возрождения» говорят,

что новую революцию, против коммунистического засилья, следует решительно отвергать, как и вообще насильственные действия против диктатуры. Странное, сказал бы я, требование. Диктатура гнет народ в бараний рог уже больше 60 лет, — а сопротивляться ей, тем более активно, оказывается, нельзя. Опять-таки, говорят нам, это вызовет ненужную резню, пролитие крови и т. д. Надо быть такими непротивленцами, каких свет не видывал, без усталости подставлять свои бока.

Что это за защита диктаторов? Зачем нам их защищать? Они сами защищаются, избивая нас, — а мы может быть должны их за это еще благодарить? Требующие отказа от насилия забывают и о том, что положение сейчас совсем другое: в России сейчас нет партий и организаций, проповедующих насилие и призывающих к нему. В 1917 году у Ленина насилие было главным средством удержания захваченной его партией власти, — это средство диктатура ревностно сохраняет до сих пор. Противостоящие ей никогда не проповедовали принципиальную приверженность к насилию, не проповедают и теперь. Чего же так боятся «мирные возродители»? И адвокатами каких дьяволов им хочется быть?

Главная и общая для всей страны задача — завершение совершенной не нами (а над нами) и влекомой дальше, по всему свету, никому не нужной и для всех губительной марксо-ленинской революции, начатой переворотом в октябре 17 года. У коммунистических эсэсовцев — у компартии СС, — за истекшее время было не мало возможностей провести эту операцию, закончить свое не-

потребство наиболее безболезненно, — вожди эс-совцев этого не хотят. Со своей давно обанкротившейся идеологией, дрожа за свои шкуры, ради личного спасения они тужатся продолжать «победное шествие коммунизма», решительно никому ненужное, кроме их самих. Конец этого шествия однако уже начинает чувствоваться: у коммунизма создается всё больше «слабых звеньев», рассыпающихся и при малом напряжении. И сил ему, вероятно, скоро брать будет неоткуда: на кубинцев или восточных немцев полагаться слишком нельзя, их не так много. Народам черной Африки или Юго-Востока Азии самим еще надо помогать. Запад, из оппортунизма и ложно понимаемой защиты своих интересов, понятно, будет продолжать помогать коммунистам, но на одной его помощи не выедешь.

Членам КПСС, вероятно, скоро всем придется осознать, что дело их идет к закату и что их ставка на своих вождей фальшива. Подвластное население будет это чувствовать — и, как обычно бывает в такой ситуации, будет усиливать свое сопротивление. И призывать в этой ситуации к отказу от активного сопротивления — значит стараться заглушать сопротивление, чем наша эмиграция ни при каких условиях заниматься не может.

На фоне огромности стоящей перед нами задачи и остроты положения ненужно и ни к чему звучат обвинения редакции журнала «Русское Возрождение» со стороны некоторых эмигрантов: редакция будто бы переоценивает и опасно относится к тем или иным явлениям на родине, счи-

тая их признаками возрождения, тогда как такими они могут и не быть. Возможно, что в журнале было допущено в этом отношении некое преувеличение — считать его чуть ли не преступлением будет даже не преувеличением, а просто забвением здравого смысла.

В возможных преувеличениях обвинители увидели перекличку с тем, что было в эмиграции лет 30 и больше назад, провели аналогию с «Трестом», разыгранным ОГПУ еще в 20-е годы, — аппетит у обвинителей разгорался по мере еды. И естественно думать, что если журнал допустил преувеличение, веря в возрождение и надеясь на него, то обвинения были проникнуты раздражением именно из-за этой веры, у обвинителей видимо отсутствующей. Может быть, они хотели сомкнуться с теми, кто в возможности национального возрождения видит бедствие для себя, даже пожалуй большее, чем коммунизм, и уже теперь зовет к походу против призрака «неославянофильства»?

Как и с теми, кто, по милости высоких хозяев попав без пересадки из лагерей за границу и обласканный здесь, спешит отблагодарить обе стороны категорическими заявлениями, что Советский Союз вскоре развалится на клочья «самостоятельных» государств? Здесь для многих такие слова — сладчайшая музыка (развалится! Значит, не надо слишком вооружаться, можно опять жить припеваючи, без страха и особых хлопот). А там, для вождей КПСС, эти заявления — большая «моральная помощь»: идейной опоры у вождей нет и если во вторую войну им пришлось обра-

щаться за помощью к национальной идее и национальным героям, то теперь подобное обращение надо делать более значительным и с его помощью разить не только внешнего врага, но и внутренних. Выступления, что их вотчина скоро развалится, помогают им выдавать себя за хранителей национальной идеи и традиций, — так ослепленные и одержимые ложными целями, опять уходя в добри ненависти и разрушения, помогают мнимым «хранителям» уцелеть.

О «Тресте» же, которым так пугают эмиграцию паникеры, пора сказать, что сравнения с ним не могут быть состоятельными. «Трест» был организован ОГПУ вскоре после гражданской войны, когда за рубежом были целые армии профессиональных военных, с боевыми генералами во главе и когда и внутри страны было множество людей, с оружием в руках готовых драться с коммунистами. ЦК и его Политбюро жили тогда в постоянном страхе восстаний и интервенции и требовали от ОГПУ надежной защиты, откуда и возник «Трест». Сейчас ничего похожего на ситуацию того времени нет, острота положения в другом.

«Органы», понятно, как тогда, так и теперь проводили и проводят новые провокации, для того они и существуют уже свыше 60 лет. Но попытка задержать всё внимание на давнем прошлом, полагая, может служить лишь плохую службу, уводя внимание на ложные пути.

Несмотря на оглушительный грохот, вой и визги современности, рвущейся в непроглядные бездны, колеса истории как всегда возвращаются медленно, подчас незаметно для глаза, — медленно

и незаметно зреют и вызревают в глубинах сознания народов и перемены в общих настроениях и устройствах. Три с лишним десятилетий прошло после окончания страшной, причинившей нам невероятные страдания и потери второй мировой войны, когда в недрах народного сознания незаметно подводился итог тяжкого опыта и когда в умах и душах вновь оживился и стал набирать силу процесс укрепления на неизменных основах национального духа и традиций, способных преодолеть любые бедствия.

Процесс этот тоже был незаметен и никто не мог сказать, куда и как будет он развиваться. Но теперь уже трудно отрицать, что он совершается и поведет к возрождению нашей родины. Об этом свидетельствуют многие, как оставшиеся там, так и выехавшие в последние годы оттуда на Запад. Достаточно сослаться на такие два авторитетные имени, как лауреат Нобелевской премии А. Солженицын и академик И. Шафаревич.

Нет сомнения в том, что коммунисты будут стараться подладиться под это возрождающееся народное сознание и как-то присвоить его себе, даже изображая себя инициаторами и возглавляющими и в этом случае: они всегда паразитировали на здоровых чувствах народов, разжигая в то же время и больные, нездоровые, чтобы укрепиться и уцелеть. Оставаясь паразитами на теле народов, они не изменяют своей природе. И никто не может сказать, как будет происходить и какие формы принимать борьба между здоровыми национальными тенденциями, ведущими к возрождению — к оздоровлению, к очеловечиванию жиз-

ни в стране, и силами, старающимися присвоить себе этот процесс и продолжать уродовать и умерщвлять всё живое. Но что борьба эта неминуема и что она, в разных формах, уже идет — в этом тоже сомнений нет.

Само собой разумеется, что наше дело — всячески способствовать победе народа, которая убрала бы коммунизм с шеи народов мира, — выполняемая этим, может быть, вселенскую миссию, возложенную на нас в новое время.

ЕЩЕ ИЗ ТЕХ ЖЕ ЗАПИСЕЙ

Как-то неожиданно в газете на русском языке в США вдруг вспыхнула полемика опять о несчастной и несчастной русской интеллигенции. И опять, благо это самое легкое дело, интеллигенцию нигилистически честили любыми словами, будто вымещая на ней свои личные несчастья.

Легкость этого занятия в значительной мере объясняется, вероятно, тем, что мы так и не удосужились поточнее определить, кого же надо относить к интеллигенции и к какой именно. И не удосужились прежде всего сами же наши выдающиеся и ведущие (в прошлом по крайней мере) интеллигенты, столпы и вожди интеллигенции, как правило, с неисправимым левым креном. Не сделали этого и авторы «Вех», хотя, казалось бы, им, так сурово писавшим об интеллигенции и самим принадлежавшим к ней, следовало бы прежде всего сказать, кого именно они имеют в виду. Может даже создаваться впечатление, что столпы и овжды сознательно не хотели это уточнять и оста-

лись в рамках известного определения прошлого столетия.

Тогда, в начале второй половины века, в годы рождения народничества и знаменитого «хождения в народ», это определение сформулировал талантливый критик Павел Анненков, позже писавший: «Интеллигенция представляет собой как бы воюющий орден, который не имел никакого письменного устава, но знал всех своих членов, рассеянных по лицу пространной земли нашей, и который всё-таки стоял по какому-то соглашению, никем в сущности не возбужденному, поперек всего течения современной ему жизни, мешая ей вполне разгуляться, ненавидимый одними и страстно любимый другими». Вот это «орденское» определение (отнесенное автором уже тогда к прошлому), несмотря на некоторые попытки уточнений, так и осталось в силе до наших дней. Оно разделялось и без критики принималось, например, Н. Бердяевым, — а кто же осмелился бы спорить с таким авторитетом, хотя, как правило, крайне категорические высказывания и приговоры его очень нуждаются в критике, а иногда и в отвержении.

Ф. А. Степун, ссылаясь на Мережковского, писал, что «Достоевский... всё же интеллигент, а Толстой нет. Причина в том, что в жизни и творчестве Достоевского чувствуется страстная заинтересованность в вопросах социальной жизни... И Толстой всю жизнь мучился вопросами социальной правды. Но его муки не носили характера общественного интереса, а были скорее личной этически-религиозной проблемой...» («Пролетарская

революция и революционный орден русской интеллигенции», «Мосты» № 3, 1959). Согласимся с этим уточнением, отметив, что и «заинтересованность в вопросах социальной жизни» для интеллигенции, по мнению Ф. Степуна, должна быть особой.

Много занимавшийся настроениями и влечениями русской интеллигенции Г. П. Федотов главными признаками ее считал «идеалистичность и беспочвенность». Вероятно, все столпы и вожди интеллигенции с этим приговором Федотова были бы согласны. Но приложим ли он ко всей нашей интеллигенции? Сошлемся на такого видного и бесспорного представителя этого слоя, как знаменитый химик Менделеев. Другого места в обществе у него нет; несомненна у него и заинтересованность в вопросах социальной жизни (хотя и не совсем та, на которую указывал Степун), не может быть сомнения и в его «почвенности», — между тем в свете «орденского» определения интеллигенции места в ней ему нет. Пример с Менделеевым (а такого не масштаба, но стиля интеллигентов в России было множество) показывает, насколько наши «столпы» были неточны в определении интеллигенции, даже когда специально занимались этим вопросом, — очевидно, даже не критику, а опорочение они считали более важным.

В одной из статей «Вех» дана уничтожающая характеристика русскому студенчеству, как сплошь состоящему из лентяев, лодырей, нежелающих учиться. Автору вероятно было невдомек: откуда же тогда брались у нас отличные

специалисты? И как могли в таком случае в России уже в конце прошлого века возводить сооружения на уровне мировой техники того времени, или даже опережая ее? В конце прошлого века в России построили Транссибирскую магистраль, тогда самую длинную в мире, с огромными мостами, — как бы могли ее провести, не имея отличных инженеров и техников?

В эмиграцию попало много тех и других — и более или менее быстро нашло себе применение в чужих странах, наравне с их специалистами. В 30-е годы во Франции построили самый быстроходный по тому времени океанский корабль, «Нормандию», — конструктором ее был русский инженер. Усовершенствованные вертолеты конструировал и ввел в обиход русский инженер Сикорский. Во всех областях науки и техники на Западе подвизались русские профессора, инженеры, техники-эмигранты, нередко на ведущих постах. Откуда бы они взялись, если бы русское студенчество было до революции таким безнадежным? Секретом остается, почему автору, мягко говоря, не точной статьи в «Вехах» о русском студенчестве захотелось увидеть его в таком превратном свете, хотя правду о нем видеть было легко. Тем более помня, что сколько-то лодырей и неучей всегда хватало и в западных Высших учебных заведениях.

Беда очевидно была в том, что правду не хотели видеть. Критикующие сильно клонили влево, — а левые всегда страдали косоглазием.

Вспомним российских бессеребренников-врачей, самоотверженных учителей, земских работ-

ников, кооператоров, — всё это составляло слой замечательных людей, появившихся только в особом духовном климате России. Но левые, выходцы как правило из революционных кругов, не разграничивали нашу интеллигенцию на революционную и — я бы назвал — деловую, а в собственных интересах может быть даже сознательно всю ее продолжали объединять в один «орден революционной интеллигенции», приписывая ей огулом ответственность за крушение монархии, а затем и за разгул разинско-пугачевского большевистского разбоя, с самого начала ставившего своей ближайшей целью — уничтожение русской интеллигенции. Попутно большевики стали создавать свой сходный слой, — но уже не интеллигенции, а советских специалистов.

Интеллигенции предстояла исключительная задача: стать ведущим и правящим слоем России, сменив выдохшееся и обессилившее дворянство, капитуляцией в феврале 1917 года доказавшее утрату былой способности вести страну. Большевистский разбой вместо этого уничтожил интеллигенцию, почти без остатка.

России предстоит еще возродить свою интеллигенцию. И здесь мы полностью присоединимся к тому, что писал Ф. А. Степун в упоминавшейся уже его статье о русской интеллигенции: «...Старая интеллигенция должна воскреснуть, но в новом облике. Не только России, но и всем европейским странам нужна элита людей, бескорыстно пекущихся о страданиях униженных и оскорбленных, которых еще много в мире (можно бы добавить: и останется много

всегда. Г. А.), строящая свою жизнь на исповедании правды, готовая на лишения и жертвы. Вот черты старой интеллигенции, которые должны вернуться в русскую жизнь. Дух же утопии, дилетантского распорядительства в областях жизни, в которых ничего не понимаешь, и легкомысленной веры в то, что истины изобретаются философами, социологами и экономистами, а не даруются свыше, должен исчезнуть...»

Ген. Андреев

Дм. ДРОЗДОВ (СВЯЩ. Дм. ДУДКО)

Двойное течение

(Выдержки — продолжение *)

Вызвали в Патриархию Ермогена. Архиепископа Ермогена!

Приехал он как будто робкий, растерянный. Беленький весь, худенький, задумчивый. Зашел к знакомому московскому священнику о. Валериану.

Пошли они к нему на колоколенку. Там обычно располагались священники.

— Неужели место? А пора бы, — тревожится архиепископ Ермоген.

О. Валериан улыбнулся, любит он улыбаться саркастически.

— А вы, Владыко, пенсию получаете?

— Да.

— Ну, наверно, думают надбавить... — И снова улыбается саркастически, непонятно чему.

— Отберут?

— Да нет... Зачем отбирать? Они вас только похвалят за ваши милые письма...

— Да, последнее я написал таки резкое. За-

*) См. «Р. В.» № 6.

махнулся на всех, чуть не всех обвинил в неканоничности... Справку о патриархах привел... И фактов много вопиющих!.. На епископа указал одного. Как тот раза три женился, раза три в священника рукополагался, два раза в епископа. И теперь при месте. Митрополит такой-то! Не мог удержаться...

— Ну вот, может вас за это и похвалят. Орден Владимира дадут...

Архиепископ понял, мягко улыбнулся. За-молчал. Задумался.

— Пойду.

И пошел.

Его ожидали. Собор целый.

С длинной бородой, нахохлившийся митрополит Никодим. Забегал глазами, как вошел Ермоген. Как будто было намерение спрятаться... А потом устоялся в одну точку. Непрístupный, с большими мешками под глазами. Глубокий старец. А всего-то лет тридцать шесть.

Митрополит Пимен не повернул голову. Суровый, иконописный сидел. Видимо, очень большой, страдание все-таки на его лице явное.

Митрополит Алексей радушный, как будто вскочит и скажет:

— Садитесь, пожалуйста, — но это так казалось.

Он только глазками водил. Другие по всякому смотрели, были даже злобные взгляды.

Поклонился архиепископ Ермоген честному собору.

Слегка кто-то ответил. И тишина. Тишина деловая, натянувшаяся до предела.

Сейчас что-то произойдет. Тишина всегда натягивается и обязательно она должна лопнуть.

Она сразу и лопнула.

Заговорил митрополит Никодим, глядя в какие-то бумаги.

— Мы Вас, Ваше Высокопреосвященство, вызвали по поводу Вашего неканонического действия. Вы смущаете Церковь Божию.

Тишина так лопнула, что сзади послышался чей-то трескучий голос, как-будто осколки летели от взорвавшейся бомбы.

— Вы на антисоветские действия нас сбиваете. Не дадимся на провокацию...

— Вас надо под арест..

Так и сказали. Кто-то все-таки поправил:

— Сослать в монастырь на покаяние...

— Пенсию отобрать, пусть потом пишет.

— Заелся слишком. — И так сказано было.

— Злоупотребляет нашим расположением.

— Мы уважаем вас, как умного.

— А что, и мы б не хотели?..

— Надо уметь ладить...

— А то не уживается ни в одной епархии.

— С уполномоченными везде ссорится.

— Наводнил все письмами.

— Хочет все переделать.

— Патриарху не подчиняется. — Архиепископ Ермоген стоял, слушал, смотрел долу. Голова то опускалась, то подымалась. Он пока ничего не мог понять и не знал, что ответить.

Стоял и слушал. Стоял и молчал. Худенький,

седенький... Казалось, воды не замутит. А глазки, хотя и печальные, но живые, умно и решительно смотрят. Как будто его глазок и испугались.

Тишина снова натянулась, но тишина такая, которая не лопаается.

Митрополит Пимен, кажется, постучал по столу.

— Ваше Высокопреосвященство, мы просим, чтоб вы нам ответили...

А он сказал два слова и снова замолчал.

— Я ничего неканонического не делаю. Против Советской власти не выступаю. Я хочу именно канонического...

Он хотел что-то сказать более, но запнулся, решил не раздражать их.

А они уже раздражились.

— Так мы против канонов?

— А почему, если мы неканоническая власть, вы получили сан архиепископа от этой власти?

— Почему тогда молчали?

— По-вашему, Патриарх незаконный?

Архиепископ Ермоген попытался было робко защищаться

— Вы поймите меня. Я чтоб именно все было хорошо. Вы читали мои письма?

— Да они канонически неграмотные... Кто-то выкрикнул:

— И кто вам дал право писать?

— Профессора только могут писать.

— Заграница вас подхватила.

В такой вот обстановке все проходило. Это

был не собор. Даже не собрание. Скорее всего это был самосуд...

И постановили: лишить пенсии...

Быть по сему! Быть ему, архиепископу Ермогену, простым монахом на покаянии...

Поклонился Архиепископ Ермоген честному собору епископов и тихо вышел оттуда.

На колоколенке его ожидали уже. Было много там, честных священников и честных мирян. Был и Алексей Яковлевич там, был и Самуил. Были все, кого могла вместить колоколенка.

Появилась тихая фигура Архиепископа. Перекрестился он и поклонился другому честному собранию. Здесь никто не ставил вопросов, только пытливо и осторожно смотрели.

Ермоген сел, потер виски, посмотрел открыто. — Может чайку? — попросил робко.

И сам засуетился. Взял у о. Владимира из рук чайник и разливал всем. Пришел не чтоб ему служили, а чтоб послужить...

Самуил потом рассказывал, что вот за это, за такое вот он готов был все ему простить. Хотя не так нужно...

Алексей Яковлевич, когда все уже немного отпили чайку, попросил благословение у архиепископа прочесть «Сон в Патриархии».

Он уже читал это другим. Все вздрогнули, может быть не к месту?

Архиепископ вздохнул.

— А что это?

— Послушайте.

Во время чтения Архиепископ, кажется, улы-

бался, потом пристально взгляделся в Алексея Яковлевича, задумался.

« С О Н В П А Т Р И А Р Х И И

На стогны града спустилась ночь. Хотя ночь теперь не с той тишиной, как когда-то бывала, но какая бы ни была ночь, сны все-таки снятся.

Итак, спит Москва, спит в том числе и Патриархия. Так как сон на этот раз снился всем один и тот же, то мы не будем пока называть никого по имени.

Спит, допустим, Х. Он отчетливо помнит, что перед тем, как ложиться спать, он забыл закрыть дверь, и уже улегшись в постель, вспомнил об этом, но не хотелось вставать, веки отяжелели, все мускулы ослабли...

И, кажется, началось блаженное засыпание. И вдруг в его спальню вваливаются незнакомые люди. Может быть, на первый взгляд незнакомые, а в самом деле он их, кажется, узнал?

Потом, когда они закричали, затопали, и, наконец, стали хохотать, он понял, что их знает, только не может припомнить.

И вдруг напряг память и вспомнил. Они часто приходили в Патриархию с определенными требованиями.

Требования ему не нравились, он даже пытался их уговаривать, но они стояли на своем. Он переставал сопротивляться и говорил:

— Ну, как хотите, теперь все в ваших руках. Можете расторгнуть договор..

И договор расторгали, обычно с хорошим свя-

ценником. Тот робко потирал руки, потом робко переступал порог и просил.

— Ваше Высокопреосвященство, как же мне теперь быть? Детишки ведь есть у меня...

— Я тебе говорил, — отвечал Х. — Нужно быть податливее...

— Да ведь совесть не позволяет, — пытался возразить священник. Х. хмурился.

— Совесть, совесть... А у меня, что ли, совести нет? А вот податлив. Требуют — значит соглашаюсь. Не мы, так другой сделает. А мы, может быть, и не так плохо. Все-таки мы, а не другой... А главное — место цело... А там Бог разберет, кто виноват. Так что теперь обижайся на себя самого...

Потом Х-у как-то становилось жалко этого священника и он ободрял его:

— Ну, Бог милостив, подыщем местечко. Только ты уж не артачься. Такое время. Как мы делаем, и ты делай. Не выделяйся. Не будь гордым, смири свою выю...

— Да какое гордый... Вот совесть... — снова пытался говорить о совести священник.

Х. выходил из себя:

— Ты мне эту совесть брось. Нашелся тут святоша. Иди. Совесть. Тут не до совести. Быть бы целу.

Священник уходил. А через некоторое время снова приходил, согнувшийся в три погибели, и приводил с собой еще своих деток. Хотел разжалобить, что ли?

И в самом деле достиг бы цели.

Но как только Х. завидел их бледные личики, сразу закричал рассерженно:

— Гнать его отсюда, здесь не богодельня...

Боялся, может быть, чтоб совесть не проснулась, он ведь говорил, что и у него совесть есть.

И священник уходил, уводил испуганных детишек. Этот испуг детишек Х. долго не мог забыть.

Одно время хотел было их отыскать, дать что-то из своих сбережений, но тут приспела заграница, он направлялся туда Главой делегации... И всякие выступления там, успех убирали из памяти Х. — этого священника с его испуганными детишками.

Он его забыл.

Что, где, куда его Бог определил?.. Может быть, его прощение и сейчас лежит в Патриархии без движения?...

Но ведь их много, всех этих бедствующих священников, всех не припомнишь, всех не нажалеешься, надо пожалеть и себя.

Ввалившиеся в спальню Х. меж тем расселись на стульях. Кто-то внес большой стол, накрыл чем-то красным.

«Что они такое задумали? И кто это?» —

Х. спал и одним глазком поглядывал на них. И вдруг вспомнил...

Это церковный совет, да, видимо, и не одного храма...

Как будто стены спальни раздвинулись и перед его кроватью оказалась огромная толпа.

— Чего же они хотят? — соображал Х. — Какие еще требования будут выдвигать? Ах,

злосчастный собор шестьдесят первого года! В печенках он у нас сидит. А ничего не сделаешь. Близок локоток, да не укусишь.

— Вы все спите? Товарищ, просыпайтесь...

Такого обращения Х. стерпеть не мог, он вскочил с постели и закричал:

— Это что еще такое? Я — епископ... А они преспокойнейшим образом улыбаются.

— Вы радуйтесь, что мы вас называли «товарищем»... Потом переглянулись друг с другом, моргнули своими хитрыми глазами.

— Ну что ж, этот поп не хочет быть товарищем. Не будем его так называть. Объявить ему свое решение.

И заговорили сурово и непреклонно.

— Так вот, бывший мракобес. С сегодняшнего дня мы решили, что нам церкви больше не нужны и вы тоже. Убирайтесь, куда хотите. Впрочем, мы вас можем выслать теперь, как тунеядца, если не устроитесь на работу. Хватит нас обманывать...

Х. помнит, что его это очень взорвало, как будто это было и не во сне, а наяву.

Он еще не сдавался. Тут же схватил телефонную трубку и начал звонить.

К телефону долго не подходили. Потом подошли и знакомый голос вяло произнес:

— Кто это?

— Епископ такой-то — даже кажется сказал:

— митрополит, — как это и в самом деле было.

— Какой епископ?

Он назвал себя по имени-отчеству, как обычно его там величали.

Наконец его узнали.

— Чего же вы хотите?

— Да вот пришло несколько церковных советов и заявили мне, что я лишаяюсь места...

— Это меня не касается. Это ваши внутренние дела. Притом, вам, кажется, известно, что вся власть теперь у церковного совета. Раз они так постановили — значит так и должно быть. Мы во внутренние дела церкви не вмешиваемся...

— Но я и вам служил. Я выполнял ваши приказания, — замолил Х.

Но там повесили трубку.

Что делать?

Ввалившиеся в спальню предъявили документ, по которому выходило, что Х. теперь не нужен и с ним договор расторгнут.

Только сейчас он понял все трагическое положение, понял, что был он в числе наемников...

Вспомнились, кажется, ему и евангельские слова: «Пастырь добрый душу свою полагает за овцы своя. А наемник не пастырь, он видит волка грядуща, оставляет стадо и бежит... И волк расхищает стадо».

Он окончательно проснулся, сел на постель и задумался... Ах, допустил оплошность... Перед сном оставил открытой дверь, вот и вошли эти люди...

Куда же теперь податься?

Между прочим, в спальне уже никого не было. Из спальни все было вынесено. Не осталось ни одного кресла, даже постель была вынесена, и Х. сидел на голых досках.

Стал перебирать в памяти, какую бы работу он мог теперь выполнять?

И ничего не мог придумать. Пойти военным — не примут. Стать преподавателем — не примут.

Грузчиком — не в состоянии. И решил он все-таки искать такой храм, в котором, может быть, еще нуждаются в священнике.

Много обошел он храмов. Многие храмы были закрыты, большой замок висел на дверях, были и такие, в которых и дверей даже не было. Многие храмы разбирались на кирпичи.

И вдруг около одного храма он увидел горбатенького человека. Сидел тот на паперти грустно и думал какую-то великую думу.

Дверь в храм была полуоткрыта и в храме шел какой-то оживленный разговор.

Сначала как будто показалось, что это поют там, но прислушался и решил, что разговаривают.

— Здравствуйте, добрый человек, — низко поклонился Х. сидевшему на паперти.

— Здравствуйте... —

Горбатенький человек внимательно взглядывался, он, кажется, узнавал в лице Х. священнослужителя, Х. был в рясе и даже с панагией, но может быть панагии горбатенький человек не заметил.

Добрые глаза горбатенького человека засветились, скрюченные пальцы растопырились, он выпрямил свои длинные ноги и оказался таким огромным... Настоящим громовержцем.

Ильей Муромцем... Нет, лучше Ильей—про-роком.

— Вы священник? — тепло, ласково, сердечно спросил горбатенький. И тут же поправился:

— Вы епископ?

Куда там епископ, он рад быть самым рядовым священником, только бы не искать другой работы, иначе с голоду можно умереть.

— Да, я священник, ваше боголюбие, — смиренно произнес Х.

— А как ваше святое имя? — также смиренно спросил горбатенький человек. И только Х. назвал свое имя, как в глазах горбатенького человека засверкали молнии, нахмурилось доброе небо глаз.

— Нет, нет, мы вас не желаем. Вы и этот последний храм закроете. Вы все подпишете... А он с таким трудом нам достался... Нет, нет, не желаем...

И тут же поднялся со ступенек, заковылял в храм и закрыл за собой дверь.

Плотно закрыл дверь. Сюда не войдешь. Это только Х. оставлял открытой дверь. А этот закрыл..

Кажется, начинала собираться гроза. Черная, черная туча надвигалась. Х. смотрел на нее с ужасом и думал, куда же теперь скрыться?

Но Х. пока еще не предвидел всего ужаса. Он все-таки в глубине души думал, что туча будет двигаться медленно, а она с невероятной скоростью росла. Стало так темно, как в самую

темную ночь. Все закрылось ее страшным мохнатым пологом.

Да, туча была мохнатой и этим самым она напоминала самого страшного мохнатого зверя, который заносит над тобой свою страшную пасть и вот чувствуешь, что он сейчас схватит тебя и все-таки не знаешь, в какую долю секунды.

И ожидание того, когда же он схватит, было самым мучительным. Лучше бы сразу схватил.

Но еще было страшнее то, что туча вдруг раскололась и как будто все небо обрушилось на тебя.

Вот сейчас задавит... И опять ожидание того, когда задавит, длилось самым мучительным образом.

Но и еще страшнее было, когда Х. поднял глаза и хотел взмолиться было Богу, как увидел Илью-пророка на огненной колеснице.

С такой он невероятной скоростью неся. Тройка с огромными копытами вот-вот, казалось, наступит на голову и все размозжит...

А еще страшнее было то, как увидел Х. в руках Ильи пророка меч и вспомнил, как тот истреблял...

Тут Х. от ужаса хотел спрятаться в самого себя.

И какое счастье! — вдруг Х. проснулся самым естественным образом.

Под малиновым абажуром горела настольная лампа и разливала мягкий убаюкивающий свет. Он, оказывается, забыл не дверь закрыть, а выключить лампу. Скорее выключил свет и побегал в Патриархию рассказывать свой сон.

— Ваше Высокопреосвященство, а вы знаете, какой я сон видел?

— И я видел, — отвечало другое Высокопреосвященство.

— А ну, какой?.. И тот начинал рассказывать.

Другой перебивал.

— Так стой, и я же такой сон видел.. Вот скажи, бывают и в нашей жизни чудеса. Ну да, пришли люди и сказали, что ты, то есть я, нам больше не нужен.. И я пошел искать храм, где еще, может быть, совершается служба.

— И увидел горбатенького на паперти?

— Ну да. И ты так видел?

— Вот именно и я так. Что это значит? А ну, давай спросим еще у одного Владыки.

— Ваше Высокопреосвященство, а вы никакого сна сегодня не видели?

— Да, знаете, интересный сон видел. Будто я теперь больше никому не нужен..

— А горбатенького видели?

— Да, да, видел..

— Он сидел на паперти?

— И как только назвал я свое имя, он хлопнул за мною дверь..

— Ну да. Вот именно так.

— А ну, спросим и еще у одного Владыки..

— Ваше Высокопреосвященство, не скажете ли вы нам?..

Пятому Владыке они еще не договорили, как он сам догадался, в чем дело.

— Да, скажите, видел.. И знаете, какой страшный сон видел?

— И горбатенького видели?

— И что он за вами захлопнул дверь?

— И грозу, может, видели?

— Да и грозу видел, похожую не мохнатого зверя...

— И Илью пророка, может, видели?

— Да, и Илью пророка... И что он занес надомной меч...

— Ах, все точно...

— Поразительно!

— Невиданно!!

— Неожиданно!!! И у кого потом ни спрашивали, оказывается, все работники патриархии видели один и тот же сон.

Что это значит?

В этот день в Патриархии нарушился привычный ритм работы. Все разгадывали взбудораживший всех их сон.

— Э! это не так просто, Ваше Высокопреосвященство...

— Да, да и я говорю, что не так просто.

— Но вот все-таки, что значит этот сон?

— Вы хотите сказать, как по Фрейду будет?

— Да что по Фрейду. Комплекс неполноценности у каждого из нас есть. Но я говорю, что это не случайно, и нам нужно что-то придумать...

— А может передумать?

— Придумать, передумать, думать... За нас все это делают.

— А нам все-таки отвечать.

— Вы, кажется, всерьез начинаете разгадывать сон?

— А как же. Бывают же сны от Бога? Мы не басурмане. Мы верим как-то в Бога...

Так ли это было или иначе, но одно определенно, что в Патриархии сейчас сон...

На стогны града спустилась ночь. Спит пер-вопрестольный град Москва, спит Московская патриархия. И вы не забывайте, что мы продвигаемся в сумерках.

Устали, должно быть?

Вот бы не свалиться. Не одолел бы страшный сон.»

Когда кончилось чтение, Владыка нахмурился. Снова молчание, тишина. Надо ставить какие-то вопросы.

И о. Валериан поставил.

— Ну как, — для чего вас вызывали?

— Пенсии лишили, — как-то неожиданно выпалил архиепископ Ермоген. Улыбнулся как-то довольно.

— Это уж слишком, даже я не ждал, — сказал Самуил.

— Совсем несерьезно...

— К чему мы придем? — кто-то поставил вопрос.

Этот вопрос повис над всеми, как Дамоклов меч.

Архиепископ вздохнул:

— О. Владимир, нельзя ли еще чайку?

На этот раз разливал о. Владимир, а Архиепископ подавал. Все спешили подхватить свою чашку.

Дм. Дроздов

(Продолжение следует)

И. А. ИЛЬИН

О ДЕМОНИЗМЕ И САТАНИЗМЕ*)

Я никогда не забуду этого впечатления. Сильно затянувшийся и утомительный съезд криминалистов, прибывших со всех сторон света, шел к концу. Мы сидели после ужина у нашего председателя, который своим спокойным тактом, умными глазами и мудро-седой головой привлекал всеобщее сочувствие. Непринужденные разговоры скрещивались и перебивали друг друга. И вдруг, как это бывает иногда, образовалась короткая пауза, в которую ворвались чьи-то слова, сказанные тоном искренней убежденности: «Но среди них попадаются люди, действительно одержимые

*) Публикация Н. Полторацкого. Courtesy of Michigan University State Libraries Special Collections. Copyright by Nikolai Poltoratzky. «О демонизме и сатанизме представляет собой главу из подготовлявшейся проф. И. А. Ильиным и оставшейся неизданной книги «О возрождении и обновлении России». В этой книге, помимо предисловия, должно было быть четыре части: «Кризис», «Недуги», «Обновление» и «Чем мы возродимся». «О демонизме и сатанизме» — четвертая глава первой части («Кризис»).

Характеризуемый здесь процесс сатанизации дважды определяется, как продолжающийся уже в течение 36 лет. Это потому, что счет ведется с 1917 года, а глава была закончена в 1953 году, в предпоследний год жизни ее автора.

сатанинским началом». И тотчас-же все заинтересовались и обратились туда, откуда прозвучали эти слова: тема была жгучая, ответственная и трудная, и всем хотелось услышать о ней еще и еще, и никому не хотелось высказываться о сомнительном и непроверенном...

Слова эти были произнесены немолодым человеком, с тонкими и несколько утомленными чертами лица, с сильной проседью в волосах и большими голубыми глазами, пристальный и спокойный взгляд которых тотчас-же вызывал у всех полное доверие. И вот посыпались вопросы: что такое «сатанинское начало»? как распознать «сатанинского» человека? и позволительно-ли вообще в наш просвещенный век говорить о «демонизме» и «сатанизме»? Ученый улей взволновался и приготовился не то критически слушать, не то критиковать, не выслушавши... Интерес становился всё острее, пришлось нашему председателю вмешаться и просит коллегу поделиться с нами своими наблюдениями и мыслями в непринужденной форме. И вот он рассказал нам следующее.

«Я психиатр по профессии, родом из России и работаю давно с дефективными обитателями тюрем. У изучил их в Англии, в Испании и в Германии. Я беседую с ними так, как если бы я не принадлежал к тюремному начальству, а приходил к ним как вольный гость и светский духовник. Я много наблюдал и немало пережил в этих беседах и мне не раз удавалось заглянуть в ожесточенные и действительно темные души. Среди этих людей есть множество несчастных, страдающих, внутренне раздвоенных душ, полу-шизофре-

ников, которым иногда удастся помочь. Но есть и *ц е л ь н ы е* натуры, без всякого раздвоения, которые просто *н а с л а ж д а ю т с я* з л о м и лишь постольку «несчастливы» и «страдают», поскольку им мешают злодействовать. Это так сказать «*тотальные преступники*», которых мы беспомощно наблюдаем и с которыми мы решительно не знаем, что начать. Их-то я и имею в виду, когда говорю о сатанинском начале в человеческой душе; и должен добавить, что в нашу историческую эпоху этот тип людей приобрел особенное, роковое значение потому, что эти люди *заболели политическим честолюбием и властолюбием и повсюду ломятся к власти...*

Я не хочу касаться богословских проблем и буду говорить только о том, чему меня научил жизненный опыт. Я знаю, что мы живем в веке «просвещения» и что люди этого века не признают существования личного дьявола. Это человекообразное существо, известное нам по плохим картинкам, с копытами, рогами и хвостом — исчезло для нас. По слову Гёте — от дьявола мы освободились, но злое начало осталось. И когда дьявол исчез из протестантских исповеданий, то им занялись с особенным вниманием — *искусство и философия*. Нам остался как бы его «плащ», и вот XIX век начал рядиться в этот плащ. Людям захотелось узнать о дьяволе побольше, как можно больше; захотелось поглядеть на него, вообразить себе его вид, узнать его мысли и желания. Стали художественно его изображать и это не удавалось, или удавалось плохо. Возник только ряд *демонических* образов. Люди не знали, что

сатана не имеет художественного образа, и он не поддается оформлению, ибо он есть отрицание закона, формы и искусства. Люди не знали, что человеческое воображение бессильно изобразить его.

И вот XIX век создал демонию. Возник демонизм сомнения, отрицания, разочарования горечи, эгоизма, гордыни, презрения и даже скуки. И всё это дышало дерзновением и вызовом; почти всё это доводилось до кощунства. Герои лорда Байрона имели явно демоническую природу. Мефистофель у Гёте, так-же как у Франца Листа — не более, чем демон. Демоническое начало появляется в «Разбойниках» Шиллера, в «Петере Шлемиле» у Шамиссо, там и сям у Э. Т. А. Гофмана. А нигилист Макс Штирнер прямо говорит языком самодовольного демона... Весь германо-романский романтизм постоянно был занят демонизмом и люциферианством: и больше всех Виктор Гюго, а за ним — Жерар де Нерваль, Нодье, Теофиль Готье, Альфред де Виньи, Барбе д'Оревильи, Беранже, Бодлер, Верлен, Рембо, Гюисманс, Бальзак, Мериме, Мишле, — а в музыке Лист, Гуно, Мейербер, Берлиоз... Одни боятся и со страху фантазируют; другие выдумывают, чтобы напугать. Связывают Сатану с ведьмами, с шабашем, со смертью, со всемогуществом, с ночью. Изображают его как «умницу», как «светоносного просветителя», как «забавника», как «волокиту», как «добряка», как «революционера», как подлежащего искуплению, как «двигателя прогресса», как существо требующее сочувствия и сострадания, как «вестника свободы и разума», как благородного

«протестанта»... Перебирают все возможные облики и комбинации, чтобы убедить себя в его «безвредности», «невинности», силе и привлекательности... — не понимая куда это всё ведет и чем это закончится... И не замечают, что все это становится проповедью человеческого само-обожествления и оправданием, т. е. разнузданием человеческой порочности.

К этой прозяавшей пропасти подошел Фридрих Ницше со своим большим писательским талантом и с больной, извращенной душой. Он пленился демонически-дьявольской бездною и возвеличил ее. Его последние произведения — «Воля к власти», «Антихрист» и «Се Человек» — содержат прямую и откровенную *проповедь зла* и выговаривают *сатанинские формулы*.

Всю совокупность религиозных предметов — Бога, душу, добродетель, потусторонний мир, истину, вечную жизнь и соответствующие им запреты и осуждения, — Ницше обозначает как «груду лжи, рожденной из дурных инстинктов натурами больными и в глубочайшем смысле вредными». «Христианское понятие Бога» есть для него «одно из растленнейших понятий, созданных на земле». Всё Христинство есть в его глазах лишь «грубая басня о чудотворце и спасителе», а христиане — это «партия забракованных ничтожеств и идиотов».

То, что он превозносит, — это «цинизм», *бесстыдство*; это есть «высшее, что может быть достигнуто на земле». Он прямо *взывает к з в е р ю* в человеке, к «верховному животному», которое надо во что бы то ни стало разнуздать. Он тре-

бует «дикого человека», «злого человека», «с веселым брюхом!»... Его пленяет всё «жестокое, неприкрыто-звериное», преступное. «Величие есть только там, где имеется великое преступление». «В каждом из нас утверждается варвар и дикий зверь»... Всё, что создает в жизни братство людей, — идеи «вины, наказания, справедливости, честности, свободы, любви» и т. д. — должно быть вообще изъято из существования». «Вперед же!», восклицает он, все «богохульники, противники морали, всевозможные беспочвенники, артисты, евреи, игроки, — все отвергнутые слои общества!»...

И нет для него большей радости, как видеть *«уничтожение лучших людей и следить за тем, как они шаг за шагом идут к гибели»*... «Я знаю мой жребий», пишет он: однажды с моим именем будет сопряжено воспоминание о чем-то чудовищном, о кризисе, какого никогда еще не было на земле, о глубочайшем совестном конфликте, о приговоре, вызванном против всего, во что дотоле верили, чего требовали, что свято чтили. Я не человек, я — динамит!»...

Так оправдание зла нашло свои *суще-дьявольские*, теоретические формулы; и оставалось только ждать их осуществления. А мы читали всё это — и не понимали, не видели, куда это ведет. Искусство возвеличило демонизм; *нашелся* философ, который выговорил затаенную идею сатаны: *убить лучших людей и наслаждаться зрелищем их гибели*. Религия «просвещения» разубери-лась в дьяволе; искусство стало браться с ним, воспевать его; жизнь отзывалась на всё это —

явлениями сущего сатанизма. Ницше нашел своих читателей и почитателей, даже в среде пасторов, объявивших его «великим освободителем»; другие приняли его доктрину, отвергли различие добра и зла, сочетали ее с доктриной Карла Маркса и принялись за осуществление этой страшной идеи 36 лет тому назад.

Мои наблюдения привели меня к выводу, что «демонический человек» совсем не есть самое страшное в жизни. Надо различать между «демонизмом» и «сатанизмом». *Демонизм* есть дело человеческое; *сатанизм* есть дело духовной бездны. *Демонический* человек предается соблазну; одержимый любопытством, он играет в добро и зло, смешивая их и меняя их наименования; в худшем случае, он предается своим дурным страстям и может еще одуматься, рассказать и обратиться. Но человек, в которого, по слову Евангелия, «вошел сатана», одержим чуждой, потусторонней, внечеловеческой силой и становится сам человеко-образным дьяволом. *Демонизм* есть преходящее духовное помрачение; его формула — «жизнь без Бога», протест против Божественного, «независимость человеческого произволения»... *Сатанизм* есть полный и окончательный мрак духа; его формула — «нивержение Бога», «попрание всего священного», «угашение всех божественных лучей», «унижение и погубление праведников». В *демоническом* человеке бунтует неукротенный инстинкт, не облагороженный замолкшим сердцем и поддерживаемый холодным рассудком. Человек, одержимый *сатанинским* началом, действует подобно чужому

орудию; он как бы служит злу, зависти, злобе, ненависти, мести, и в то же время наслаждается своим отвратительным служением.

Можно было бы сказать, что демонический человек *з а и г р ы в а е т* с сатаной; играя, он «облекается в него», вчувствуется в него, рисуется его чертами; он тяготеет к сатане: испытывая, наслаждаясь, предчувствуя ужас и изображая его, он вступает с ним (по народному поверию) в договоры и, сам не замечая того, становится его удобным «жилищем»... *С а т а н и н с к и й* человек утрачивает себя и становится земным инструментом дьявольской воли. Кто не видал таких людей, или, видя, не узнал их, тот не знает подлинного, первоначально-исконного и завершённого зла и не имеет верного представления о сатанинской стихии.

Наши поколения поставлены перед ужасными, таинственными проявлениями этой стихии и доселе не решаются выговорить свой опыт в метких и точных словах; и не знают, что начать. Здесь мы встречаем нечто чудовищное, что нельзя изобразить в осязательных, строгих формах и о чем легче говорить в символических намеках. Можно было бы описать эту стихию, как «черный огонь»; или определить ее как вековую, неутолимую зависть, как неисцелимую ненависть, как дерзающую свирепость, как агрессивную, воинственную пошлость, как вызывающе-бесстыдную ложь, как абсолютное властолюбие, как презрение к любви и к добру, как попрание духовной свободы, как жажду всеобщего унижения, как радость от унижения и погубления лучших лю-

дей, как а н т и - х р и с т и а н с т в о . Человек, поддавшийся этой стихии, теряет духовность и влечение к ней, в нем гаснут любовь, доброта, честь и совесть; он предается сознательной порочности, противоестественным влечениям и жажде разрушения; он кончает вызывающим кощунством и человекоумучительством. Но и этого мало: он полон ненавистью к людям духа, любви и совести, и не успокаивается до тех пор, пока не поставит их на колени, пока не поставит их в положение предателей и не сделает их своими порочными рабами — хотя бы по внешности.

Вот этот черный смерч идет сейчас над миром. Игра в демонизм идет к концу; *началось трагическое осуществление сатанизма*. Подготавливавшееся в искусстве вошло в души и стало реализоваться в жизни. Целые народы поработены людьми сатанинского нрава и дьявольской политики. И всюду — лучшие гибнут, а худшие всплывают на поверхность, распоряжаются и губят. Но смысл этого процесса, его глубину и духовную значительность улавливают всё еще немногие. Большинство или не верит событиям, разворачивающимся уже в течение 36 лет, или соблазняется призывами и лозунгами дьяволоподобных людей, или же *втайне сочувствует и незаметно помогает совершающемуся*. И доселе, мы находим в литературе — то в журналах, то в книгах — сочувствие, выражаемое демонизму и сатанизму. Вот появилась книга «Апология зла» (т. е. оправдание порока); вот статья «Побеседуем о дьяволе»; вот еще статья «В защиту сатаны»... А вот реформатский богослов-профессор доказывает в

популярной газете, что имя «Мефистофель» искажено, что его надо читать: «Мегистофель», что означает «самый полезный», и т. д. и т. д.

Эта стихия проявляется в людях однородно: слабеет и исчезает духовность, начинается разложение, разнуздание, разрушение; всюду обнаруживается осознавшая себя порочность, половая извращенность, предательство среди чиновников, ученых, и духовенства, упоенное человекоутиительство и необузданное властлюбие — то слева, то справа.

Личное переживание этой сатанинской стихии вызывает в здоровой душе ужас и отвращение, которые могут перейти в настоящее телесное заболевание: симпатическая нервная система, имеющая свои нити и концы во всем организме, заболевает с п а з м а м и, которые ведут сначала к нервной «дурноте», потом к функциональной дисритмии во всем организме (сердце! желудок! мозг! кровообращение!) и могут закончиться душевным заболеванием, самоубийством или прямой смертью.

Мы все должны научиться узнавать таких людей по наружности, не дожидаясь их деяний. Их можно узнать по острым, злобным, фальшиво шныряющим глазам, по ненавистой, презрительной кощунственной улыбке, по резкому, больному голосу, по напыщенным, хвастливым, угрожающим словам и по лукавым, предательским делам. Русские люди давно уже имели возможность изучить их: они обязаны знать, к т о т е и о т к у д а; и всё-таки они то и дело ошибаются, верят провокаторам, возвеличивают бес-

стыдников, торопятся прицепить свой челн к корме «большого», хотя бы и проклятого корабля. А люди западных стран доселе не разумеют этого явления, не хотят понять его и берутся за ум слишком поздно.

Вот людей такого извращения, такого строя я не раз встречал в тюрьмах разных стран и всегда с ужасом думал о том, *что они будут делать, когда захватят политическую власть*. О них-то я и сказал, что они одержимы сатанинским началом»...

Весь этот импровизированный доклад, изложенный в тоне спокойного, но поистине трагического созерцания, был неожидан и мы все чувствовали себя потрясенными. Все молчали. У всех было чувство свалившегося бремени, опасности, жути, тем более, что сам докладчик внушал полное доверие к себе. Но через несколько минут все вдруг и сразу заговорили и, конечно, разошлись в своих мнениях. Но отвергать сообщенные данные никто и не думал.

И. А. Ильин

Владимир САМАРИН

ПУТЬ ПОДВИЖНИЧЕСТВА

(Памяти Архиепископа Андрея)

1.

Жизнь покойного ныне архиепископа Русской Православной Церкви за рубежом Андрея Роклендского была и подвижнической, и полной истинно чудесных событий.

Чудеса совершаются и в наше окаянное время. Именно в наше время чудеса свершаются, может быть, чаще, чем во времена относительно светлые — только не всегда мы замечаем их.

И чем пристальнее всматриваюсь я в то, что известно мне о покойном Владыке, тем явственнее очерчивается необычность его жизненного пути.

В 1971 году Русское Зарубежье отмечало 50-летие служения Церкви Владыки Андрея, тогда Епископа.

В 1972 году в русском зарубежном журнале «Возрождение», № 238, прекратившем, к сожалению, свое существование, был опубликован мой очерк, посвященный Владыке Андрею.

Теперь, после кончины, решил я собрать больше материалов и свидетельств о жизни

его. Обратился к князю Д. В. Мышецкому, который 55 лет шел рядом с Владыкой, ставши и другом его, и духовным сыном.

В письме за 27 декабря 1979 года, через полгода после кончины духовного отца и наставника, князь Дмитрий Владимирович писал мне:

«Мой родной отец Владимир Дмитриевич умер за несколько месяцев до моего рождения, и я никогда его не знал. Когда мне было 21 год, я встретил Владыку, тогда батюшку отца Адриана, и он заменил мне отца. Так продолжалось 55 лет. Владыка был центром моей жизни».

Потрясенный смертью Владыки, Дмитрий Владимирович почувствовал такую внутреннюю опустошенность, что долго не мог ни за что взяться, даже просто письма, как пишет, написать не в состоянии был.

Я понимаю его: кончина архиепископа Андрея невозмещимая утрата для многих, кто знал Владыку, глубоко почитал и любил. Побеседовавши с ним хоть раз, его нельзя было не чтить, не любить.

Князь Дмитрий Владимирович и дал мне не только биографические сведения, нужные для посмертного очерка о Владыке, но и обрисовал, что особенно важно, его духовный облик, светлый и немеркнущий, за что приношу Дмитрию Владимировичу великую благодарность.

2.

Архиепископ Андрей, в миру Адриан Адрианович Рымаренко, родился 28 марта (по новому

стилю) 1893 года в г. Ромны, Полтавской губернии, в семье промышленника, когда-то богатой, но разорившейся.

После окончания Роменского реального училища поступил в знаменитый в России Политехнический институт, с отличием окончил курс наук как раз к тому времени, когда началось крушение России, когда захватывали и захватили в России власть бесы Достоевского во главе с Лениным-Троцким.

Россия превратилась в аббревиатуру — сначала в РСФСР, а затем в СССР. Но и в этой «аббревиатуре», в стране, что, по слову Гумилева, могла быть раем, а стала «логовищем огня», молодой талантливый инженер мог жить относительно спокойно и безбедно. Если бы решил приспособиться к новому строю.

Но Адриан Рымаренко выбрал иной путь — тяжелый, но честный. Материального обеспечения и впомине не было, но зато совесть оставалась чистой. Это был путь подлинного торжества духа над косной материей.

Он увлекался Достоевским, изучал его, все глубже проникал в тайны христианского учения, очищающие душу; встречался и беседовал с истинными пастырями. Решающую роль в выборе направления жизненного пути сыграло посещение Оптиной Пустыни, знакомство со старцем Нектарием, учеником великого старца Амвросия.

О старце Нектарии рассказывает прот. Сергей Щукин, тоже инженер по образованию, тоже принявший священство после революции, принадле-

жавший, как и Владыка Андрей, к Русской Зарубежной Церкви, ныне покойный (умер в 1977 году в Канаде).

В очерке «Мое посещение старца о. Нектария в 1918 году», опубликованном в № 6 «Русского Возрождения», отец Сергей нарисовал облик необыкновенный.

Рассказывая о старце Нектарии, последнем русском старце, умершем в 1928 г., отец Сергей писал, что слушая собеседника «... отец Нектарий смотрел куда-то вниз, но создавалось впечатление, что он слушает вас не ухом, а каким-то другим, внутренним органом восприятия, что ему, собственно, важны были не сами слова, а нечто другое, что старец старался уловить».

Всего несколько слов, сказанных старцем молодому человеку Сергею Щукину, и определили его дальнейший путь служения Церкви.

Было и некое предзнаменование, нечто необычное, в жизни Владыки Андрея, о чем Владыка рассказывал кн. Дмитрию Владимировичу. Будучи еще молодым человеком, работал Адриан Рымаренко статистиком в Полтавской губернии, объезжал с другими статистиками села и деревни. Он уже тогда решил принять священство, но никто из его попутчиков этого не знал. И вот во время поездки происходило что-то странное. Всякий раз, когда подъезжала подвода к очередному селу, раздавался колокольный звон. Мог быть в одном селе (не во всех же!) престольный праздник. Мог архиерей объезжать свою епархию, но архиерея нигде не встречали. Между тем, как только подъезжали

к селу, — колокольный звон. Один из спутников сказал: «Это неспроста: быть кому-нибудь из нас архиереем».

Засмеялись молодые люди, не подозревая, что слова эти были пророческими.

3.

Молодой человек, инженер Рымаренко, не раз беседовал сначала со старцем Анатолием, затем с его преемником Нектарием. Оба старца дали один и тот же совет: идти по пути служения Церкви.

Еще в Политехническом институте вступил в христианский кружок. Членом такого же кружка был и отец Сергей Щукин. Кружки эти были популярны в Петербурге того времени. В них занимались изучением разных религий. Изучали и Священное Писание, но не касались Церкви. Адриан Рымаренко, как и другие участники кружка, скоро почувствовали неполноту таких занятий и обратились к православному священнику профессору богословия отцу Иоанну Егорову, который и создал Православный христианский кружок.

Таким образом, в Оптину Пустынь будущий архиепископ Русской Церкви попал уже церковно подготовленным.

После бесед со старцами Анатолием и Нектарием решение было принято окончательное. Никаких колебаний не было, как не было колебаний и на том пути, которым шел пятьдесят с

лишним лет священник Адриан, а затем епископ и архиепископ Андрей.

Чтобы стать священником, нужно жениться, и Адриан Рымаренко женился.

14 октября 1921 года его рукоположили во диакона, а через три дня во священники. В том же году получил назначение в родной город Ромны.

Пастырская деятельность молодого священника развивалась под руководством старца Нектария. Общение было и письменное и личное. Несмотря на трудности железнодорожного сообщения в те времена, отец Адриан неоднократно ездил в Оптину Пустынь, а затем в Холмщину, куда старца Нектария сослали. И умер старец под епитрахилью отца Адриана. Скоро власти поняли, какую опасность представляет для них пастырская деятельность молодого священника. Его лишили паствы и выслали в Киев, под надзор ГПУ.

Тяжело было в Киеве первое время, но скоро отец Адриан сблизился с группой выдающихся киевских пастырей-подвижников. В числе их были: отец Евгений Капралов, отец Александр Глаголев, отец Константин Стащенко, отец Михаил Едлинский. Все они отдали свои жизни за Церковь, за веру — все погибли в застенках сатанинской власти.

Об этом рассказывал в 1971 г. в своем очерке, посвященном Владыке Андрею, сын священника Евгения Капралова, зарубежный публицист А. Сергеев, ныне покойный.

Отец Адриан тоже был арестован, тоже попал в известную в Киеве Лукьяновскую тюрьму.

Гонения на Церковь, начатые сразу же после прихода к власти большевиков, все нарастали и нарастали. Союз воинствующих безбожников ряд лет возглавляет некто Емельян Ярославский. Православная Церковь подвергается особенно ожесточенным гонениям. Власть «изымает» церковные ценности, иначе говоря просто грабит церкви и монастыри.

Власть истребляет духовенство, расправляется и с мирянами, верными Церкви. Тысячи погибших, тысячи и тысячи в тюрьмах и концлагерях.

Сонм Новомучеников Российских...

То были гонения, которые можно сравнить только с гонениями язычников на первых христиан. Бесноватый Ленин, «апостол» неоязычества, люто ненавидел Церковь, не раз, как пьяный хулиган, поносил и Церковь, и духовенство в печати. И во главе Союза безбожников поставил заклятого врага Веры Христовой.

Но все это не устрашало будущего архиепископа Андрея. Раз ставши на путь истины, он шел по этому пути.

4.

До 1926 года отец Адриан — настоятель Александро-Невской церкви в Ромнах. В 1926 году церковь закрывают, а его высылают в Киев.

В 1930 году в Киеве его арестовали. Вырвался из тюрьмы буквально чудом. Его освободили

только потому, что тяжело заболел. Удалось уйти и из Сылки. Шли годы скитаний, переезды из города в город. Совершая тайные богослужения и требы, постоянно рисковал и свободой, и самой жизнью. То была жизнь священника Катакомбной Церкви.

Так продолжалось до самой войны.

Когда началась война, когда выяснилось, что несли немцы России, надежды на освобождение сменились горьким разочарованием. В глубоком тылу армии, где хозяйничали «золотые фазаны» Восточного министерства, угроза иноземного порабощения становилась особенно явственной.

Между тем, по всей территории занятой немцами, особенно в областях, находившихся в ведении военного командования, начали одна за другой открываться церкви. Открывались уцелевшие, ремонтировались полуразрушенные, превращенные большевиками в склады, в помещения для сельскохозяйственного инвентаря.

В храмы устремились верующие и неверующие. На Рождество, а особенно на Пасху храмы не вмещали молящихся. Площади и прилегающие к храмам улицы бывали запруженными празднично одетым народом.

Чтобы понять, какой религиозный подъем был в занятых немцами областях, нужно было побывать тогда в храмах, нужно было видеть тысячные толпы около храмов. Мне довелось видеть. Это были счастливейшие дни моей жизни.

В 1941 году, после занятия Киева немцами, отец Адриан стал духовником вновь открытого Покровского женского монастыря, одновременно

организовал дело помощи нуждающимся. Создал дом для престарелых и увечных, больницу. Помогал всем, кто шел к нему.

В 1943 году отец Адриан вместе с семьей и общиной своей эвакуировался из Киева на запад.

5.

В том же году отец Адриан был назначен настоятелем Св. Владимирского православного собора в Берлине, что и теперь стоит на обширной площади Гогенцоллерн-дам, видный издали.

Прот. Александр Киселев вспоминает, что по воскресеньям в собор собиралось до тысячи и больше молящихся. Приезжали в метро, приходили пешком из разных концов Берлина — и эмигранты, и «остовцы», «восточные рабочие», вывезенные немцами на работу в Германию.

В то время и я бывал в соборе, и я помню те службы. Как молились тогда, как молились!

В сохранившихся дневниковых записях есть и такая запись, за 18 марта 1945 года:

«Почти каждую субботу и воскресенье бываю в соборе. На прошлой неделе был и в будние дни. Как хорошо служат здесь!»

Служил и отец Адриан, и отец Александр, духовник Русской Освободительной Армии. По праздникам служил сам Глава нашей Зарубежной Церкви, скончавшийся уже в США, митрополит Берлинский и Германский Серафим (Лядэ).

Были службы особые, когда во время службы начинались бомбежки. Берлин бомбили и одиночные английские самолеты, и стаи американских

«летающих крепостей». Бомбили не военные объекты, а жилые районы.

Отец Александр Киселев вспоминает службу во время одной из бомбежек, когда служил митрополит Серафим:

«Митрополит пошептался с отцом Адрианом, и меня послали объявить молящимся, что служба не будет прервана, но что все желающие могут поспешить в ближайшие бомбоубежища. Из храма вышли единицы, а остальные еще ближе подвинулись к алтарю, еще плотнее стали друг к другу. Что это была за молитва под грохот близких и дальних разрывов, под канонаду зенитной артиллерии!»

Берлинский Св. Владимирский кафедральный собор был в то время местом, где бесправные люди — русские, украинцы, белоруссы, мобилизованные на работу в Германию, находили не только духовную поддержку. В подвальном помещении собора была столовая, куда люди приходили со всего Берлина. В собор приходили в любое время суток, получали помощь, находили пристанище.

Когда требовалось, мягкий и ласковый в обращении с людьми, отец Адриан проявлял и силу воли, и мужество.

Так, был приказ Гестапо: запретить «остовцам» посещение собора.

Поддержанный митрополитом Серафимом, отец Адриан ответил категорическим отказом, и собор по-прежнему был переполнен, главным образом молодежью, потому что в Германию вывозили преимущественно молодежь.

Во время одного из воздушных налетов в Бер-

лине погиб старший сын отца Адриана — Серафим. Вера, одна вера помогает пережить такое горе, и отец Адриан стоически перенес вместе с матушкой Евгенией Григорьевной свалившееся на них тяжкое горе, продолжал служить людям и Церкви.

В 1945 году отец Адриан вместе с семьей — матушкой и вторым сыном Сергеем, со всею духовной семьей, окружавшей его, эвакуировался в Южную Германию, под Штуттгарт, служил Церкви, продолжал служить людям, над которыми висела теперь смертельная угроза насильственной репатриации.

Чудесное сопутствовало отцу Адриану всю жизнь. Вот что произошло, например, во время эвакуации из Берлина. В селении Вестерхайм, в Вюртемберге, где в гостинице остановился отец Адриан со своими спутниками, начался встречный танковый бой. Загорелась гостиница. Казалось, — гибель неминуема. И вот отец Адриан в облачении, с высоко поднятой в руках иконой, вышел на улицу. Вслед за ним его спутники. С одной стороны немецкие танки, с другой — американские.

Священник в облачении с иконой в руках, за ним — мужчины, женщины, дети... Сначала немецкие танкисты, потом и американские, пораженные невиданным зрелищем, прекратили огонь. Наступила тишина, и отец Адриан вывел всех своих из зоны огня.

В городке Вендингине отец Адриан создал церковь, служил ежедневно.

К нему потянулись те, кто скрывался от ре-

патриации. Люди, доходившие до полного отчаяния, стоявшие на грани самоубийства, находили у отца Адриана утешение, уезжали, уходили просветленными и успокоенными.

В 1949 году со всею своей церковной общиной отец Адриан переселился в США.

6.

На северо-восток от Нью-Йорка, на правом берегу Гудзона, есть тихий провинциальный город Спринг-Валли, а рядом Ново-Дивеевский монастырь, принадлежащий Русской Зарубежной Церкви.

Здесь храм, построенный в стиле древне-русских псковских храмов.

Здесь монастырские службы.

Здесь и Русский Пантеон — наше православное кладбище.

На главной аллее памятник руководителям и участникам Освободительного движения периода Второй мировой войны, погибшим в борьбе против коммунизма, за свободу России.

На главной аллее часовня в память погибших чинов Русского корпуса, сражавшегося против коммунистов в Югославии.

Участок кладбища, где покоятся белые воины, солдаты и офицеры Добровольческой армии ген. Деникина и Русской армии ген. Врангеля.

Рядом участок кладбища, где похоронены солдаты и офицеры РОА.

Я не раз обходил кладбище, останавливался у памятников, на которых знакомые по печати, по

истории эмиграции, по встречам и личной дружбе — имена российских эмигрантов. Здесь и воздух наш, российский.

История Ново-Дивеевского монастыря неразрывно связана с именем архиепископа Андрея Роклендского. Роклендский — это по названию района или графства, как здесь называется район, Роклендского, части штата Нью-Йорк.

Осенью 1949 года Синод Зарубежной Церкви поручил отцу Адриану основать в США русский женский монастырь, собрать из разных стран нашего рассеяния монахинь.

Мужской монастырь был основан еще до войны — это Св. Троицкий монастырь на севере штата Нью-Йорк, около городка Джорданвилль. Теперь основывался женский монастырь.

Отец Адриан, его многолетний друг и помощник князь Д. В. Мышецкий, вся община начинали буквально с ничего: не было ни цента денег, но была вера и желание создать монастырь.

Для стороннего наблюдателя случайно, а для верующего вовсе не случайно, а по Промыслу Господню, был получен бесплатно пустующий особняк. Через полгода приобрели землю с большим домом и с другими постройками.

Здесь был католический монастырь. Католическим организациям вообще запрещено продавать недвижимое имущество и землю православным. Долго беседовавший с игуменьей монастыря, отец Адриан произвел на нее такое впечатление, что она лично поехала в Нью-Йорк к кардиналу Спельману и получила от него разрешение на продажу монастыря русским эмигрантам.

Штатные власти не дают разрешений на устройство новых кладбищ — отец Адриан добился разрешения, и кладбище при монастыре было основано.

Обратившись к эмиграции, тогда еще не устроенной, только начинавшей новую жизнь в незнакомой стране, отец Адриан собрал средства на постройку храма, и храм стоит и радует глаз каждого, кто подъезжает к монастырю.

Еще одно испытание постигло отца Адриана: умерла матушка Евгения Григорьевна.

В феврале 1968 года отец Адриан принимает монашество. В том же году хиротонисан во епископы, становится викарным епископом Нью-Йоркской епархии — Андреем Роклендским.

В 1973 году, в день его 80-летия, возводится в сан архиепископа.

В этот день, как неожиданный подарок, пришло письмо от покойного Нельсона Рокфеллера, бывшего в то время губернатором штата Нью-Йорк.

Рокфеллер поздравлял Владыку с 80-летием, с архиепископством и сообщал, что монастырь, основанный Владыкой, ко дню его рождения объявлен правительством США — Национальной Святыней.

Таким образом закончилась длительная тяжба монастыря со штатными властями, пытавшимися осуществить черное дело отчуждения монастырской земли под аэродром. По соседству с монастырем есть небольшой аэродром. Некоторые деловые круги решили этот аэродром расширить, построить крупный, готовились уже к захвату монастырской земли. Конечно, не даром, а за со-

ответствующую плату — по штатным законам. Если бы эти круги дело выиграли, и кладбище, и все монастырские постройки, и церковь — всё было бы сравнено с землею, и вместо умиротворяющего звона церковного колокола окрестные жители слушали бы вой реактивных самолетов.

Уже с надорванным нелегкой жизнью здоровьем, больной, Владыка Андрей, поддержанный Синодом, всею Церковью нашей, всей эмиграцией, отстоял и монастырь и наш Пантеон.

Для этого Владыке пришлось ехать в столицу штата Олбани, где он выступил на объединенном заседании Сената и Ассамблеи штата. Выступали и адвокаты монастыря, но выступление самого Владыки произвело на штатных законодателей такое впечатление, что было вынесено единогласное решение об отмене решения о расширении аэродрома, и таким образом монастырь остался невредимым.

7.

Архиепископ Андрей скончался после продолжительной и тяжелой болезни 12 июля 1978 года, в день Св. Апостолов Петра и Павла.

Ровно в 11 часов вечера, через 15 минут после кончины, раздался колокольный звон. Двенадцать ударов колокола известили насельников монастыря, что архиепископ Андрей, почитаемый и любимый всеми, кто жил в монастыре, всеми, кто знал его, — отошел в вечность.

Князь Д. В. Мышецкий вспоминает:

«Звонила монахиня Елена, которая знала Вла-

дыку еще на Родине. Весь наш домик осветился электричеством. Все живущие в монастыре, услышавши звон, увидевши свет, поняли: Владыки не стало. Со всех сторон потянулись они вереницами к домику, на первую панихиду».

В последний путь провожали архиепископа Андрея сотни людей, съехавшихся из разных штатов. Провожали российские эмигранты чтущие его память.

Память о нем останется навсегда в душах тех, кто знал его, кто видел хоть раз в жизни.

Пусть знают о Владыке Андрее и верующие в самой России.

Церкви Православной служил он всю жизнь, до конца дней своих, а служа Церкви, служил и Родине нашей, встающей из духовного пепла, вырывающейся из духовного плена.

США.

Владимир Самарин

Н. ИЛЬИНСКАЯ

Выставка картин П. Д. Корина в Нью-Йорке

В 1965 г. в Нью-Йорке в течение трех недель находилась выставка картин, привезенная из Советского Союза и принадлежащая кисти современного русского художника, Павла Дмитриевича Корина. Эта выставка была явлением совершенно исключительным. Душа зрителя настолько изголодалась по художественно-разумной «предметности», по интегрированности в современном искусстве, что прямо-таки с жадностью, как голодный на хлеб, накидывалась на картины этого большого, а может быть и единственного настоящего художника печальных и бедных дней.

Корин — очень своеобразный художник, выработавший свой особый стиль долгим и трудоемким путем приобщения к вершинам мировой художественной культуры и оставшись иммунным к преходящим и неглубоким течениям современности. Ни реалистом, ни художником с устаревшими приемами Корина ни в каком случае назвать нельзя. Корин — художник огромной экспрессии, очень сильного динамического

накала, сумевший добиться глубокого психологического обобщения в портретной передаче человеческих индивидуальностей. При этом это художник, обладающий новым свежим приемом.

Для нас, волею судеб отделенных от нашей родины, выставка кратин Корина явилась также неким откровением. Картины-портреты с религиозно-церковной тематикой были для многих, не знавших прежде Корина, удивительным открытием сохранившейся в России силы религиозного духа. Но и для тех, кто так или иначе следил за путем развития художника, начиная с его молодых лет, когда он еще работал иконописцем и до признания его крупнейшим портретистом нашего времени, выставка его картин была огромным событием.

Начнем с биографии П. Д. Корина. Родился он в 1892 году в селе Палех, Владимирской губернии (теперь Ивановская область), в семье крестьян-иконописцев. Чем замечательно село Палех? В этом селе испокон веков жили иконописцы, передававшие свое умение и мастерство от отца к сыну. Так и в семье Кориных — и дед, и отец, и старшие братья — все были иконописцами. Желая упорядочить традиционное обучение иконописанию и поставить его на более художественные рельсы, в начале этого века группа художников из Москвы организовала в селе иконописное училище, где деревенские юноши обучались иконописанию. Окончил это училище и Павел Корин в 1907 г. И получил звание мастера-иконописца. Вслед за этим он был вызван в Москву для росписи Марфо-Мариин-

ской обители. По ходу этой работы он познакомился с известным художником Нестеровым, причастным к этому же заказу. Это знакомство перешло в дальнейшем в дружбу и сыграло большую роль в становлении художника. На первых же шагах Нестеров, увидав в молодом человеке крупный талант, стал всячески помогать ему, и морально, и материально. Большое влияние оказал Нестеров и на общее развитие молодого художника — он раскрыл перед ним мир искусства в самом широком смысле слова. Павел Корин и сам понимал, что ему нехватает еще очень многого. Таким образом он поступает в московскую «Школу живописи, ваяния и зодчества» — самое значительное в Москве художественное учебное заведение. Во главе этой школы стоял тогда известный художник, Леонид Осипович Пастернак, отец поэта. Л. О. Пастернак принял горячее участие в развитии молодого таланта. В 1916 году Павел Корин окончил училище и за написанную им картину (дипломную работу) получил звание художника. В 1919 году Корин сам уже преподает живопись в этом училище.

В 20-ых годах он много самостоятельно работает в своей мастерской, устроенной им на чердаке одного дома на Арбате, живет очень замкнуто, ездит и осматривает древние русские города, посещает музеи.

Постепенно на политическом горизонте сгущаются тучи, идет поход против религии и Церкви, начинается изъятие церковных ценностей. Корина, человека глубоко религиозного, это

очень болезненно затрагивает. И вот, в конце 20 гг. у него является мысль написать огромное полотно со множеством действующих лиц, в котором передать столкновение власти и верующих.

Чтобы усовершенствовать свое мастерство (при содействии Максима Горького) Корин в 1931 году едет за границу, где усиленно посещает музеи, старые церкви и копирует картины великих мастеров. В 1935 году он вторично попадает за границу.

Копируя картины великих мастеров Корин тут же записывает в свой дорожный альбом свои впечатления: «Живопись должна быть плотная. Помни — локальность тонов». О Тициане он пишет: «Величавые силуэты, величавые жесты. Помни могучие тона — розовый, красный...» О Тинторетто: «Могучие куски живописи, могучие массы форм — тел, драпировок». О Веронезе: «Композиция дерзновенна и совершенна, колорит изумительный, мягкий; а какая осанка фигур! Художник величайшего благородства...» В последний день пребывания в Венеции: «Великие, ваш гений высоко парил. За его величественным полетом с восхищением, потрясенный до самой глубины души и сердца наблюдаю я. Сердце наполняется желанием следовать за вами. Если жить, то мой клич — на ваши высоты!» И наконец его вопль на итальянской выставке в Париже: «Стою около Леонардо и Микельанджело. Боже мой! Боже мой! Великие, помогите!!!»

Что больше всего поражает Корина в рабо-

тах итальянских художников? Монументальность, пафос, благородство, мощь. Всему этому он учился у них чтобы потом, с приобретенным опытом окунуться в совершенно иной мир нашей многострадальной родины, воплотить наиболее трагический и патетический момент ее истории.

Своему монументальному и весьма экспрессивному мастерству он научился у великих старых мастеров, применяя, однако, совершенно иную технику: он пишет крупнейшими обобщающими мазками или, вернее, планами. Это — в портрете; однако он может быть и чистым лириком, каким мы его видим в пейзажах и миниатюрах, где он делает живописный акцент на настроении, атмосфере и свете. В работах Корина мы все же не наблюдаем импрессионизма, очень модного в России в то время, тем более, что одним из его учителей в училище живописи был известный импрессионист Коровин. И в своих пейзажах Корин не нарушает формы.

Теперь следует сказать несколько слов о задуманной им картине. Его вдохновила следующая идея. Как было указано, верующие были в это время взволнованы и возмущены изъятием церковных ценностей и общим гонением на Церковь. Корин и задумал изобразить, как русские люди — церковнослужители, монахи и прицерковные миряне вышли на защиту своей веры и церковного имущества против ворвавшегося в церковь красного комиссара. В таком виде, однако, написание картины, да к тому же еще такой огромной, не могло состояться в советских условиях. Горький посоветовал ему убрать с

картины комиссара, а всю композицию назвать «Уходящая Русь», что конечно ослабило бы трагический и героический замысел картины. Однако общий замысел Корин не оставил, даже пожертвовав комиссаром: он усиленно пишет с натуры этюды различных персонажей, которые в дальнейшем должны были быть перенесены на большое полотно. И само полотно уже было заготовлено, и место имелось — новая студия, переделанная из какой-то прачешной, могущая вместить картину таких больших размеров. В результате написанных этюдов получилась целая галлерея портретов реально существовавших лиц того времени. Есть среди них и мученики, и церковные деятели, и другие. Сам Корин так осмыслил всю эту грандиозную композицию: «Выход Православной Церкви на страдания в защиту веры». Некоторые из его подготовительных работ были выставлены на короткое время в Третьяковской галлерее. Однако к концу 30-х годов у нас на родине стало особенно трудно дышать. Художника начинают преследовать, хотят отнять у него мастерскую; жить становится не на что. Его картины убрали из зала Третьяковки. Для заработка Корин и его жена занимаются реставрацией. Однако друзья и почитатели — видные писатели, с которыми еще считается власть, помогают отстоять мастерскую. Корин принужден писать светские портреты: ученых, артистов, музыкантов, военных и др. И в этом жанре Корин проявил удивительное мастерство и показал себя превосходным портретистом-психологом.

В 40-х годах Корин делает по заказу эскизы декоративных композиций на исторические темы для украшения станций московского метро. Как известно, в это время, перед войной и во время войны, Сталин для поднятия патриотического духа народа повернул на националистические рельсы. Таким образом оказалось возможным появление картонов с изображением Александра Невского, Дмитрия Донского, Юрия Долгорукого, Суворова и пр.

После смерти Сталина, во время так называемой «оттепели», Корин получает возможность устроить свою собственную выставку в огромном здании манежа в Москве, где и выставляет все свои церковные портреты и вообще все им сработанное. Народ валом валит на эту выставку. Многие верующие люди растроганно плачут, а некоторые даже пытаются целовать ему руки, чем он был конечно очень смущен. Об этом он сам рассказывал во время своей выставки в Нью-Йорке. Однако выставка его картин в Москве была разрешена на очень короткое время. Чтобы продемонстрировать перед Западом свободу религии в СССР (а она как раз тогда подвергалась усиленным гонениям) в 1965 году Советы устраивают его выставку за границей. Помещение в Нью-Йорке, однако, оказалось слишком мало — не по его громадным картинам-этюдам. Таким образом далеко не все привезенные им картины можно было выставить; освещение тоже было неудовлетворительное. Однако многие посетили эту выставку.

Художник умер в 1967 г. в Москве от сер-

дечного припадка. Большая картина, задуманная Кориным, в целом так и осталась ненаписанной.

По представленному материалу выставка распадалась на четыре раздела: 1) Портреты-этюды духовных лиц и прицерковных персонажей, потенциально объединенные одной общей смысловой композицией. Был выставлен и эскиз картины, где все фигуры помещены в интерьере Успенского собора в Москве. Название «Реквием» или «Уходящая Русь», как уже было указано, навязаны художнику извне и совершенно не отражают героического замысла, заключенного в картине; 2) Портреты светских лиц — художников, артистов, ученых; 3) Пейзажи, главным образом родного села Корина, Палеха и природы вокруг него; сюда же относится ряд пейзажей, сделанных в Италии, где художник, как мы уже видели, неоднократно бывал. В той же размельченной технике написана миниатюра «Гвоздика», с изображением чудотворной иконы Владимирской Божией Матери и букетиком перед ней (эта вещь написана по обету, после выздоровления от тяжелой болезни); 4) Картоны для картушей с сюжетами из русской военной истории для мозаик станции Московского метро «Комсомольская».

Начнем наш обзор с изображений духовных лиц и прицерковных персонажей. Мы умышленно рассматриваем эту категорию портретов отдельно от портретов светских, т. к. она имеет свое особое назначение и объединена смысловой композицией; поэтому каждый отдельный

портрет не может быть воспринят вне общей темы. Все портреты объединены одним общим духом, одной направленностью, хотя изображаемые люди и их характеры совершенно различны.

Здесь уместно задать вопрос — чем, какими художественными средствами мастер-портретист выявляет внутренний мир изображаемого им человека? Кроме передачи черт лица и его выражения, т. е. узкопортретного сходства, художник располагает целым арсеналом выразительных средств. Сюда относятся — вся фигура человека, его посадка или постановка, портрет рук, ног и жеста. Все это с той или иной степенью намеренного нарушения натуры, реальной действительности: то усиление, нажим на некоторые черты, то преуменьшение или исключение других; иногда выделение одних элементов за счет других. И все это для более экспрессивного выявления внутреннего мира человека, для повествования о нем, а не для фотографической регистрации экстерьера модели. Об этом известная русская художница, Остроумова-Лебедева, пишет следующее: «...я уже давно пришла к заключению, что художник может очень далеко отходить от натуры; но должен делать это настолько убедительно, чтобы зритель вполне поверил в его правду, несмотря на то, что его правда так далека от правды в природе.» (Остроумова-Лебедева, Автобиографические записки, т. II, стр. 441).

Далее — композиция, или организация форм в иллюзорном пространстве и организация форм

и цветовых пятен на плоскости холста. Чисто живописным средством является колорит, т. е. гамма тонов, в которой написан портрет и манера нанесения красок на холст; сюда же примыкает могучее средство живописи — использование светотени во всех ее градациях; игра на контрастах, или на монохромной сумеречной гамме; подача источника света, его яркость, его окрашенность. Туда же относится и степень выпуклой лепки — смелость или умеренность этого приема. К стилистическим средствам относятся: выбор предметных (крупных и мелких) аксессуаров и «задника», т. е. фона. К техническим — фактура мазка (его формат и выпуклость): масштаб модели и формат картины. Все эти элементы, взятые вместе, создают стиль художественного портрета. Корин принадлежит к художникам-портретистам, задача которых — всеми возможными средствами выявить внутренний строй человеческой души, охарактеризовать именно данную личность.

Коринские этюды — полностью законченные вещи; не приблизительные наброски, не намеки, а совершенно законченные портреты, которые могли бы быть целиком перенесены на задуманную картину. Для данной серии портретов отметим прежде всего очень важный момент — отбор художником человеческого материала: глубоко преданных Церкви людей, начиная с высоких иерархов и кончая нищей братией, которую он выискивал по московским храмам.

Переходим к отдельным портретам.

СХИИГУМЕНЬЯ ФАМАРЬ. Строгая прямая

посадка на высоком кресле (под ногами скамеечка) говорит о лице, возглавляющем монашескую общину. Руки — худые и прозрачные — свидетельствуют об аскетическом подвиге. Умное лицо открыто и прямо смотрит на нас. Портрет подан однотонно: белое и черное. Но какое богатство оттенков и того и другого. Чуть подсвечена рыжевато-красным скамеечка под ногами.

АРХИЕПИСКОП ТРИФОН — одна из центральных фигур в общей композиции. Портрет известного викарного московского архиепископа времен Патриарха Тихона. Хотя облачение и написано очень детально, как это делали старые мастера, весь акцент на лице. Владыка уже глядит поверх всего земного в миры иные. Увеличенный глаз с бельмом еще больше подчеркивает эту отрешенность Святителя. Этот взгляд вместе с тем глубоко трагичен.

СХИМНИЦА СО СВЕЧЕЙ. Это тоже известное лицо — одна простая монахиня из Иванова монастыря в Москве: деревенская женщина, поднявшаяся в своем духовном восхождении до схимы. В руках у нее свечечка, огонек как будто бы колышется. И сама она — старенькая, целиком предавшаяся Богу, как свечечка. Детали на одежде указывают на схиму. Сама она — полное смирение и вера; правая рука в крестном знамени.

МОЛОДОЙ МОНАХ ФЕДОР. Портрет известного мученика. Какую характеристику дает ему художник? — Костлявое тело, редкая, как будто выдерганная частично борода. Огромные

рабочие огрубелые руки, такие же ноги; слишком короткий ветхий подрясник. Известно, что несмотря на мучения от веры не отказался.

МОЛОДОЙ ИЕРОМОНАХ. Тут художником взят совсем иной тип человека. Вся фигура и лицо — волевая решимость. Наружность тонкого образованного человека. За ним и культура, и вера, и воля. Характерны сдвинутые брови и напряженный взгляд.

СТАРИЦА с ДВУМЯ КЕЛЕЙНИЦАМИ. Старица очень древняя, согбенная и мудрая. Сильный удар иллюзорного света слева помогает художнику лепить лицо и достигать поразительной трехмерности. Это лицо писано большими плоскостями, художник работает словно не кистью, а лопаткой. Но главное конечно выражение — мудрое и духовное. Вся тональность — черный цвет и его оттенки. Обращает на себя внимание женщина слева: в ее сомкнутых губах и больших глазах — решимость и готовность к подвигу.

СТАРИЦА-СХИМНИЦА. Благостное и спокойное лицо. Тоже реальный персонаж — это схимница из московского Вознесенского монастыря в Кремле.

ТАЙНАЯ МОНАХИНЯ. В повседневной жизни была научным работником в одном из учреждений Москвы. Молодая, бледная, немного испуганное лицо. Очень серьезна. А какова должна быть вера, чтобы работая официально в Советском учреждении взять на себя подвиг тайного монашества.

АРХИМАНДРИТ. Монументальная фигура,

великолепный портрет неизвестного священнослужителя. Мастерски написано облачение — золотистая парча.

ДВА МОНАХА. Особенно интересен тот, кто на первом плане. Сразу видно организованного строгого к себе человека. Решительность, собранность внутреннего мира. Рядом с ним безызывестный деятель раскола начала 20-ых годов, Епископ Антонин. В наружности своей он имеет что-то мятущееся, самому себе может быть не вполне понятное.

ПРОТОДЬЯКОН ХОЛМОГОРОВ. Одно из главных лиц в предполагаемой общей композиции. Славился в Москве своим голосом, мог соперничать с Шаляпиным. Строгое лицо, прямая очень высокая фигура.

ИЕРОМОНАХ С КРЕСТОМ И ДРУГОЙ МОНАХ. «Этот креста из рук не выпустит», говорил сам Корин на выставке. Второй монах так стеснялся позировать, что все время опускал глаза и просил изобразить его именно в таком виде.

ОТЕЦ И СЫН. Их встретил Корин на Москворецком мосту и сразу пригласил позировать. Деревенские люди старинного уклада, оказались резчиками по дереву. Это последние остатки крепкой и древней Руси.

СЛЕПОЙ. Списан с живого персонажа — Корин увидел его на похоронах Патриарха Тихона. Характерные щупающие руки. И этот убогий слепец тоже готов защищать Церковь.

КАЛЕКА-НИЩИЙ. В глазах ярость против обидчиков. И он, безногий, рвется в бой за веру и Церковь.

ЭСКИЗ ОБЩЕЙ КОМПОЗИЦИИ. Все эти и многие другие портретные изображения умело размещены художником на предварительном наброске общей композиции картины. Епископы, священнослужители, монашествующие и миряне вышли на амвон древнего Успенского собора в московском Кремле против безбожников. В общей композиции у всех видна напряженность духа, решимость и по разному выраженный религиозный порыв. Многие из них жили исповедниками и умерли мучениками. На таких стояла, стоит и будет стоять Россия.

Портреты даны крупной динамической техникой, размер фигур больше человеческого роста. Игра света и тени, широкое использование приема контраста не только скульптурно лепит лица, но и придает иллюзорное движение даже фронтальным позам. Кажется, что вот-вот дрогнет рука с лестовкой, переступит нога, моргнет глаз. Гамма красок монохромная, иногда в один или два тона, со множеством оттенков (валеров) между ними.

К творчеству Корина, особенно в изображении духовенства, как нельзя более приложимы те его собственные ремарки, которые он сделал в своем дорожном альбоме под впечатлением от картин великих мастеров прошлого: «Драма-тизм. Пафос. Трагично. Сила великая и жуткая. Потрясающе. Содрогаешься. Монументально. Внушительно.»

Теперь переходим к портретам светских лиц и разберем некоторые из них. Корин — художник умный, глубокий психолог, не только умело организующий эстетическую структуру своих картин, но и тонко чувствующий внутренний мир модели. Он сразу ухватывает характер личности и создает портрет в соответствующем стиле. Он знает, что Нестерова, культурнейшего художника и человека, надо посадить в старинное кресло карельской березы с нежной обивкой, которая служит фоном черной как бы птицеобразной летящей фигуре. Он кладет его тонкие длинные «артистические» пальцы левой руки, изящно разделив их, на ручку кресла; а правую руку подает в жесте говорящего человека. Корпус выдвинут вперед. Заостренный, со старческой прозрачной кожей абрис лица — в строгом профиле. В противоположность этому портрет итальянского художника, РЕНАТО ГУТТУЗО, Корин передает через смуглорыжую, плотную и яркую, как бы южную гамму. А в его тяжелой, сильной посадке, как и в абрисе лица с тяжелой нижней частью — его внутренний мир. Сразу чувствуется грубый человек. Кусок картины, очевидно принадлежащий кисти изображаемого художника и банки с красками дают портрету последний завершающий штрих.

Портрет КОНЕНКОВА — скульптора-экспрессиониста и искусного резчика по дереву. Корин лепит его, играя огромными плоскостями валеров так, как будто сам скульптор вырезан из дерева. Изображение заряжено крайним динамизмом. Великолепная характеристика, лич-

ность воспринимается целиком и мгновенно. В этой вещи, одной из лучших в серии светских портретов, Корин достигает темперамента и силы Микельанджело, оставаясь при этом самим собой.

Много говорит зрителю с одной рукой в кармане, а другой — сжимающей трубку, грузно-барственная посадка писателя А. Н. ТОЛСТОГО; примечателен и кусок ампирного книжного шкафа сбоку.

В серии выставленных светских портретов были: артисты Художественного театра Лонилов и Качалов, пианист Игумнов, Максим Горький, художник Сарьян, Пешкова (жена сына Горького), академик Гамалея и художники-карикатуристы «Кукрыниксы». Во всех этих портретах сказывается необычайная одаренность Корина как психолога и его своеобразная живописная техника.

Примечательно, что в пейзажах Корина мы встречаемся с совершенно другой техникой. Широкий размах уступает место тщательно выписанным деталям миниатюры. Оригинальный удлинённый в ширину формат картин как будто бы имеет ввиду какую-то специальную декоративную цель. Может быть это отзвук панорамно-документальных пейзажей XVIII века. Необычный прием придает пейзажам какую-то нереальность.

Мы уже говорили о том огромном впечатлении, которое произвели на Корина мастера итальянского Возрождения. Если говорить о влиянии на Корина русских художников, то следует

назвать Сурикова, Нестерова и Александра Иванова.

Не является ли творчество Корина решительным шагом к возрождению русского искусства из двойного падения: бездарной фотографичности соцреализма и гибельной беспредметности?

Н. Ильинская

Глеб РАР

ХРАМ-ПАМЯТНИК ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ В МЮНХЕНЕ

Если Париж до сих пор принято считать чем-то вроде «столицы» «старой» русской эмиграции, если Нью-Йорку, видимо, суждено стать главным центром «новейшей» эмиграции, то средоточием «второй» эмиграции, в первую очередь, был и остался Мюнхен. Отсюда предпринимались попытки спасти от выдачи власовцев в Платтлинге. Здесь, наряду с Гамбургом и Зальцбургом, фабриковались польские или югославские метрики для остовцев. В Мюнхене и вокруг Мюнхена были лагеря беженцев, через которые почти все мы тогда, так или иначе, прошли: Шляйсхайм, Фрайманн, Функказерне. Курская икона Божией Матери, митрополит Анастасий, Синод на Донауштрассе. «Милосердный самарянин», гимназия на Мауэркирхерштрассе, обитель преподобного Иова в Оберменцинге.

От этого периода остались, главным образом, могилы на мюнхенских кладбищах.

Но с разъездом из Германии одних, начался приток в Мюнхен других, — главным образом в связи с созданием здесь американской радиостанции «Освобождение», нынешнего Радио «Свобода». Наряду с Франкфуртом («Посев»), Мюнхен

и теперь — основной центр русской эмиграции в Германии.

Правда, не такой сплоченный и однородный. Одна из причин — отсутствие настоящего церковного центра. С трудом продолжает существовать на далекой западной окраине города обитель преподобного Иова. Столь же далеко от центра, на севере, в Людвигсфельде — в поселке, выстроенном для оставшихся в Германии жителей беженских лагерей в Шляйсхайме, Фельдмохинге, скромная церковь архистратига Божия Михаила. Небольшие церковные общины в Розенхайме, Ингольштадте, Аугсбурге, Ландсхуте. И лишь там, где должны были бы сходиться все нити связи между русскими людьми, где должен был бы быть духовный центр, откуда должны были бы исходить импульсы, где следовало бы сосредоточить работу с молодежью — совершенно неподходящий для всего этого зал, так называемый «собор» на Сальваторплатц. Ни помещения для занятий с детьми, ни библиотеки, ни даже простого церковного притвора нет.

Наши благочестивые предшественники — русские, бывавшие или жившие в Германии до первой мировой войны — оставили нам немало благоустроенных и даже величественных церквей. Но, — под властью советов Дрезден, Лейпциг, Веймар и Потсдам. При попустительстве английских и французских оккупационных властей захвачены и насильственно переведены в ведение несвободной патриархии собор и кладбищенский храм в Западном Берлине. А курортные церкви в Западной Германии, в большинстве случаев, с

разъездом послевоенных беженцев вновь стали «бесприходными». Нужны крупные средства, чтобы хранить их, ремонтировать, чтобы не дать этому наследию старой России уйти в чужие руки. Но служить насущным нуждам современной церковной жизни они в полной мере не могут. Почти не осталось русских в Баден-Бадене. Совсем нет местных прихожан в Бад-Киссингене или Бад-Наухайме. Русская жизнь из курортов перешла в крупные города. Наиболее живые, жизненные общины и приходы — Гамбург, Кельн, Дюссельдорф, Висбаден, Франкфурт, Штуттгарт, Нюрнберг, Мюнхен. В Висбадене и Штуттгарте — церкви дореволюционного времени. В Дюссельдорфе — «православный центр», подарок протестантов и католиков. В Гамбурге — церковь святого Прокопия Любекского, Устюжского чудотворца, построена пятнадцать лет назад. Во Франкфурте полное освящение нового Свято-Николаевского храма совершено совсем недавно.

Очередь за Мюнхеном.

Обе послевоенные церкви — гамбургская и франкфуртская — построены на средства самих приходов, но с привлечением пожертвований и со стороны. Помогли евангелические и католические приходы. Помогли города Гамбург и Франкфурт. Помогла «земля» Гессен. Были использованы — на финансирование трапезной при франкфуртском храме, например — средства, в свое время предоставленные правительству «земли» Гессен

Международной Организацией помощи беженцам (ИРО) на «культурное обслуживание» оставшихся в Германии русских стариков.

Все возможности привлечения средств и пожертвований со стороны будут, естественно, исчерпаны и в Мюнхене. Как и в Гессене, можно рассчитывать на фонды, предназначенные на «культурное обслуживание» пенсионеров и использовать их для благоустройства библиотеки, зала для докладов, трапезной и кухни при церкви. Можно просить министерство народного образования Баварии о вспомоществовании на постройку помещений для школьных занятий. Но сам храм Божий надо строить самим, на свои средства. Будут пожертвования со стороны католиков, протестантов, — примем их с сердечной благодарностью. Не будет таких пожертвований, — надо суметь обойтись и без них.

Но надо построить не просто «уютный» эмигрантский храм. Надо создать храм-памятник. Достойные прообразы такого храма-памятника — брюссельская церковь святого праведного Иова Многострадального, Владимирская церковь на Владимирской горке под Нью-Йорком, кладбищенская часовня в Мурмелоне.

Храм-памятник может быть прост. Он совсем не должен быть грандиозным. Но нужно достойное, благородное архитектурное решение. Нужно строгое, каноническое, «грамотное» убранство храма внутри. В ганзейском городе Гамбурге выбор невольно пал на новгородские образцы. В бесстильный деловой Франкфурт удачно вписалась церковь лаконичного псковского стиля. Мюнхен

южнее. Мюнхен — город барокко. Но для нас это всё же чужой архитектурный стиль. Строительный комитет мюнхенского храма предложил своим членам-архитекторам (Г. Реммиху и В. Власенко) поискать решения, опираясь на ранние московские образцы, на примеры храмов, строившихся псковскими мастерами в Москве в период первого русского «возрождения» — в эпоху «собираания русской земли». Мыслится бесстолпный одноглавый храм с притвором и трапезной, с шатровой колокольней, стоящей отдельно. Не выяснен пока со строительным отделом мюнхенского городского управления вопрос, возможно ли в Мюнхене решение, широко практикуемое в Америке: церковный зал в полуподвальном этаже под храмом. В силу местных строительных правил и законов такое решение может оказаться более дорогим, чем постройка зала отдельно от храма.

**
*

Город Мюнхен выразил готовность продать Германской епархии Русской Православной Церкви подходящий строительный участок в неполных 2.000 квадратных метров. Участок расположен удобно — достаточно центрально: в двух минутах ходьбы от станции метро «Нордфридхоф», то есть в 7 минутах езды от самого центра города, напротив главных ворот Северного кладбища.

Но город не может уступить участок по удешевленной цене. Это послужило бы прецедентом. Пришлось бы на льготных основаниях предоставлять городские строительные участки и другим

«меньшинствам» и религиозным общинам. Епархии придется участок покупать. Лишь после этого можно будет рассчитывать на то, что город Мюнхен окажет финансовую поддержку уже самому строительству.

Финансовые трудности очень велики. Своих сил епархии может хватить на постройку очень простой, скромной церкви. Если строить, на самом деле, храм-памятник — нужна широкая поддержка всего зарубежья.

Надо строить храм-памятник. Не только в воспоминание тысячелетия крещения Киевской Руси. Но и в память всех, кто за эти тысячу лет «души свои положили» за крещеную, православную Россию. Многие из них — вот тут же: в лагере Дахау (теперь это — мирная конечная станция мюнхенской электрички); на эсэсовском стрельбище в Аллахском лесу, где русских военнопленных расстреливали вплоть до последних дней апреля 1945 года; в обгазированном кровью Платтлинге, откуда выдавали доверившихся американцам власовцев во главе с отказавшимся бежать из лагеря генералом М. А. Меандровым.

Но кровь мучеников — «спасительное сеяние». И храм-памятник первого тысячелетия христианской Руси должен стать выражением упования на начало возрождения, вехой вступления во второе тысячелетие неизменно православной же России.

Германская епархия меньше большинства других епархий Русской Церкви за границей. Но она и географически ближе к России, и по своему участию в Православном Деле занимает особое поло-

жение. И храм-памятник в Мюнхене призван стать не только главным храмом епархии, но и центром работы и усилий, направляемых всей нашей Церковью за границей на поддержку духовного (церковного, национального, государственного, культурного) возрождения России.

Соединим наши усилия. Построим храм во славу Божию. И да станет он прообразом нашего единения и сплочения. Предвестником нашего единения и сплочения. Предвестником возрождения и избавления.

Глеб Рар

« Зарубежная Русь »

Ежемесячный журнал — общественно-литературный орган русской национальной и православной мысли.

12-ый год издания. Годовая подписка
— 18 долларов.

Адрес : Russia Abroad Publ., P.O. Box 19225,
Washington, D.C. 20036, USA

Редактор А.А. Соллогуб

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СЪЕЗДА
ПРОТ. А. КИСЕЛЕВА
ПРИ ОТКРЫТИИ 3-ГО СЪЕЗДА
ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОСТИ
НА ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬИ США

Имея честь открыть наш 3-ий съезд, я позволяю себе сказать несколько слов.

Нам нужно раз навсегда проникнуться сознанием, что наша любовь к Св. Православию и родине — России должна, кроме наших святых и горячих чувств, свидетельствоваться делами. И не просто делами — порывом, взлетом, даже подвигами, — а постоянным, ежедневным, ежечасным трудом. Если хотите, *подвижничеством*.

«И вечный бой, покой нам только снится
сквозь кровь и пыль...» — если это выразить словами поэта. Или совершенными словами иже во святых отца нашего Ефрема Сирина, сказавшего: «Нет отдыха на земле желающим спасения».

Еще в Ветхом Завете прозвучало слово Господне: «Сын мой! Отдай сердце твое Мне!»

Такой призыв — призыв суровый! И не в этом ли причина того, что съезды наши численно почти не растут, как не растет и число подписчиков нашего журнала «Русское Возрождение»?

Но от этого не только нельзя унывать, этому не следует даже удивляться. Это закономерно нынешнему времени.

Мало этого. В современном мире нет недостатка в этих темно-духовных, лже-мистических и политических силах, у которых как у собаки шерсть встает дыбом от одного только имени: «Русское Возрождение». Как для первых нужен не Христос, а антихрист, как для вторых — мировое господство, а не *возрожденная* Россия, так и для третьих не нужна *единая* Россия, 1/6 земного шара. Каждая из этих сил не гнушается ни травлей, ни шантажом. Первой жертвой травли стал глав. редактор нашего журнала кн. С. С. Оболенский. Но этим журнал не сломится. «Не запугаете» — повторим мы слова выдающегося сына России А. П. Столыпина.

На издание журнала нужны большие деньги. Но деньги еще не всё. Нужно большее: нужно сердце человеческое.

Если не будет отдаваться сердце, то не будет и возрождения.

Теперь хочу просить вас о том, что имеет непосредственное отношение к открываемому съезду.

Не отнесемся к съезду как к приятному времяпрепровождению... даже как к удовлетворению интеллектуальных запросов... но как к тому, что может вооружить, обогатить нас, подготовить, сосредоточить для служения делу Божию, служению России и всему тому доброму, что было в нашем историческом прошлом. Нам нужно: — стать воинами дела Божия, не в за-

пасных частях где-то в спокойном тылу, а в рядах действующей армии!

Это не просто слова моей разгоряченности. Это слова в духе того св. Исаака Сириянина, который сказал: «Никто не восходит на небо живя прохладно».

Будем Бога молить, чтобы кто делал — стал делать больше; кто не делал — начал бы делать.

Воздыхать мало. Нужно делать!

Ибо «не слушатели закона праведны перед Богом, но исполнители закона оправданы будут» (Рим. 2.13).

Разрешите объявить съезд открытым.

Прот. А. Киселев

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ»

Основана в 1921 г. в г. Сан-Франциско

Русская национальная газета

Отделы : религия, наука, история, политика, литература, женский, спортивный, хроника, медицинский, юмор, крестословицы.

Выходит 5 раз в неделю (вторник - суббота)

Подписная плата: 1 год — 36.00 ам. долл.,

6 мес. — 20.00 ам. долл., 3 мес. — 11.50 ам.

долл., 1 мес. — 4.00 ам. долл.

Адрес:

2458 Sutter Street, San Francisco, Calif. 94115.

Тел. : (415) 921-5380, 5381

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

Арест о. Дмитрия Дудко, — содеянные при этом безобразия и издевательства, душераздирающий призыв о помощи его жены, оставленной вместе с их детьми без гроша, — дальнейшие угрозы верующим и вслед за этим репрессия, обрушившаяся на А. Д. Сахарова: обо всем этом надо писать и писать, взывать к иностранцам, по радио, в печати, в частных беседах, на крышах вопиять, если иной возможности нет. И конечно, среди нас и среди иностранцев собирать средства в помощь жертвам террора и их несчастным семьям. Словом, делать всё, что только возможно для материальной и — не менее важной — моральной поддержки им. Слава Богу, негодующие отклики на этот раз появились чуть ли не по всему окружающему миру. Необходимо обо всем этом осведомлять внутреннюю Россию: сильнее даже, чем осложнения, вызванные афганской авантюрой, эта безмозглая жестокость нынешних советских властителей способна укрепить и без того уже возрастающее несмотря ни на что внутреннее сопротивление им. Вовсе не имея уже времени на это в этом нашем выпуске, будем всеми силами стараться делать это в нашем журнале в дальнейшем.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Задачи журнала	3
Нашим читателям	4
Свящ. В. Потапов. «Душа истомилась в молчании» (к аресту о. Г. Якунина)	5
Христ. Комитет. К русским православным христианам. О б р а щ е н и е	19
Свящ. Д. Дудко. Что значит прославление русских мучеников	31
Комитет спасения И. Огурцова. Оповещение	33
Еп. Григорий. Русская Церковь в пустыне и в мире сем	37
Алексей Ростов. Встречи с будущими мучениками	64
Свящ. В. Потапов. Православное инакомыслие в СССР	71
Н. Полторацкий. Монархизм и непредрешение И. А. Ильина	95
Кн. С. Оболенский. Изгоним страх	118
Е. Вагин. О верующих миллионах	139
К. Коровин. На Севере диком. (Окончание)	154
Ю. Машков. Речь на массовом собрании «За вашу и нашу свободу»	175
Анат. Михайловский. О нашей «русскости»	181
Ген. Андреев. Записки эмигранта	198
Дм. Дроздов (свящ. Д. Дудко). Двойное течение. (Продолжение)	235

	Стр.
<i>И. А. Ильин. О демонизме и сатанизме . .</i>	251
<i>В. Самарин. Путь подвижничества (памяти Архиеп. Андрея)</i>	262
<i>Н. Ильинская. Выставка П. Д. Корина в Нью-Йорке</i>	278
<i>Г. Рар. Храм-памятник в Мюнхене</i>	295
<i>Прот. А. Киселев. Вступительное слово при открытии съезда</i>	302
<i>В последнюю минуту</i>	305

SOMMAIRE

	Pages
Les buts de la revue	3
A nos lecteurs	4
Prêtre V. Potapov. « L'âme languit dans le silence... » (au sujet de l'arrestation du père Yakounine)	5
Comité chrétien de Moscou. Appel aux Russes orthodoxes de l'intérieur et de la diaspora	19
Prêtre D. Doudko. Ce que signifie la glorification des martyrs russes	31
Comité pour sauver I. Ogourtsov. Message	33
Evêque Grégoire. L'Eglise russe au désert et dans ce monde	37
A. Rostov. Rencontres avec les martyrs . . .	64
Prêtre V. Potapov. La dissidence religieuse en URSS	71
N. Poltoratzky. Monarchisme et imprévisibilité des formes étatiques de l'avenir chez I. Ilyine	95
Prince S. Obolensky. Chassons la peur . . .	118
E. Vaghin. Des millions de croyants	139
K. Korovine. Dans le Nord sauvage (fin) . .	154
You. Machkov. Discours « pour votre liberté et la nôtre »	175
A. Michailowsky. Notre « substance russe » . .	181
G-al Andreyev. Notes d'un émigré	198

<i>D. Drozdov</i> (prêtre <i>D. Doudko</i>). Le double courant (suite)	235
<i>I. Ilyine</i> . Démonisme et satanisme	251
<i>V. Samarine</i> . Le chemin de l'abnégation . . .	262
<i>N. Ilyinskaya</i> . Exposition de P. D. Korine à New-York	278
<i>G. Rahr</i> . Sanctuaire mémorial à Munich . . .	295
<i>Archiprêtre A. Kiselev</i> . Discours inaugural au congrès orthodoxe russe	302
Dernière minute	305

Н А С Х О Д Е

**Журнал Русской Национальной Мысли
Монреаль, Канада.**

Годовая подписная плата : 12 ам. долл.

Цена в розничной продаже : 3 ам. долл.

**Адрес Редакции : Association Culturelle
Canadienne Russe de Quebec. P.O. Box-9
(Succ. Outremont) Montreal, Que. H2V 4M6
Canada**

« СВОБОДНОЕ СЛОВО КАРПАТСКОЙ РУСИ »

Карпатская Русь все десять веков своего отдельного от России существования стояла на страже единства всех русских племен. « Свободное Слово Карпатской Руси » за двадцать лет своего существования продолжает высоко держать стяг имперского единства нашей многонациональной родины.

« ССКР » — общерусский журнал, национальный и патриотический, духовный наследник и продолжатель славянофильских традиций.

« ССКР » — антикоммунистический журнал, который считает коммунизм врагом всех народов и прежде всего народа русского.

Становитесь читателями и подписчиками этого единственного в своем роде журнала русской эмиграции.

**Адрес журнала : "FREE WORD" P.O. Box 509
Mount Vernon, N.Y., U.S.A. 10550**

ЧАСОВОЙ

Орган связи

Российского Национального Движения

под редакцией В.В. Орехова.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Годовая подписка : страны Бенелюкса 450 б.
фр., Франция 60 фр. фр., Германия 40 марок,
США и Канада 15 долларов. Воздушная поч-
та в Америке дополнительно 3 доллара в год.

B. Orekhoff, 26 avenue Everard,

B 1190 Bruxelles (Belgique)

« РУССКАЯ МЫСЛЬ » — « La Pensée Russe »

Почетный директор Зинаида Шаховская.

Самая большая русская еженедельная газета
на Западе. Выходит в Париже каждый
четверг на 16-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ :

217, rue du Faubourg St. Honoré, 75008 Paris.

☎ 563-94-47; 563-21-83; 561-05-79

Условия подписки (во франц. франках) :

3 мес. 6 мес. 12 мес.

Франция 40 75 135

Прочие страны 47 84 150

Почт. счет : С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 4 фр.

Основанная Иваном Солоневичем единственная еженедельная русская монархическая газета

« НАША СТРАНА »

«Общая линия "Нашей Страны" есть по существу **стольпинская** линия: борьба с революцией и реакцией во имя России и монархии».

Иван Солоневич

Цена одного номера с пересылкой возд. почтой: Австралия 0,70 австр. долларов; ФРГ 1,30 н.м.; Италия 600 лир; Франция 3 фр.; США и большинство других стран 0,70 ам. долл. Посылать по адресу редакции:

Tatiana Kirew de Dubrowsky. Monroe 4219,
Dto. 10, 1430 Buenos Aires, Argentina.

Подписка на 4 номера

	США, Канада Австралия	Другие страны
Рассылка журнала : из Нью-Йорка		из Парижа
I. Подписка с пересылкой обыкновенной почтой	19 ам. долл.	75 фр. фр.
II. Подписка с пересылкой воздушной почтой	29 ам. долл.	100 фр. фр.
III. Цена в розничной продаже	5 ам. долл.	25 фр. фр.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличивать подписную плату насколько кто может.

Подписную плату следует посылать (чеками или почтовыми переводами)

« 1000 Anniversary Committee », 322 W. 108 St.,
New York, N.Y., 10025, USA.

или в Европе чеки на имя « La Renaissance Russe » посылать на НОВЫЙ АДРЕС секретаря редакции Melle Nathalie Semenoff 1, rue Delaporte, 94700 Maisons-Alfort, France, а почтовые переводы — на адрес редакции, 19, rue Claude-Lorrain, 75016, Paris, France. Почт. счет : 1.086-11 L. Paris

Nº de la Commission paritaire 60541.

Directeur responsable : Mme Marthe BLINOFF.

